

393 - 3 - 11

601-11
618

ИСТОРИЯ ГЕРОДОТА.

97
185

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО.

Издание С. С.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

(Первая книга).

МОСКВА.

Типографія В. М. Фришъ, Никитская ул., д. Воейковой.

1876.

ГМ
1998

Дозволено Цензурой. Москва, 10 Декабря 1875 г.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

55749-51

2011138350

Въ § 8 V главы объяснительной записки по преподаванію въ классическихъ гимназіяхъ древней исторіи сказано: „желательно, чтобы время отъ времени ученикамъ предлагаемы были отрывки изъ писателей преимущественно историческихъ для домашняго чтенія и устнаго пересказа на урокъ или же для письменныхъ упражненій.“ Вполнѣ соглашаясь съ полезностью для учениковъ старшихъ классовъ гимназій подобныхъ работъ, мы не могли не замѣтить трудности ихъ исполненія при настоящемъ уровнѣ знанія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ. Съ цѣлью облегчить ученикамъ этотъ трудъ, мы рѣшились приступить къ послѣдовательному переводу на русскій языкъ классическихъ историковъ и именно греческихъ въ виду того, что знаніе греческаго языка въ гимназіяхъ вообще слабѣе, чѣмъ знаніе латинскаго, а слѣдовательно и чтеніе греческихъ писателей представляетъ для учениковъ больше затрудненій. Мы начали съ Геродота, какъ перваго по времени греческаго историка, на котораго, притомъ, въ вышеупомянутой объяснительной запискѣ сдѣланы самыя многочисленныя указанія.

Кромѣ сказанной цѣли переводъ этотъ доставить желающимъ возможность познакомиться съ однимъ изъ источниковъ современныхъ историческихъ повѣствованій о древнихъ вѣкахъ, ознакомиться съ воззрѣніями на событія древнихъ вѣковъ самихъ древнихъ. Наконецъ онъ можетъ служить, какъ пособіе, при классныхъ переводахъ.

Переводъ сдѣланъ не литературнымъ языкомъ, а построчный, отчасти съ тою цѣлью, чтобы дать ученикамъ возможность самимъ прослѣдить изложеніе по подлиннику, отчасти для того, чтобы сохранить характеръ самаго сочиненія, что мы считаемъ особенно необходимымъ въ виду требованія, высказаннаго въ § 26 V главы *объяснительной записки*.

С. С.

ПЕРВОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ ГЕРОДОТА ГАЛИКАРНАССКАГО.

КЛЮЧ.

Вотъ исторія Геродота Галикарнасскаго, изложенная съ тою цѣлю, чтобы не было изглажено временемъ все, что совершено людьми, не потеряли славы великія и удивительныя дѣла, совершенныя Эллинами и варварами, и въ особенности о томъ, по какой причинѣ они воевали между собой.

(Финикійцы приходятъ къ Средиземному морю, 1722 г. до Р. Хр. Похищеніе Іо, 1687 г. до Р. Хр.)

1) Свѣдущіе люди изъ Персовъ говорятъ, что Финикійцы были виновниками распри. Именно: они прибыли отъ такъ называемаго Эритрейскаго моря *) къ нашему морю и, заселивъ ту страну, въ которой и теперь живутъ, скоро стали предпринимать далекія морскія плаванія. Перевозы египетскіе и ассирійскіе товары, они пріѣзжали въ равныя мѣста и между прочимъ въ Аргосъ. Аргосъ въ то время стоялъ во главѣ всѣхъ областей, находящихся въ странѣ, которая называется теперь Элладой. Финикійцы, прибывши въ этотъ Аргосъ, выставили свой товаръ. На пятый или на шестой день послѣ ихъ пріѣзда, когда они продали почти весь товаръ, выѣхала къ морю царская дочь со многими другими женщинами; имя ей было, какъ говорятъ и Эллины, Іо, дочь Инаха. Когда онѣ, стоя у кормы корабля, покупали товары, какіе имъ больше нравились, Финикійцы, стоворившись, бросились на нихъ. Многія изъ женщинъ убѣжали, Іо же съ остальными была похищена. Утащивши ихъ на корабль, Финикійцы отплыли въ Египетъ.

*) Именемъ Эритрейскаго (краснаго) моря Геродотъ называетъ западную часть Индійскаго океана, къ которой принадлежатъ Персидскій заливъ и Красное море. т. е. Средиземное.

(Европа, 1582 г. Медея, 1349 г.)

2) Такъ, по рассказамъ Персовъ, Ио пріѣхала въ Египетъ; Эллины рассказываютъ объ этомъ иначе. Это была первая изъ обидъ. Послѣ этого, говорятъ, нѣкоторые Эллины (какъ выше замѣчено, они не носили еще этого имени), пріѣхавши въ Финикію, въ городъ Тирь, похитили царскую дочь Европу. Это были Критяне. Такимъ образомъ Финикійцамъ было отплачено тѣмъ же (что и они сдѣлали). Затѣмъ Эллины сдѣлались виновниками другой обиды. Они приплыли на длинномъ (военномъ) кораблѣ въ Эю Колхидскую, къ рѣкѣ Фазису и оттуда, исполнивъ все, зачѣмъ пріѣхали, похитили царскую дочь Медею. Колхидскій посоль, отправленный въ Элладу, требовалъ удовлетворенія за похищеніе и возвращенія царской дочери. Ему отвѣчали на это, что они не дали удовлетворенія за похищеніе Ио Аргивской, поэтому и имъ не дадутъ его.

(Елена. 1290. Взятіе Трои. 1270).

3) Во второмъ поколѣніи послѣ того, какъ говорятъ, Александръ, сынъ Пріама, услышавъ объ этомъ, пожелалъ похитить себѣ жену изъ Эллады, будучи убѣжденъ, что не дастъ удовлетворенія, потому что и Эллины не дали его. Итакъ, когда онъ похитилъ Елену, Эллинами было рѣшено отправить сначала пословъ требовать возвращенія Елены и удовлетворенія за похищеніе. Другіе же, когда это было рѣшено, напомнили имъ о похищеніи Медеи и сказали: какъ они, сами не давши удовлетворенія и не возвративши, по требованію, похищенной, хотятъ, чтобы имъ дали удовлетвореніе другіе? 4) До этого времени были похищенія съ обѣихъ сторонъ, теперь же болѣе виноваты были Эллины, потому что они прежде начали воевать противъ Азіи, чѣмъ жители Азіи противъ Европы. Похищать чужихъ женъ считается преступленіемъ, стараться же отомстить за похищеніе считается глупостью, а не обращать никакого вниманія на похищеніе считается дѣломъ умнымъ; ибо ясно, что, если бы женщины не хотѣли, то не были бы похищены. Персы говорятъ, что жители Азіи не обращали вниманія на похищеніе женщинъ, Эллины же изъ-за лакедемонской женщины, собравши большое войско и прибывъ въ Азію, испровергли царство Пріама. Съ этого-то времени, какъ всѣ думаютъ, Эллины сдѣлались врагами Персовъ: Персы причисляютъ къ себѣ Азію и обитающія тамъ варварскія племена, Европу же и Эллиновъ они считаютъ за отдѣльное дѣло.

5) Такъ произошло это, по рассказамъ Персовъ, и вслѣдствіе взятія Иліона, думаютъ они, у нихъ явилась вражда противъ Эллиновъ. Касательно же похищенія Ио, Финикійцы рассказываютъ не такъ, какъ Персы. Они говорятъ, что увезли ее въ Египетъ, не употребивши насилія, но что она въ Аргосѣ вступила въ связь съ хозяиномъ корабля; когда же почувствовала себя беременною, то, стыдясь родителей, она такимъ образомъ добровольно отплыла вмѣстѣ съ Финикійцами, чтобы это не открылось. Такъ говорятъ Персы и Финикійцы. Я же относительно этого не стану говорить сейчасъ, случилось-ли это такъ или иначе; но кто, по моему мнѣнію, первый подалъ поводъ къ несправедливымъ поступкамъ относительно Эллиновъ, я укажу ниже, когда буду говорить какъ о большихъ, такъ и о малыхъ государствахъ. Ибо то, которое прежде было велико, теперь сдѣлалось малымъ, а то, которое въ мое время было велико, прежде было малымъ. Итакъ, зная о человѣческомъ счастьи, что оно никогда не остается въ одномъ и томъ же положеніи, я буду упоминать одинаково о тѣхъ и другихъ.

(Крезъ Лидійскій. 560).

6) Крезъ былъ родомъ Лидіецъ, сынъ Алиатта, повелитель народовъ, живущихъ по сю сторону рѣки Галиса, которая, протекая съ юга между Сиріей и Пафлагоніей, течетъ къ сѣверу къ такъ называемому Понту Эвксинскому *). Этотъ Крезъ, первый изъ варваровъ, о которыхъ мы знаемъ, однихъ изъ Эллиновъ покорилъ и наложилъ на нихъ дань, другихъ сдѣлалъ своими союзниками. Онъ покорилъ Ионянъ, Эолянъ и Дорянъ, живущихъ въ Азіи, союзниками сдѣлалъ Лакедемонянъ. До владычества же Креза, всѣ Эллины были свободны; ибо нашествіе Киммеріанъ, которые приходили въ Ионію, что было ранѣе Креза, не было покореніемъ городовъ, а только разбойническимъ набѣгомъ.

(Гераклиды, Лидійскіе цари. 1221—716).

7) Вотъ какимъ образомъ царская власть, принадлежавшая Гераклидамъ, перешла въ родъ Креза къ такъ называемымъ Мермнадамъ. Кандавлъ, котораго Эллины называютъ Мирсилломъ, былъ властитель Сардійскій, потомокъ Алкея, сына Геракла. Ибо Агронъ, сынъ Нина, внукъ Бела, правнукъ Алкея, первый изъ Гераклидовъ былъ царемъ

* Черное море.

въ Сардахъ, Кандавлъ же, сынъ Мирса, былъ послѣднимъ. Тѣ, которые царствовали въ этой странѣ до Агрона, были потомки Лида, сына Атиса, отъ котораго получили названіе весь лидійскій народъ, прежде называвшійся Меонянами. Послѣ нихъ получили власть Гераклиды, которымъ она была передана по волѣ боговъ и которые произошли отъ Геракла и рабы Иардана; они царствовали почти впродолженіе двадцати двухъ поколѣній, 505 лѣтъ, при чемъ власть переходила отъ отца къ сыну, до Кандавла, сына Мирса. 8) Этотъ Кандавлъ былъ сильно влюбленъ въ свою жену, и, будучи влюбленъ, считалъ ее красивѣйшей изъ всѣхъ женщинъ. Будучи такого мнѣнія, онъ особенно хвалилъ красоту своей жены одному изъ своихъ коньеносцевъ, Гигесу, сыну Даскила, своему любимцу, которому онъ поручалъ важнѣйшія дѣла. По прошествіи немногаго времени (съ Кандавлемъ должно было случиться несчастіе), онъ сказалъ Гигесу слѣдующее: „Гигесь, мнѣ кажется, ты не вѣришь моимъ словамъ о красотѣ моей жены: случается, у людей уши бываютъ недověрчивѣе глазъ. Постарайся увидеть ее нагою“. Тотъ, громко воскликнувъ, сказалъ: „царь, какія неразумныя слова ты говоришь, приказывая мнѣ увидеть мою повелительницу нагою! Вмѣстѣ съ снятымъ хитономъ, женщина оставляетъ и стыдъ. Издавна людьми установлены прекрасныя правила, которымъ должно слѣдовать; между ними есть одно такое: каждый пусть владѣетъ своимъ. Я вѣрю тому, что она красивѣйшая изъ всѣхъ женщинъ, и прошу тебя не требовать отъ меня противозаконнаго“. 9) Говоря это, онъ отказывался отъ предложенія, боясь, чтобы, вслѣдствіе этого поступка, съ нимъ не случилось чего-нибудь дурнаго. Кандавлъ отвѣчалъ на это: „будь смѣлъ, Гигесь, и не бойся ни меня, что я говорю тебѣ это съ намѣреніемъ испытать тебя, ни моей жены, что тебѣ будетъ отъ нея какое нибудь зло. Я устрою такъ, чтобы она не знала, что ты ее видѣлъ. Я помѣщу тебя въ комнату, въ которой мы спимъ, за отворенной дверью. Когда я войду, вслѣдъ за мной придетъ спать и моя жена. Недалеко отъ входа стоитъ кресло; раздѣваясь, она будетъ класть на него свои одежды одну за другою и совершенно спокойно дастъ тебѣ возможность рассмотреть себя. Когда же она пойдетъ отъ кресла къ постели и ты будешь сзади ея, позаботься тогда, чтобы она тебя не увидала, когда ты пойдешь мимо дверей.“

10) Такъ какъ Гигесь не могъ отказать, то изъявилъ согласіе. Кандавлъ же, когда наступило время отхода ко сну, привелъ Гигеса въ спальню, а затѣмъ тотчасъ вошла и жена (царя). Гигесь видѣлъ, какъ она вошла и сняла свои одежды. Когда же она, идя въ постель,

обернулась къ нему спиною, онъ выскользнулъ изъ спальни. Но та увидала его, когда онъ выходилъ. Увидя, что сдѣлано мужемъ, она изъ стыда не подняла крика и не подала вида, что замѣтила это, между тѣмъ возимѣла намѣреніе отомстить Кандавлу. Ибо у Лидянъ, какъ почти у всѣхъ варваровъ, считается большимъ стыдомъ даже для мужчины показаться голымъ. 11) Такимъ образомъ ничего не обваруживши, она сохраняла спокойствіе. Но какъ скоро наступилъ день, она, склонивъ на свою сторону рабовъ, которыхъ считала наибольше вѣрными себѣ, позвала Гигеса. Тотъ пришелъ на зовъ, не подозрѣвая, что она знаетъ о случившемся: онъ и прежде часто являлся по ея зову. Когда Гигесь пришелъ, она сказала ему: „Гигесь, я даю тебѣ теперь на выборъ двѣ дороги; иди, по какой хочешь. Или ты убей Кандавла и возьми меня и Лидійское царство, или ты самъ тотчасъ долженъ умереть, чтобы на будущее время, слушаясь во всемъ Кандавла, ты не видалъ того, чего не слѣдуетъ! Должно погибнуть или тому, кто затѣялъ это, или тебѣ, который, увидавъ меня нагою, поступилъ неприлично.“ Гигесь до сихъ поръ удивлялся ея словамъ, а потомъ сталъ умолять ее, чтобы она не возлагала на него этотъ выборъ. Онъ не убѣдилъ ее и потому видѣлъ, что непременно долженъ или убить государя, или самъ погибнуть отъ другихъ. Онъ предпочелъ самому остаться въ живыхъ и спросилъ царицу: „если ты принуждаешь меня убить моего государя противъ моей воли, то я хочу знать, какъ мы нападѣмъ на него?“ Она же, прервавъ его, сказала: „нападеніе должно быть совершено въ томъ мѣстѣ, съ котораго онъ показалъ меня тебѣ нагою; нападеніе должно быть произведено на него во время сна.“ Когда они составили заговоръ, то, по наступленіи ночи (Гигесь не отступилъ отъ своего рѣшенія, у него не было никакого спасенія и слѣдовало или ему погибнуть, или Кандавлу), онъ послѣдовалъ за царицей въ спальню. Давши ему кинжалъ, она скрыла его за тою же самою дверью. И когда Кандавлъ вскорѣ заснулъ, Гигесь, подкравшись, убилъ его и овладѣлъ его женою и царствомъ, о чемъ Архилогъ Паросскій, современникъ этого событія, рассказалъ трехстопнымъ ямбомъ. 13) Гигесь захватилъ престоль и укрѣпился на немъ благодаря дельфійскому оракулу: такъ какъ Лидійцы были недовольны гибелью Кандавла и возстали, то приверженцы Гигеса рѣшили вмѣстѣ съ ними, что, если оракулъ дастъ отвѣтъ: Гигесу быть Лидійскимъ царемъ, то царствовать ему; если же не дастъ такого отвѣта, то передать власть снова Гераклидамъ. Оракулъ далъ такой отвѣтъ, и Гигесь такимъ образомъ воцарился. Однако Пизія

прибавила также, что возмездіе за Гераклидовъ падеть на пятого потомка Гигеса. На эти слова ни Лидійцы, ни ихъ цари не обращали вниманія, пока они не исполнились.

(Гигесъ, лидійскій царь, 716—678).

14) Такъ Мерминады получили царскую власть, отнявши ее у Гераклидовъ. Гигесъ, получивъ власть, послалъ въ Дельфы не-малые дары; но сколь ни много было приношеній изъ серебра, ихъ еще больше есть въ Дельфахъ; кромѣ же серебра онъ принесъ въ даръ множество золота. Далѣе заслуживаетъ упоминанія то, что были принесены шесть золотыхъ чашъ. Онѣ поставлены въ коринеской сокровищницѣ и всѣять тридцать талантовъ. Говоря по правдѣ, эта сокровищница принадлежитъ не Коринескому народу, но Кипселу, сыну Этіона. Этотъ Гигесъ, первый изъ варваровъ, о которомъ мы знаемъ, присылалъ дары въ Дельфы послѣ Мидаса, сына Гордія, фригійскаго царя. Ибо и Мидасъ прислалъ достойный вниманія царскій тронъ, сиди на которомъ, онъ творилъ судъ; этотъ тронъ находится тамъ же, гдѣ и чаши Гигеса. Золото и серебро, которое пожертвовалъ Гигесъ, называется Дельфійцами гигадскимъ, по имени жертвователя. По воцареніи, Гигесъ ходилъ войною на Милетъ и Смирну и взялъ Колофонъ. Но въ свое царствованіе, въ теченіе 38 лѣтъ, онъ не совершилъ никакого другаго великаго дѣла, и потому мы оставимъ его, упомянувъ только объ этомъ.

(Ардисъ, лидійскій царь; Ниммеріане, 678—629 до Р. Хр.)

15) Я упомяну еще объ Ардисѣ, сынѣ Гигеса, царствовавшемъ послѣ него. Этотъ взялъ Пріэну и напалъ на Милетъ. Во время его правленія въ Сардахъ Киммеріане, вытѣсненные изъ своей земли кочевыми Скивами, пришли въ Азію и овладѣли всѣми Сардами, за исключеніемъ крѣпости.

(Садіаттъ, 629—617).

16) За Ардисомъ, который царствовалъ 49 лѣтъ, слѣдовалъ Садіаттъ, сынъ Ардиса, и царствовалъ 12 лѣтъ; за Садіаттомъ—Аліаттъ. Этотъ послѣдній воевалъ съ Кіаксаромъ, внукомъ Дейока, царемъ Мидійскимъ, прогналъ Киммеріанъ изъ Азіи, взялъ Смирну, колонію Колофона, и напалъ на Клазомены. Отъ этого города онъ ушелъ не

добровольно, а послѣ совершеннаго пораженія. Изъ другихъ дѣлъ, которыя онъ совершилъ во время своего правленія, наиболѣе достойны замѣчанія слѣдующія: 17) Онъ воевалъ съ Милезійцами, наследовавъ эту войну отъ отца. Съ Милетомъ онъ воевалъ слѣдующимъ образомъ: лишь только созрѣвали полевые плоды, онъ тотчасъ же наступалъ; въ походѣ онъ выступалъ при звукахъ трубъ, арфъ, женскихъ и мужскихъ флейтъ *). Когда же подходилъ къ Милету, онъ не разрушалъ сельскихъ построекъ, не сожигалъ ихъ и не срывалъ дверей, но оставлялъ цѣлыми. За то онъ всякій разъ истреблялъ деревья и плоды на поляхъ и уходилъ назадъ. Такъ какъ Милезійцы были властителями на морѣ, то его войску не было никакой пользы въ осадѣ. Жители же Лидійскій царь не разрушалъ ради того, чтобы Милезійцы, имѣя пристанище, могли оттуда засѣвать и обрабатывать землю и чтобы ему самому, когда они окончатъ работу, можно было, вторгшись снова, разорить ихъ. 18) Такимъ-то образомъ война длилась 11 лѣтъ, продолженіе которыхъ Милезійцы два раза потерпѣли большое пораженіе; одинъ разъ,—когда они сражались за свою страну въ Лимесійской равнинѣ, другой разъ,—въ Меандрею. Шесть лѣтъ изъ этихъ одиннадцати въ Лидіи царствовалъ Садіаттъ, сынъ Ардиса, который все это время ходилъ войною на Милетъ; онъ именно и началъ войну. Слѣдующія же за этими пять лѣтъ велъ войну Аліаттъ, сынъ Садіатта, который, какъ я замѣтилъ выше, наследовавъ эту войну отъ отца, продолжалъ ее съ энергіей. Милезійцамъ не помогалъ въ эту войну никто изъ Іонянъ, исключая однихъ Хіосцевъ, которые помогали имъ въ благодарность за ихъ прежнюю услугу; ибо Милезійцы ранѣе содѣйствовали Хіосцамъ къ окончанію войны противъ Эритрейцевъ. На двѣнадцатый годъ, когда посѣвъ былъ зажженъ войскомъ, случилось слѣдующее обстоятельство: какъ только посѣвъ загорѣлся, раздуваемый порывами вѣтра, онъ зажегъ храмъ Аѣины, по названію Ассесійскій, и храмъ такимъ образомъ сгорѣлъ. На это сначала не было обращено вниманія; но послѣ ухода войска въ Сарды, Аліаттъ заболѣлъ. Такъ какъ болѣзнь его была продолжительна, онъ отправилъ въ Дельфы пословъ, можетъ быть, по чьему нибудь совѣту, или онъ самъ такъ рѣшилъ, спросить бога о болѣзни. Явившимся въ Дельфы послаемъ Писіея сказала, что она до тѣхъ поръ не дастъ отвѣта, пока они не возстановятъ храмъ Аѣины, который сожгли въ Ассесѣ, въ Милетской странѣ. 20) Я слышалъ объ этомъ происшествіи отъ Дель-

* Флейты, издающія высокіе (женскіе) и низкіе (мужскіе) тоны.

фийцевъ; Милезійцы же прибавляютъ къ этому, что Періандръ, сынъ Кипсела, который былъ большимъ пріятелемъ Тразибулу, властвовавшему въ то время въ Милетѣ, узнавъ объ отвѣтѣ оракула, данномъ Аліатту, отправилъ вѣстника сказать, чтобы Тразибуль, зная напередъ (отвѣтъ оракула), подумалъ о настоящихъ обстоятельствахъ. Вотъ какъ произошло, по рассказамъ Милезійцевъ. 21) Аліаттъ же, какъ скоро ему это было возвѣщено, тотчасъ отправилъ посла въ Милетъ, желая заключить перемиріе съ Тразибуломъ и Милезійцами на то время, въ которое можно отстроить храмъ. Посоль прибылъ въ Милетъ. Тразибуль же, напередъ извѣщенный обо всемъ и зная, что Аліаттъ намѣренъ сдѣлать, устроилъ слѣдующее: собравъ на площадь весь свой хлѣбъ и хлѣбъ частныхъ людей, который былъ въ городѣ, онъ приказалъ Милезійцамъ, самъ подавъ знакъ, всѣмъ пить и веселиться. 22) Тразибуль дѣлалъ это самъ и приказывалъ дѣлать другимъ съ тою цѣлю, чтобы посоль сардійскій, видя такое множество насыпаннаго хлѣба и пирующихъ людей, возвѣстилъ о томъ Аліатту. Такъ и случилось. Когда посоль, увидѣвъ это и изложивъ передъ Тразибуломъ порученіе Лидійскаго царя, уѣхалъ въ Сарды, именно въслѣдствіе этого, какъ я знаю, былъ заключенъ миръ. Ибо Аліаттъ, надѣявшійся, что въ Милетѣ большой недостатокъ хлѣба и что народъ удрученъ величайшими бѣдствіями, услышалъ отъ посла, вернушагося изъ Милета, совершенно противоположное тому, что самъ думалъ. Послѣ этого былъ заключенъ миръ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы имъ быть друзьями и союзниками другъ друга. Аліаттъ выстроилъ въ Ассесѣ два храма Аѳинъ вмѣсто одного и выздоровѣлъ отъ болѣзни. Такъ произошла война Аліатта съ Милезійцами и Тразибуломъ.

23) Періандръ былъ сынъ Кипсела и онъ-то открылъ Тразибулу отвѣтъ оракула. Періандръ былъ тиранномъ въ Коринѣ. Коринѳяне говорятъ (съ ними согласны и Лесбосцы), что при его жизни случилось величайшее чудо съ Аріономъ Метимнейскимъ, а именно, что онъ былъ вынесенъ на дельфинѣ къ Тенару. Онъ былъ киеаристъ, которому въ то время не было равнаго; онъ первый изъ людей, о которыхъ мы знаемъ, сочинилъ и далъ названіе двоирамба и училъ ему въ Коринѣ. (24) Рассказываютъ, что этотъ Аріонъ, жившій долгое время у Періандра, вздумалъ отправиться въ Италію и Сицилію, и, пріобрѣтя тамъ много денегъ, захотѣлъ воротиться въ Коринѣ. Онъ отправился изъ Тарента, и, довѣряясь болѣе всѣхъ Коринѳянамъ, нанялъ у нихъ корабль. Коринѳяне на морѣ замыслили выбросить Аріона и завладѣть его деньгами. Узнавъ объ этомъ, онъ умолялъ

ихъ, отдавая имъ деньги, оставить ему жизнь: но онъ не могъ ихъ убѣдить. Корабельщики приказали ему или самому умертвить себя, чтобы быть погребену въ землѣ, или же какъ можно скорѣе прыгнуть въ море. Поставленный въ крайнее затрудненіе, Аріонъ просилъ ихъ, послѣ того какъ ими было такъ рѣшено, позволить ему пѣть, ставши въ полномъ нарядѣ на скамьяхъ для гребцовъ. Онъ обѣщавъ пропѣвши, умертвить себя. Тѣ обрадовались, что услышатъ лучшаго въ свѣтѣ пѣвца, и сошли съ кормы въ средину корабля. Надѣвши весь нарядъ и взявъ киеару, Аріонъ сталъ на скамью и запѣлъ торжественную пѣсню; окончивъ ее, онъ тотчасъ же въ полномъ нарядѣ бросился въ море. Тѣ поплыли въ Коринѣ, а онъ, какъ рассказываютъ, подхваченный дельфиномъ, вынесенъ былъ къ Тенару. Выйдя на берегъ, онъ пришелъ въ Коринѣ и рассказалъ обо всемъ случившемся. Періандръ, изъ недовѣрія никакъ не отпуская Аріона, держалъ его подъ стражей и обратилъ вниманіе на корабельщиковъ. Лишь только они пріѣхали, онъ призвалъ ихъ и спросилъ, не имѣютъ ли они что нибудь сказать объ Аріонѣ. Когда тѣ говорили, что онъ былъ здоровъ и невредимъ въ Италіи и что они оставили его совершенно здоровымъ въ Тарентѣ, предъ ними вдругъ явился Аріонъ въ такомъ же видѣ, въ какомъ онъ выпрыгнулъ въ море. Изумленные, они не могли отпираться, когда ихъ уличали. Такъ рассказываютъ Коринѳяне и Лесбосцы; и на мысѣ Тенарѣ находится небольшое мѣдное приношеніе, сдѣланное Аріономъ: человекъ, сидящій на дельфинѣ.

(Аліаттъ, 560 г. до Р. Хр.)

25) Аліаттъ, лидійскій царь, окончивъ войну съ Милезійцами, послѣ того умеръ, процарствовавъ 57 лѣтъ. Излѣчившись отъ болѣзни, онъ — второй изъ того же дома — пожертвовалъ въ Дельфы большую серебряную чашу и подчашникъ съ принажными желѣзными украшениями. замѣчательную между всѣми приношеніями въ Дельфахъ, работы Главка хіосскаго, который одинъ изъ всѣхъ людей изобрѣлъ способъ припаявать желѣзные украшения.

(Крезъ, род. въ 595 г. до Р. Хр., цар. съ 560 г.)

26) По смерти Аліатта вступилъ на престолъ Крезъ, сынъ Аліатта, тридцати-пяти лѣтъ отъ роду, который напалъ на Эллиновъ и прежде всего на Эфессцевъ. Въ то время Эфесцы, осажденные имъ, поручили свой городъ покровительству Артемиды, протянувши отъ храма

веревку къ городской стѣнѣ, между старымъ городомъ, который въ то время былъ осаждаемъ, и храмомъ—семь стадій. Крезъ напалъ на нихъ первыхъ, а потомъ по-очередно на всѣхъ Іонянъ и Эолянъ, взводя на нихъ обвиненія, какія только онъ могъ отыскать болѣе важныя, обвиняя въ большпхъ преступленіяхъ, приводя же только ничтожныя. Наложивъ дань на Эллиновъ, живущихъ въ Азіи, онъ задумалъ тогда, построивъ корабли, напасть на островитянъ. Когда все было готово къ постройкѣ кораблей, пришелъ въ Сарды, одни **р**азсказываютъ — Біасъ пріенскій, другіе — Питтакъ митиленскій. На вопросъ Креза, нѣтъ ли чего новаго въ Эладѣ, тотъ съ цѣлю остановить снаряженіе кораблей, сказалъ слѣдующее: „царь, островитяне собираютъ огромную конницу, имѣя намѣреніе идти войною на Сарды, противъ тебя.“ Крезъ, думая, что онъ говоритъ правду, сказалъ: „о если бы боги внушили островитянамъ мысль идти противъ сыновъ Лидійскихъ на коняхъ!“ Тотъ же, перебивши, сказалъ: „царь, мнѣ кажется, ты усердно молишь, чтобы островитяне на коняхъ достигли материка, надѣясь, что это возможно; о чемъ другомъ, думаешь ты, молятъ островитяне, послѣ того какъ они узнали, что ты намѣренъ снаряжать противъ нихъ корабли, какъ не о томъ, чтобы захватить Лидійцевъ въ морѣ съ цѣлю отомстить тебѣ за Эллиновъ, живущихъ на материкѣ, которыхъ ты поработилъ?“ Крезъ понялъ смыслъ этихъ словъ, и такъ какъ ему показалось это справедливымъ, онъ послушался и прекратилъ снаряженіе кораблей. Такимъ образомъ онъ заключилъ союзъ съ Іонянами, живущими на островахъ. 28) По прошествіи нѣкотораго времени были покорены почти всѣ народы, живущіе по сю сторону рѣки Галиса; исключая Киликійянъ и Ликійцевъ, Крезъ властвовалъ надъ всѣми остальными. Это слѣдующіе: Лидійцы, Фригійцы, Мизяне, Маріандины, Халибы, Пафлагонцы, Фракійцы еиискіе и вноинскіе, Карійцы, Іоняне, Доряне, Эоляне и Памфиляне. 29) Когда они были покорены и Крезъ сверхъ того еще имѣлъ подъ своею властью Лидійцевъ, въ Сарды, цвѣтущіе богатствомъ, пріѣзжали изъ Элады всѣ мудрецы, которые жили въ это время. Между пріѣзжавшими мудрецами былъ и Солонъ Аонинянинъ, который, написавъ по порученію Аонянъ законы, отправился путешествовать на десять лѣтъ, отплывъ подъ предлогомъ видѣть разныя страны, съ тою цѣлю, чтобы его не принудили уничтожить какой либо изъ данныхъ имъ законовъ. Сами Аоняне не могли этого сдѣлать: они обязались великою клятвою хранить въ теченіе десяти лѣтъ законы, которые далъ имъ Солонъ. 30) Итакъ Солонъ, отправившись изъ отечества

съ этою именно цѣлю, а также для обзорнія странъ, пріѣзжалъ въ Египетъ къ Амазису и въ Сарды къ Крезу. По прибытіи въ Сарды, онъ былъ принятъ Крезомъ во дворецъ. Потомъ, на третій или на четвертый день, слуги, по приказанію Креза, водили Солона по сокровищницамъ и показывали всѣ, находившіяся тамъ, великія богатства. Послѣ того, какъ онъ все видѣлъ и осмотрѣлъ на досугъ, Крезъ спросилъ его: „Аонинскій гость, до насъ дошла великая молва о твоей мудрости и твоихъ странствованіяхъ, какъ ты, изъ любви къ познаніямъ, обошелъ многія страны, чтобы видѣть ихъ. И теперь мнѣ пришло желаніе спросить тебя: кто изъ всѣхъ, извѣстныхъ тебѣ, людей самый счастливый?“ Крезъ сдѣлалъ этотъ вопросъ въ увѣренности, что онъ самый счастливый человекъ. Солонъ, не льстя, но говоря истину, сказалъ: „Теллъ Аонинскій, царь!“ Удивленный этимъ отвѣтомъ, Крезъ быстро спросилъ: „почему же ты думаешь, что Теллъ самый счастливый?“ Тотъ отвѣчалъ: „вопервыхъ, Теллъ, жившій во время процвѣтанія государства, имѣлъ прекрасныхъ сыновей и видѣлъ, что и у нихъ у всѣхъ родились дѣти и оставались живы; во вторыхъ, сверхъ того еще, что онъ, по нашему мнѣнію, прожилъ счастливо, ему была дарована прекрасная кончина. Ибо во время сраженія Аонянъ съ ихъ сосѣдями въ Элевзисѣ, онъ разбилъ и обратилъ въ бѣгство непріятелей и умеръ со славою. Аоняне похоронили его на счетъ государства на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, и высоко почитали его память.“ 31) Такъ какъ Солонъ разсказомъ о Теллѣ, о большемъ его счастіи побудилъ Креза (спросить его еще), тотъ спросилъ: „кто второй счастливецъ, по его мнѣнію, послѣ того“, полагая навѣрное, что Солонъ дастъ ему, по крайней мѣрѣ, второе мѣсто. Но тотъ сказалъ: „Клеобисъ и Битонъ. Родомъ Аргивяне, они имѣли достаточныя средства къ жизни и сверхъ того обладали такою тѣлесною силою: оба они получали одинаковыя награды и между прочимъ о нихъ разсказываютъ слѣдующее: когда былъ праздникъ Геры у Аргивянъ, ихъ матери нужно было отправиться на колесницѣ въ храмъ; но быки не пришли во время съ поля. Такъ какъ ждать было некогда, то юноши сами запряглись въ ярмо и повезли колесницу, а на колесницѣ сидѣла ихъ мать. Они провезли ее сорокъ пять стадій и прибыли ко храму. И послѣ того, какъ они сдѣлали это на глазахъ всего праздничнаго собранія, имъ была дарована прекраснѣйшая кончина; божеество показало на нихъ, что для человека лучше умереть, чѣмъ жить. Обступившіе ихъ Аргивяне, прославляли силу юношей, а Аргивянки— ихъ мать за то, что она имѣла такихъ сыновей. Мать, обрѣванная

въ высшей степени и поступкомъ сыновей и похвалами, поверглась предъ статуей богини и молила, да дастъ богиня Клеобису и Битону, ея сыновьямъ, которые ее столь высоко почитали, то, что есть для человѣка самое лучшее. Послѣ этой молитвы, юноши принесли жертву и пировали; заснувъ въ самомъ храмѣ, они болѣе уже не вставали, но воспріяли такую кончину. Аргивяне же велѣли сдѣлать ихъ изображенія и поставить ихъ въ Дельфахъ, такъ какъ эти юноши были прекрасными людьми.“ 32) Такимъ образомъ вторую степень счастья Солонъ назначилъ имъ. Крезъ, разсерженный, сказалъ: „Афинскій гость, ужели ты считаешь мое счастье столь ничтожнымъ, что не сравнилъ меня даже съ простыми людьми?“ Тотъ отвѣчалъ: „о Крезъ, меня, который знаетъ, какъ божество завистливо и грозно, ты спрашиваешь о человеческой жизни. Въ теченіе долгаго времени можно многое видѣть и многое испытать, чего и не желаешь. Я считаю предѣломъ жизни для человѣка семьдесятъ лѣтъ; эти семьдесятъ лѣтъ составляютъ 25.200 дней, не считая високоснаго мѣсяца. Если же ты хочешь считать какой нибудь годъ мѣсяцемъ длиннѣе, для того чтобы времена года сходились, наступаая въ дожное время, то високосныхъ мѣсяцевъ въ семидесяти годахъ будетъ тридцать пять, дней же въ этихъ мѣсяцахъ—1.050. Изъ всѣхъ этихъ дней, которыхъ въ семидесяти годахъ заключается 26.250, ни одинъ не приноситъ совершенно того же, что и другой. Такимъ образомъ, Крезъ, человѣкъ есть иррушка судьбы. Я вижу, что ты богатъ и царствуешь надъ многими народами, о томъ же, о чемъ ты спрашиваешь меня, я могу сказать не прежде, какъ узнаю, что твоя жизнь окончилась прекрасно. Ибо богачъ не счастливѣе того, кто имѣетъ средства къ жизни на одинъ день, если судьба не способствуетъ ему окончить жизнь хорошо, въ обладаніи всѣмъ своимъ добромъ. Многие богатые люди несчастны, а многие и съ умѣреннымъ достаткомъ счастливы. Богачъ, но несчастный, имѣетъ только два преимущества предъ счастливымъ, а тотъ послѣдній предъ несчастнымъ богачемъ имѣетъ ихъ много: первый скорѣе можетъ исполнить свое желаніе и перенести великое несчастье, обрушившееся на него; а второй имѣетъ предъ первымъ слѣдующія преимущества: правда, онъ не въ состояніи переносить бѣдствій и желанія такъ же, какъ тотъ; но счастье избавляетъ его отъ этого; онъ не увѣченъ, не боленъ, не испытываетъ несчастій, имѣетъ хорошихъ дѣтей, красивъ собою; если же, сверхъ того, онъ еще окончить хорошо жизнь, то вотъ тотъ, кого ты ищешь, достойный быть названъ счастливымъ. Но пока онъ не умеръ, удержишь и не говори:

„онъ счастливъ“, но: „его удѣлъ хорошъ.“ Будучи человѣкомъ, невозможно владѣть всѣмъ этимъ, какъ никакая страна не можетъ имѣть у себя всего; но одно она имѣетъ, другаго у нея недостаетъ; только та наилучшая страна, которая владѣетъ наибольшимъ. Такъ и человѣкъ имѣетъ нужду въ чужой помощи: одно у него есть, въ другомъ же недостатокъ. Кто изъ нихъ до конца имѣлъ многое и послѣ того счастливо окончилъ жизнь, тотъ, о царь, по моему мнѣнію, достоинъ носить то имя. Нужно ждать конца каждой вещи, каковъ онъ выйдетъ. Ибо божество, многимъ пославши счастье, потомъ всеѣмъ уничтожало его.“ 33) Этими словами онъ не угодилъ Крезу, и тотъ, не обративъ на него болѣе вниманія, отпустилъ его, увѣренный, что глупъ тотъ, кто, оставляя настоящія блага, совѣтуетъ ждать конца всякаго дѣла.

34) Послѣ отъѣзда Солона, божество поразило Креза великимъ наказаніемъ за то, какъ можно думать, что онъ счелъ себя счастливѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Когда онъ заснулъ однажды, ему было сновидѣніе, открывшее ему истину о томъ несчастіи, которое должно было случиться съ его сыномъ. У Креза было двое сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ пораженъ пѣмотою, другой же былъ первымъ во всемъ между своими сверстниками; имя ему было Атисъ. Объ этомъ именно Атисъ сновидѣніе открыло Крезу, что онъ лишится его отъ удара желѣзнымъ копьемъ. Проснувшись и давъ себѣ отчетъ, онъ испугался этого сновидѣнія и прежде всего женилъ своего сына; никогда и ни въ какомъ случаѣ онъ уже болѣе не отпускалъ его, какъ это бывало прежде, начальствовать надъ Лидійцами, дротики же, коня и все подобное, что люди употребляютъ на войнѣ, онъ приказалъ вынести изъ мужскихъ покоевъ и сложить ихъ въ женскихъ, чтобы ничто не могло упасть со стѣны на его сына. 35) Когда сынъ его женился, въ Сарды прибылъ человѣкъ, впавшій въ несчастье и съ запятанными кровью руками, Фригіецъ по происхожденію и царскаго рода. Придя въ домъ Креза, онъ по тамошнимъ обычаямъ сталъ просить принести за него очистительную жертву, и Крезъ принесъ ее. У Лидійцевъ и у Эллиповъ существуетъ одинаковое очищеніе. И вотъ, когда Крезъ исполнилъ предписанное обычаемъ, то осѣдомился, откуда и кто онъ, сказавши слѣдующее: „кто ты, мужъ, и изъ какой части Фригіи ты пришелъ, чтобы прибѣгнуть къ моему покровительству? Кого изъ мужчинъ или женщинъ ты убилъ?“ Тотъ отвѣчалъ: „Царь, я сынъ Гордія, внукъ Мидаса, называюсь Адрасть; убивши печально своего собственнаго брата, я стою теперь здѣсь, выгнанный своимъ отцомъ

и лишенный всего. "Крезъ сказалъ ему на это: „ты пришелъ къ друзьямъ своихъ родителей, теперь ты не будешь нуждаться ни въ чемъ, ибо ты остаешься у меня. Чѣмъ легче будешь ты переносить свое несчастіе, тѣмъ лучше будетъ для тебя.“ 36) Онъ остался жить у Креза. Въ это самое время появился на Мизійскомъ Олимпѣ огромной величины кабанъ. Онъ постоянно сходилъ съ этой горы и уничтожалъ полевья работы Мизянъ. Сколько разъ Мизяне ни выходили на него, они не причинили ему никакого вреда, но за то терпѣли отъ него. Наконецъ послы отъ Мизянъ пришли къ Крезу и сказали ему: „Царь, у насъ въ странѣ появился огромной величины кабанъ, который портитъ наши поля. При всемъ нашемъ желаніи поймать его, мы не могли этого сдѣлать. Теперь просимъ тебя прислать къ намъ своего сына и избранныхъ юношей съ собаками, чтобы мы могли выгнать чудовище изъ своей страны.“ Вотъ чего они просили; а Крезъ, помня о сновидѣніи, сказалъ имъ слѣдующія слова: „не думайте, что я пошлю къ вамъ моего сына; онъ только что женился, и это составляетъ теперь для него предметъ заботъ. Но я пошлю къ вамъ отборныхъ Лидійцевъ и всю охоту и прикажу посланнымъ быть какъ можно ревностнѣе, чтобы помочь вамъ выгнать звѣря изъ страны.“ 37) Такъ онъ отвѣчалъ и Мизяне остались этимъ довольны. Въ это время вошелъ сынъ Креза, который слышалъ о просьбѣ Мизянъ. Такъ какъ Крезъ объявилъ, что не отпустить къ нимъ сына, то юноша сказалъ ему: „отецъ, прежде было для насъ самымъ лучшимъ и благороднѣйшимъ занятіемъ отличаться на войнѣ и на охотѣ. Теперь ты меня удалилъ отъ этихъ занятій, не замѣтивъ во мнѣ ни трусости, ни извѣженности. Съ какими глазами я покажусь предъ народомъ, когда пойду на площадь или съ площади? За кого станутъ считать меня граждане? За кого станеть считать молодая жена? Какимъ покажется ей мужъ, съ которымъ она живетъ? И такъ ты или позволишь мнѣ идти на охоту, или убѣди меня доводами, что мнѣ лучше поступать такъ.“ 38) Крезъ отвѣчалъ ему на это: „сынъ мой, я дѣлаю это не потому, что замѣчаю въ тебѣ трусость или какой-нибудь другой порокъ; но потому, что во снѣ мнѣ было откровеніе, предвозвѣстившее, что ты не проживешь долго, такъ какъ долженъ погибнуть отъ желѣзнаго копья. Вслѣдствіе этого предвѣщанія я и посѣвшилъ устроить твой бракъ и не отпускаю тебя на эту забаву; ибо я хочу, если это только для меня возможно, уберечь тебя отъ опасности, пока я живъ. Ты у меня единственный сынъ, другаго увѣчнаго я не считаю, какъ будто-бы у меня его нѣтъ.“ 39) Юноша отвѣчалъ ему на это: „тебѣ простительно, отецъ мой, изъ-

за подобнаго предвѣщанія оберегать меня; но чего ты не понимаешь въ сновидѣніи, что ускользнуло отъ тебя, то слѣдуетъ указать мнѣ. Сновидѣніе, говоришь ты, предупредило тебя, что я умру отъ желѣзнаго копья; но какія руки и какое желѣзное копье, котораго ты боишься, есть у кабана? Если бы сновидѣніе показало тебѣ, что я умру отъ зубовъ или отъ чего-нибудь подобнаго, тогда ты долженъ бы былъ дѣлать то, что теперь дѣлаешь; но оно показало, что я умру отъ копья; и такъ какъ намъ не предстоитъ сраженія съ людьми, то отпусти меня.“ 40) Крезъ отвѣчалъ: „но истинъ, сынъ мой, ты побѣждаешь меня, истолковавъ мнѣ такимъ образомъ сновидѣніе. И такъ, побѣжденный тобою, я перемѣняю свое рѣшеніе и позволяю тебѣ отправиться на охоту.“ 41) Послѣ этихъ словъ Крезъ послалъ за Фригійцемъ Адрастомъ, и когда тотъ явился, онъ сказалъ ему: „Адрасть, я принесъ за тебя очистительную жертву, такъ какъ ты пораженъ горькимъ несчастіемъ, въ которомъ я тебя не виню; и привяжъ тебя въ свой домъ и доставляю тебѣ всѣ средства къ жизни. Теперь ты долженъ воздать мнѣ добромъ за то, что я раньше сдѣлалъ тебѣ добро; я прошу тебя быть охранителемъ моего сына, который отправляется на охоту, чтобы какіе нибудь злодѣи не попались вамъ на дорогѣ на вашу гибель. Сверхъ того тебѣ прилично идти туда, гдѣ ты можешь отличиться своими подвигами, ибо ты къ этому рожденъ и въ добавокъ одаренъ силой.“ 42) Адрасть на это отвѣчалъ: „Царь, иначе я и не пошелъ бы на такую забаву; ибо тому, кто пораженъ подобнымъ несчастіемъ, неприлично находиться среди счастливыхъ сверстниковъ, онъ и не желаетъ этого. И я всячески сталъ бы отстранять себя; но теперь, когда ты просишь меня, мой долгъ сдѣлать тебѣ угодное,—ибо я долженъ отплатить тебѣ добромъ за добро; я готовъ сдѣлать это, и будь увѣренъ, что твой сынъ, котораго ты поручилъ мнѣ охранять, насколько это зависить отъ защитника, воротится невредимымъ.“ 43) Послѣ такого его отвѣта Крезу, они отправились въ сопровожденіи избранныхъ юношей и собакъ. Прибывъ къ Олимпійской горѣ, они стали искать звѣря, и когда нашли, то, окруживъ его, начали метать въ него копьями. Въ это время чужестранецъ,—тотъ самый, который былъ очищенъ отъ убійства, по имени Адрасть,—метнулъ копьемъ въ кабана, но не попалъ въ него, а попалъ въ сына Креза. И этотъ, пораженный копьемъ, оправдалъ предвѣщаніе сновидѣнія. Одинъ человекъ тотчасъ же побѣжалъ извѣстить Креза о случившемся, и, придя въ Сарды, рассказалъ ему объ охотѣ и объ участи его сына. 44) Крезъ, потрясенный смертью сына, былъ пораженъ

этимъ тѣмъ сильнѣе, что сына его убили тотъ, кого онъ самъ очистилъ отъ убійства. Въ великомъ горѣ о судьбѣ сына, онъ призывалъ Зевса очистителя, какъ свидѣтеля того, что потерялъ отъ чужестранца; онъ призывалъ покровителя очага и дружбы (называя того же самаго бога), — покровителя очага потому, что, принявши въ свой домъ чужестранца, онъ держалъ у себя, самъ того не подозревая, убійцу сына, — покровителя дружбы потому, что въ томъ самомъ человѣкѣ, котораго онъ послалъ, какъ охранителя своего сына, онъ нашелъ злѣйшаго врага. 45) Послѣ этого пришли Лидійцы, неся трупъ, а зади него шель убійца. Онъ сталъ у трупа и отдалъ себя во власть Крезу, протягивая руки и прося умертвить себя за убитаго; онъ говорилъ о своемъ прежнемъ несчастіи и что онъ сверхъ того убилъ человѣка, очистившаго его, и что ему не слѣдуетъ долѣе жить. Услыхавъ это, Крезъ почувствовалъ состраданіе къ Адрасту, даже при своемъ столь большомъ собственномъ несчастіи, и сказалъ ему: „ты уже удовлетворилъ меня, мой гость, когда самъ себя присудилъ къ смерти. И не ты виновенъ предо мною въ этомъ несчастіи, кромѣ того, что ты невольнo совершилъ убійство, но богъ, уже давно предвѣщавшій мнѣ о томъ, что должно будетъ случиться.“ Крезъ похоронилъ, какъ прилично было, своего сына, а Адрастъ, сынъ Гордія, внука Мидаса, который сдѣлался такимъ образомъ убійцею своего брата и своего очистителя, когда народъ успокоился относительно убійства, считая себя несчастнѣйшимъ изъ людей, которыхъ онъ зналъ, умертвилъ себя на могилѣ.

46) Крезъ, лишившись сына, былъ виждоленіи двухъ лѣтъ въ большой скорби. Но потомъ уничтоженіе власти Астіага, сына Кіаксара, Киромъ, сыномъ Камбиза, и увеличеніе могущества Персеовъ отвлекли Креза отъ его печали и побудили его позаботиться, если возможно, прежде чѣмъ Персы усилятся, остановить ихъ возрастающее могущество. Вслѣдствіе этого рѣшенія онъ тотчасъ же сталъ испытывать эллинскіе оракулы, также какъ и ливійскій. Онъ отправилъ однихъ пословъ въ одно мѣсто, другихъ въ другое: однихъ въ Дельфы, другихъ въ Абы Фокейскія, третьихъ въ Додону; нѣкоторые были посланы къ Амфіараю и къ Трофонію, другіе въ Бранхиды Милетскіе. Это Эллинскіе оракулы, къ которымъ Крезъ послалъ съ намѣреніемъ испытать ихъ. Другихъ пословъ онъ отправилъ въ Ливію къ Аммону также для его испытанія. Послалъ же онъ испытывать оракулы потому, что задумалъ, если найдеть, что они знаютъ истину, послать къ нимъ снова и спросить ихъ, слѣдуетъ-ли ему предпринимать

походъ противъ Персеовъ. 47) Онъ далъ Лидійцамъ, которыхъ послалъ для испытанія оракуловъ, приказаніе разсчитывать со дня ихъ отправленія изъ Сардъ остальные дни и въ сотый день обратиться къ оракулу съ вопросомъ: что дѣлаетъ Лидійскій царь Крезъ, сынъ Аліатта? Что каждый изъ оракуловъ отвѣтитъ, записать и принести къ нему. Объ отвѣтахъ прочихъ оракуловъ ничего неизвѣстно; въ Дельфахъ же, какъ только Лидійцы вошли въ святилище съ тѣмъ, чтобы спросить бога, и спросилъ о томъ, что имъ было поручено, Писия отвѣчала имъ гекзаметромъ слѣдующее:

Знаю число и песку, и моря глубокаго мѣру,
Я понимаю и глухонѣмаго и слышу нѣмаго.
Запахъ дошелъ до меня черепахи съ кожею твердой;
Въ мѣдномъ соудѣ варится она вмѣстѣ съ мясомъ овечьимъ:
Мѣдъ подложена подъ нею, мѣдью жъ она и покрыта.

48) Лидійцы записали этотъ отвѣтъ и тотчасъ отправились въ Сарды. Когда явились и другіе, посланные Крезомъ въ разныя стороны, съ своими отвѣтами, онъ развернулъ и прочелъ каждую изъ записокъ. Ни одна изъ нихъ ему не понравилась. Когда же онъ узналъ отвѣтъ изъ Дельфъ, тотчасъ же сталъ прославлять божество и принялъ отвѣтъ, рѣшивъ, что единственный оракулъ есть дельфійскій, потому что тотъ открылъ ему именно то, что онъ дѣлалъ. Послѣ того, какъ Крезъ отправилъ пословъ, чтобы испытать оракуловъ, онъ дождавшись назначеннаго дня, устроилъ слѣдующее: онъ задумалъ то, чего невозможно было открыть и отгадать, а именно: убивъ черепаху и овцу, онъ сталъ варить ихъ вмѣстѣ въ мѣдномъ котлѣ, накрывши мѣдной крышкой. 49) Такой отвѣтъ былъ данъ Крезу изъ Дельфъ. Касательно же отвѣта оракула Амфіарая я не могу сказать, что онъ отвѣтилъ Лидійцамъ, послѣ того, какъ они совершили обычныя дѣйствія относительно храма; объ этомъ ничего неизвѣстно кромѣ того, что Крезъ и этотъ оракулъ нашелъ правдивымъ. 50) Послѣ этого онъ выразилъ свое благоговѣніе къ богу въ Дельфахъ большими жертвами. Онъ принесъ въ жертву 3.000 животныхъ; сложивъ въ огромный костеръ позолоченныя и посеребренныя ложа, золотыя чаши, пурпуровыя одежды и хитоны, онъ сжегъ это, надѣясь болѣе всего склонить этимъ на свою сторону бога. Онъ приказалъ всѣмъ Лидійцамъ приносить въ жертву все, что каждый могъ. Когда жертвоприношенія были окончены, онъ расплавилъ множество золота, изъ котораго сталъ дѣлать полукирпичи, длиною въ шесть пядей, шириною въ три пяди, толщиною въ одну пядь, числомъ 117; изъ нихъ четыре изъ чистаго золота, всѣмъ

каждый въ $2\frac{1}{2}$ таланта, остальные же полукирпичи изъ блага золота *), вѣсомъ въ 2 таланта. Онъ сдѣлалъ также изображеніе льва изъ чистаго золота, вѣсомъ въ 10 талантовъ. Этотъ левъ во время пожара Дельфійскаго храма упалъ съ полукирпичей, — онъ былъ утвержденъ на нихъ, — и теперь онъ находится въ Коринтской сокровищницѣ и имѣеть вѣсу $6\frac{1}{2}$ талантовъ, ибо $3\frac{1}{2}$ таланта расплавились. 51) Окончивъ это, Крезъ послалъ все это въ Дельфы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все остальное, а именно: двѣ большой величины чаши, золотую и серебряную, изъ которыхъ золотая стоитъ на правой сторонѣ при входѣ въ храмъ, серебряная же на лѣвой. Когда храмъ сгорѣлъ, они были перенесены, и золотая находится (теперь) въ Клазоменской сокровищницѣ и имѣеть вѣсу $8\frac{1}{2}$ талантовъ и 12 минъ; серебряная же стоитъ въ углу пронаоса и вмѣщаетъ въ себя 60 амфоръ; она употребляется Дельфійцами для смѣшенія вина во время Теофаній. Дельфійцы говорятъ, что эта работа не обыкновенная. Крезъ послалъ также четыре серебряныя бочки, которыя находятся въ Коринтской сокровищницѣ; пожертвовалъ два сосуда для кропильной воды, золотой и серебряный, изъ которыхъ на золотомъ сдѣлана надпись: отъ Лакедемонянъ, такъ какъ они говорятъ, что это ихъ приношеніе, но несправедливо, ибо это есть приношеніе Креза; надпись же сдѣлалъ одинъ Дельфійецъ, чтобы угодить Лакедемонянамъ; имя его я хотя и знаю, но упоминать не буду. Мальчикъ же, чрезъ руку котораго течетъ вода, есть приношеніе Лакедемонянъ; но во всякомъ случаѣ (имъ не принадлежить) ни одинъ изъ сосудовъ. Крезъ послалъ вмѣстѣ съ этими и много другихъ менѣе замѣчательныхъ даровъ: круглыя серебряныя кувшины, а также золотую, въ 3 локтя, статую женщины, которая, какъ говорятъ Дельфійцы, есть изображеніе Крезовой хлѣбницы. Кромѣ этого Крезъ пожертвовалъ ожерелье и пояса своей жены. 52) Это все онъ послалъ въ Дельфы; Амфіараю же, узнавши объ его мужествѣ и несчастіи, онъ пожертвовалъ золотой круглый щитъ, тяжелое, все золотое, копье, у котораго не только остріе, но и древко изъ золота. То и другое еще въ мое время находилось въ Оивахъ, въ оиванскомъ храмѣ Аполлона Исменскаго.

53) Лидійцамъ, которые должны были отвезти эти дары въ храмы, Крезъ поручилъ спросить оракуловъ: долженъ ли онъ воевать противъ

*) Силавъ золота и серебра. Большой аттичскій талантъ равнялся 1442 рублямъ или, по вѣсу, 55 фунтамъ.

Персовъ и кого ему слѣдуетъ сдѣлать своими союзниками. Когда Лидійцы прибыли туда, куда они были посланы, и отдали приношеніе, они спросили оракуловъ въ такихъ словахъ: „Крезъ, царь Лидійцевъ и другихъ народовъ, полагая, что эти оракулы суть единственные между людьми, прислалъ вамъ достойные дары за ваши откровенія, и теперь онъ васъ спрашиваетъ: слѣдуетъ ли ему идти въ походъ противъ Персовъ и кого ему сдѣлать своими союзниками.“ Вотъ вопросъ, который они предложили. Оба оракула сошлись на одномъ и томъ же, предсказывая Крезу, что, если онъ пойдетъ на Персовъ, — разрушится великое царство. Они совѣтовали ему найти самыхъ сильныхъ между Эллинами и сдѣлать ихъ союзниками. 54) Узнавъ объявленную ему волю боговъ, Крезъ сильно обрадовался отвѣтамъ оракуловъ, и вполнѣ увѣренный, что разрушить царство Кира, онъ послалъ опять въ Пито и одарилъ Дельфійцевъ, число которыхъ велѣлъ узнать, двумя золотыми статерами на каждого челоувѣка. Дельфійцы же, взаимно этого, даровали Крезу и Лидійцамъ право вопрошенія на первомъ мѣстѣ, освобожденіе отъ пошлинъ и предсѣдательство, и каждому, кто пожелаетъ, право гражданства въ Дельфахъ на вѣчныя времена. 55) Одаривши Дельфійцевъ, Крезъ спросилъ оракула въ третій разъ. Ибо съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ правдивость оракула, онъ сталъ пользоваться имъ съ излишествомъ. Итакъ, онъ спросилъ оракула: будетъ ли долговѣчно его царство? Питія отвѣчала ему слѣдующее:

Только тогда лишь, когда надъ Мидянами мулъ воцарится,
Крезъ, изъноготй, бѣги ты къ обильному камнями Герму;
Бойся остаться на мѣстѣ, но трусомъ явиться не бойся.

56) Этимъ словамъ, когда они были ему переданы, Крезъ больше всего обрадовался, будучи увѣренъ, что мулъ вмѣсто челоувѣка никогда не будетъ царствовать надъ Мидянами, и ни самъ онъ, ни его преемники не лишатся власти. Послѣ этого онъ позаботился разузнать, кто между Эллинами были самые сильные. При этомъ изслѣдованіи онъ нашелъ, что Лакедемоняне и Аеиняне стояли выше всѣхъ, — первые изъ Дорійскаго, вторые изъ Іонійскаго племени. Это главныя племена, бывшія въ древнее время—одно Пелазгійскимъ, а другое Эллинскимъ народомъ. Первое никогда не переселялось, второе же весьма много странствовало. Ибо при царѣ Девкаліонѣ оно жило въ странѣ Фтіотидѣ, при Дорѣ, сынѣ Геллена, — въ странѣ при подошвѣ Осы и Олимпа, по имени Гистіотиды. Когда же оно было прогнано Кад-

мейцами, оно поселилось при Пиндѣ и стало называться Македонскимъ. Оттуда оно переселилось въ Дріопиду, а переселившись изъ Дріопиды въ Пелопонесъ, стало называться Дорійскимъ. 57) На какомъ языкѣ говорили Пелазги, я не могу навѣрно сказать. Если можно дѣлать заключеніе по тѣмъ изъ Пелазговъ, которые еще теперь существуютъ, населяя городъ Крестонъ, лежащій выше страны Тирреновъ (Этруски), и которые были когда-то сосѣдями называющимися теперь Доріанами, жили-же въ то время въ странѣ, называемой Тессаліотидой,—также по тѣмъ изъ Пелазговъ, которые основали города Плакію и Скилаку при Геллеспонтѣ, которые прежде жили вмѣстѣ съ Аѳинянами, и вообще по всемъ, сколько ихъ ни есть, Пелазгійскимъ государствамъ, имена которыхъ измѣнены, если можно дѣлать по нимъ заключеніе,—то Пелазги говорили варварскимъ языкомъ. Поэтому, если такъ было у всего Пелазгійскаго народа, то такъ-же было и у Аттическаго племени, когда оно принадлежало къ Пелазгійскому, а вмѣстѣ съ переходомъ къ Эллинамъ оно забыло и языкъ. И дѣйствительно, Крестонійцы не говорятъ однимъ языкомъ ни съ кѣмъ изъ своихъ теперешнихъ сосѣдей, ни Плакенцы; между же собою говорятъ на одномъ языкѣ; по этому ясно, что они сохраняютъ то нарѣчіе, которое принесли при переселеніи въ эту страну. 58) Эллинскій народъ, какъ мнѣ кажется, употреблялъ всегда одинъ и тотъ-же языкъ съ самаго появленія своего. Отдѣлившись отъ Пелазгійскаго народа и будучи самъ по себѣ слабымъ, онъ мало-по-малу обнялъ собою много народовъ, въ особенности, когда присоединились къ нему Пелазги и другія сильныя варварскія племена. Напротивъ того, какъ мнѣ кажется, ни Пелазгійскій народъ, ни варварскій, никогда не достигалъ сильнаго развитія.

59) Изъ этихъ народовъ Аттической, какъ узналъ Крезъ, былъ поработенъ и раздѣленъ Пизистратомъ, сыномъ Гиппократа, который въ это время былъ Аѳинскимъ тиранномъ. Съ этимъ Гиппократомъ, который былъ частнымъ человекомъ, случилось великое чудо, когда онъ присутствовалъ на Олимпійскихъ играхъ. Во время принесенія имъ жертвы, въ стоявшихъ востѣ котлахъ, полныхъ мяса и воды, вода закипѣла безъ огня и полилась черезъ край. Хилонъ Лакедемонянинъ, бывшій при этомъ и видѣвшій чудо, посоветовалъ Гиппократу во первыхъ: не вводить въ свой домъ плодovitую жену, и во вторыхъ, если у него уже есть такая, отослать ее, а если у него есть и сынъ, отречься и отъ него. Гиппократь не захотѣлъ послѣдовать совѣту Хилона. Послѣ этого у него родился тотъ Пизистратъ,

который, во время ссоры между прибрежными Аѳинянами и Аѳинянами, жителями равнины (надъ первыми начальствовалъ Мегаклъ, сынъ Алкмеона, надъ жителями-же равнины Ликургъ, сынъ Аристолайда), стремясь къ тиранніи, собралъ третью партію; набравъ приверженцевъ и ставъ во главѣ горцевъ, онъ устроилъ слѣдующее: изранивъ самъ себя и муловъ, онъ выѣхалъ на колесницѣ въ народное собраніе, какъ бы спасаясь отъ враговъ, которые хотѣли убить его въ то время, когда онъ ѣхалъ въ поле, и сталъ просить у народа позволить ему имѣть при себѣ стражу за то, что онъ и прежде отличился въ походѣ противъ Мегары, взялъ Низею и совершилъ много другихъ великихъ дѣлъ. Обманутый имъ Аѳинскій народъ позволилъ ему набрать для себя изъ гражданъ триста мужей, которыхъ были не конь-посцами, но палиценосцами Пизистрата; они ходили за нимъ съ деревянными палицами. Возставши вмѣстѣ съ Пизистратомъ, они захватили акрополисъ. Такъ Пизистратъ овладѣлъ Аѳинянами. Онъ не уничтожилъ существовавшихъ должностей, не переимѣнилъ законы, но прекрасно управлялъ государствомъ по существующимъ законамъ. 60) Не много времени спустя, сторонники Мегакла и Ликурга, согласившись между собою, выгнали его. Такъ Пизистратъ овладѣлъ въ первый разъ Аѳинянами и лишился власти, которая была еще не довольно укрѣплена. Изгнавши Пизистрата снова возстали другъ на друга. Стѣпенный (своею) партією, Мегаклъ послалъ предложить Пизистрату, не жаждаетъ ли онъ взять его дочь въ замужество вмѣстѣ съ властью. Когда Пизистратъ принялъ предложеніе и согласился на эти условія, они придумали для его возвращенія глупѣйшее средство, какъ я нахожу; ибо Эллинскій народъ издревле отличался отъ варварскаго, какъ наиболее способный отличать истину отъ обмана и какъ наиболее далекій отъ глупой довѣрчивости; а между тѣмъ они среди Аѳинянъ, которые по уму считаются первыми между Эллинами, устроили слѣдующее. Въ Пеанской области была женщина, по имени Фія, ростомъ въ четыре локтя безъ трехъ пальцевъ, но впрочемъ красивая собою. Одѣвши эту женщину въ полное вооруженіе, они посадили ее на колесницу и дали ей такое положеніе, въ которомъ она могла бы показаться наиболее похожею (на богиню). Такъ они поѣхали въ городъ, пославъ напередъ вѣстниковъ, которымъ было поручено, по прибытіи въ городъ, возглашать: „Аѳиняне, примите благосклонно Пизистрата, котораго сама Аѳина уважаетъ болѣе всѣхъ людей и ведетъ въ свой городъ.“ Такъ они повсюду возвѣщали, и тотчасъ же между народомъ распространился слухъ, что Аѳина ведетъ

Пизистрата. Граждане повѣрили, это эта женщина сама Афина, молились на смертную и приняли Пизистрата. 61) Получивъ снова сказаннымъ образомъ власть, Пизистратъ, по соглашенію съ Мегакломъ, женился на его дочери. Такъ какъ у него уже были взрослые сыновья, а объ Алкмеонидахъ былъ слухъ, что надъ ними тяготѣтъ проклятіе боговъ, то онъ, не желая имѣть дѣтей отъ молодой жены, не жилъ съ нею по закону. Сначала жена скрывала это; а потомъ, велѣдствіе ли разспросовъ, или безъ этого, она рассказала все матери, а та—своему мужу. Сильный гнѣвъ овладѣлъ имъ, что онъ былъ опозоренъ Пизистратомъ; въ гнѣвъ онъ тотчасъ же помирился съ своими сторонниками. Пизистратъ, узнавъ о томъ, что ему готовится, удалился совсѣмъ изъ страны и прибылъ въ Эретрію, гдѣ сталъ совѣтоваться съ своими сыновьями. Мнѣніе Гипіія о томъ, что слѣдуетъ снова пріобрѣсть власть, одержало верхъ; они стали собирать подарки изъ городовъ, которые имъ были чѣмъ нибудь обязаны. И между многими, доставившими большія средства, Фиванцы превзошли всѣхъ своими подарками. Послѣ этого, говоря коротко, прошло нѣсколько времени и все было готово у нихъ къ походу. Тогда не только пришли изъ Пелопонеса нанятые Аргивяне, но добровольно прибылъ и одинъ Наксосецъ, по имени Лигдамисъ, который выказалъ большое рвеніе, доставивъ деньги и людей. На одиннадцатый годъ они отправились изъ Эретріи и воротились назадъ (въ отечество). Прежде всего они овладѣли въ Атикѣ Мараономъ. Когда они расположились лагеремъ на этомъ мѣстѣ, къ нимъ пришли сторонники изъ ихъ города (Афинъ), а также и много другихъ изъ областей (Атики), для которыхъ тиранія была пріятнѣе свободы. Такъ они собрались. Жители же Афинъ, пока Пизистратъ собиралъ средства и даже когда онъ овладѣлъ Мараономъ, не обращали на это вниманія; но узнавъ, что онъ отъ Мараона идетъ къ городу (Афинамъ), они только теперь выступили ему на встрѣчу. Всѣмъ войскомъ двинулись они противъ возвращавшихся (въ отечество); а Пизистратъ съ своими сторонниками, которые отъ Мараона шли къ городу, встрѣтился съ ними около храма Палленійской Афины и тамъ расположился противъ нихъ лагеремъ. Сюда, посланный богомъ, явился къ Пизистрату Амфилидъ Агарнанскій, предсказатель, который обратился къ нему и сказалъ гекзаметромъ слѣдующее:

Въ рѣку закинута съѣть и неводъ широкій распуцелъ.
Стадо туяцовъ попадется въ теченіе мѣсячной ноля.

63) Такъ онъ предсказалъ, исполненный вдохновенія. Пизистратъ, понявъ предсказаніе, объявилъ, что принимаетъ то, что ему открыто, и повелъ войско. Афиняне изъ города въ это время завтракали; нѣкоторые изъ нихъ, уже окончившіе завтракъ, одни занимались игрой въ кости, другіе спали. Пизистратъ съ своими напалъ на Афинянь и разбилъ ихъ на голову. Когда они побѣжали, Пизистратъ сдѣлалъ благоразумное распоряженіе съ тою цѣлью, чтобы Афиняне не собрались опять, но остались разсѣянными. Онъ приказалъ своимъ сыновьямъ съѣсть на коней и слѣдовать за ними. Догоняя бѣглецовъ, они говорили то, что имъ поручилъ Пизистратъ, советуя Афинянамъ образумиться и идти каждому домой. 64) Тѣ послушались, и такимъ образомъ Пизистратъ въ третій разъ овладѣлъ Афинами и обезпечилъ свою власть многочисленными наемными войсками и доходами, часть которыхъ шла съ самой страны, часть съ рѣки Стримона. Онъ взялъ заложниками съ Афинянь, которые остались и не убѣжали тотчасъ, ихъ сыновей и помѣстилъ этихъ послѣднихъ на островѣ Наксоссъ; — ибо Пизистратъ завоевалъ его и предоставилъ Лигдамису. Кромѣ того онъ очистилъ островъ Делосъ, исполняя приговоръ оракула; онъ сдѣлалъ это слѣдующимъ образомъ: на сколько простирался видъ изъ храма, онъ вырылъ изъ всего этого мѣста трушу и перенесъ на другое мѣсто Делоса. Такимъ образомъ Пизистратъ сталъ властвовать надъ Афинами. Часть Афинянь погибла въ бою, другіе вмѣстѣ съ Алкмеонидами бѣжали изъ отечества.

(Ликургъ, законодатель Спартанскій, 884).

65) Вотъ какія извѣстія получилъ Крезъ о тогдашнемъ положеніи Афинянь; о Лакедемонянахъ онъ узналъ, что они избѣгли великихъ несчастій и уже одерживаютъ верхъ въ войнѣ съ Тегеатами. Ибо, во время царствованія въ Спартѣ Леона и Гегезикла, Лакедемоняне, счастливые въ другихъ войнахъ, терпѣли пораженія отъ однихъ Тегеатовъ. Въ прежнее время они почти одни изъ всѣхъ Эллиновъ имѣли самые дурные законы и были необщительны, какъ между собою, такъ и съ иностранцами. Къ благоустройству же они пришли слѣдующимъ образомъ. Ликургъ, уважаемый Спартанецъ, пришелъ въ Дельфы къ оракулу, и какъ только вступилъ въ святилище, Пифія сказала:

Вижу тебя, о Ликургъ, пришедшаго въ храмъ мой богатый.
Зевсъ благосклоненъ къ тебѣ, благосклонны и всѣ Олимпійцы;
Счасть-ли имъ боговъ тебя, или назвать человекомъ, незнаю;
Богъ ты скорѣй, о Ликургъ, за кого я тебя и считаю.

Нѣкоторые кромѣ того говорятъ, что Писіа открыла ему существующее теперь у Спартанцевъ государственное устройство. Но какъ сами Лакедемоняне рассказываютъ, Ликургъ, бывшій опекуномъ Леобота, своего племянника, царя Спартанцевъ, принесъ это устройство изъ Крита. Какъ скоро онъ сдѣлался опекуномъ, онъ измѣнилъ все учрежденія и озаботился о томъ, чтобы ихъ не преступали. Послѣ этого онъ ввелъ въ военномъ устройствѣ эномотіи^{*}), триады и общіе столы. Наконецъ, Ликургъ поставилъ эфоровъ и старѣйшинъ. 66) Послѣ такой перемѣны Спартанцы стали пользоваться благоустройствомъ и по смерти Ликурга они построили въ честь его храмъ и стали высоко почитать его. Благодаря плодородію страны и немалому народонаселенію, они скоро усилились и дошли до цвѣтущаго состоянія. Но они не удовольствовались мирною жизнью; считая себя сильнѣе Аркадянъ, они спросили оракула въ Дельфахъ относительно всей Аркадіи. Писіа отвѣчала имъ:

Просишь Аркадію? Многого просишь, и дать не могу и.
Много живетъ тамъ мужей, потребляющихъ финики въ пищу,
Эти тебѣ не допустить. Отказа-жь тебѣ не дамъ и.
Дамъ я Тегею тебѣ; пошрпать ее можешь ногами,
Можешь равнину прекрасную мѣрною цѣпью измѣрить.

Услыхавъ этотъ отвѣтъ, Лакедемоняне не тронули остальныхъ Аркадянъ, а пошли войною противъ Тегеатовъ, захвативъ съ собою оковы, вслѣдствіе довѣрія къ двусмысленному отвѣту оракула, какъ будто бы они были увѣрены, что обратятъ въ рабство Тегеатовъ. Когда они были разбиты въ сраженіи, то все изъ нихъ, которые были взяты въ плѣнъ, стали работать въ оковахъ, принесенныхъ ими самими, и мѣрили цѣпью равнину Тегеатовъ. Оковы, которыя они носили, еще въ мое время были цѣлы въ Тегеѣ, гдѣ они висѣли у храма Аѳины Афеа. 67) Такимъ образомъ въ прежнія войны съ Тегеатами Спартанцы постоянно терпѣли неудачи; но во время Креза, въ царствованіе Анаксандрида и Аристона въ Лакедемоніи, они стали одерживать верхъ въ войнѣ. Это случилось такимъ образомъ. Такъ какъ Спартанцы постоянно терпѣли пораженія въ войнѣ съ Тегеатами, то они послали въ Дельфы спросить, какого бога имъ слѣдуетъ умо-

^{*}) Эномотія составляла четвертую часть пентекосты (50 человекъ) или шестидесятую—лоха, по Фукидиду, и состояла, слѣдовательно, изъ 12—13 человекъ, но Ксенофону же изъ 25 и, стало быть, была половиною пентекосты. Триада — отрядъ воиновъ въ 30 человекъ.

стивить, чтобы имѣть перевѣсъ въ войнѣ. Писіа отвѣчала имъ, что они должны достать себѣ кости Ореста, сына Агамемнона. Но какъ они не могли найти могилу Ореста, то снова послали спросить бога о мѣстѣ, гдѣ лежитъ Орестъ. На вопросъ посланныхъ Писіа отвѣчала:

Тамъ, гдѣ Тегея лежитъ на прекрасной Аркадской равнинѣ,
Дуютъ въ томъ мѣстѣ два вѣтра, поднятые силой могучей;
Слышенъ ударъ—и возвратный. И горе лежитъ тамъ на горѣ,
Прахъ Агамемнона сына сокрытъ тамъ въ земахъ живя дающей:
Стоить его лишь достать, и будешь властитель Тегея.

Услыхавъ это, Лакедемоняне вовсе не отказались отъ поисковъ и стали разыскивать повсюду, пока Лихасъ, Спартанецъ, одинъ изъ такъ называемыхъ агатоэрговъ, не нашелъ его. Агатоэрги были граждане и старѣйшіе изъ всадниковъ, изъ которыхъ они выбирались по пяти каждый годъ, въ тотъ годъ, въ который ихъ выбрали изъ всадниковъ, ѣздить по всей Спартанской странѣ, не смѣя оставаться одинъ—въ одномъ мѣстѣ, другой—въ другомъ. 68) И такъ Лихасъ, одинъ изъ этихъ мужей, нашелъ (то мѣсто), благодаря счастливому случаю и своему уму. Такъ какъ въ это время было перемиріе съ Тегеатами, то онъ, придя въ одну кузницу, увидалъ тамъ выковываніе желѣза и удивлялся этой работѣ. Кузнецъ, видя его удивленіе, сказалъ, оставивъ работу: „Лаконскій другъ, если бы ты видѣлъ то же, что и я, ты былъ бы сильно удивленъ, если и теперь удивляешься, глядя на обработку желѣза. Желая на своемъ дворѣ сдѣлать колодезь, я случайно вырылъ гробъ въ 7 локтей длиною. Не вѣря, чтобы люди были когда-нибудь больше, чѣмъ теперь, я открылъ его и увидалъ трупъ, длиною равный гробу. Измѣривъ, я закопалъ его опять.“ Онъ рассказалъ видѣнное имъ, а тотъ, размысливъ о сказанномъ, что это именно и есть Орестъ, согласно отвѣту оракула, сдѣлалъ такое заключеніе по слѣдующей причинѣ. Онъ видѣлъ въ кузницѣ два мѣха, изъ чего заключилъ, что это есть вѣтры; молотъ и наковальня—ударъ и отвѣтный ударъ, а выковываемое желѣзо—горе, лежащее на горѣ, дѣлая такое сравненіе потому, что желѣзо открыто на горе людямъ. Сдѣлавъ такое заключеніе, онъ вернулся въ Спарту и рассказалъ Лакедемонянамъ все дѣло. Эти взвели на него обвиненіе подъ вымышленнымъ предлогомъ и изгнали его. Онъ же, прибывъ въ Тегею, рассказалъ кузнецу о своемъ несчастіи и сталъ нанимать у него дворъ, но тотъ не отдавалъ. Уговоривъ наконецъ кузнеца, онъ поселился тамъ. Онъ разрылъ могилу и собралъ

кости и тогда удалился въ Спарту. Съ этого времени, какъ скоро Лакедемоняне испытали свои силы въ сраженіи, они взяли рѣшительный перевѣсъ, и уже большая часть Пелопонеса была покорена ими.

69) Крезъ, узнавъ обо всемъ этомъ, отправилъ въ Спарту пословъ съ дарами и просьбою о союзѣ, причемъ онъ научилъ ихъ, что имъ слѣдовало говорить. Они пришли туда и сказали: „насъ послалъ Крезъ, царь Лидійцевъ и другихъ народовъ, сказать слѣдующее: Лакедемоняне, такъ какъ оракуль посоветовалъ мнѣ заключить союзъ съ Эллинами, а я знаю, что вы самые сильные въ Элладѣ то предлагаю вамъ, по совѣту оракула, быть вашимъ другомъ и союзникомъ безъ коварства и хитрости.“ Такъ объявилъ Крезъ чрезъ пословъ, а Лакедемоняне, которые уже слышали отвѣтъ, данный Крезу оракуломъ, обрадовались предложенію Лидійцевъ и заключили съ ними союзъ дружбы и взаимной помощи. Они были обязаны также Крезу за благодѣянія, которые онъ оказалъ имъ раньше. Ибо, когда Лакедемоняне прислали въ Сарды купить золота для статуи, которая теперь находится въ Лаконіи на Форнакѣ и представляетъ Аполлона, то Крезъ далъ его имъ даромъ, когда они хотѣли его купить.

70) Вслѣдствіе этого Лакедемоняне приняли союзъ уже потому только, что онъ избралъ ихъ своими друзьями предпочтительно предъ всеми другими Эллинами. И они не только сами были готовы придти по его зову, но сверхъ того, сдѣлавши мѣдную чашу съ изображеніями снаружи по краямъ, вмѣстимостью въ триста амфуръ, они повезли ее Крезу, желая его отдарить. Эта чаша не дошла до Сарды по причинамъ, о которыхъ разсказываютъ двояко; Лакедемоняне говорятъ, что, когда везшіе чашу въ Сарды были у острова Самоса, Самосцы, узнавъ объ этомъ, приплыли на большихъ корабляхъ и отняли ее. Сами же Самосцы разсказываютъ, что, такъ какъ Лакедемоняне, везшіе чашу, опоздали и узнали, что Сарды и Крезъ были взяты, продали чашу въ Самосѣ; частные люди, купивши чашу, поставили ее въ храмъ Геры. Быть можетъ, продавшіе чашу, по возвращеніи въ Спарту, говорили, что ихъ ограбили Самосцы.

71) Вотъ что случилось съ этой чашей. Крезъ, ошибаясь въ истолкованіи оракула, отправился походомъ въ Каппадокію, надвигая уничтожить Кира и Персидскую державу. Когда Крезъ приготовился къ походу противъ Персовъ, одинъ Лидіецъ, который и прежде слылъ за мудреца, а еще болѣе прославился между Лидійцами по этому поступку, далъ Крезу слѣдующій совѣтъ (имя ему было Санданісъ): „царь, ты собираешься воевать съ такими людьми, которые носятъ

кожаные шаровары и вообще всю одежду изъ кожи, ѣдятъ не то, что имъ хочется, а то, что у нихъ есть, такъ какъ они живутъ въ суровой странѣ; сверхъ того они не употребляютъ вина, но пьютъ только воду, не ѣдятъ смоквъ и ничего другаго вкуснаго. Поэтому, если ты побдишь ихъ, то что возьмешь у нихъ, чего бы у тебя не было? а съ другой стороны, если будешь побжденъ, подумай, сколько добра ты потеряешь. Безъ сомнѣнія, Персы, отвѣдавъ нашихъ благъ, привяжутся къ нимъ, и невозможно будетъ прогнать ихъ. Благодарю боговъ, которые не вложили въ Персовъ мысль воевать съ Лидійцами.“ Но этими словами онъ не убѣдилъ Креза. Персы, дѣйствительно, прежде чѣмъ они покорили Лидійцевъ, не имѣли ничего для удовольствія, ничего пріятнаго.

72) Эллины называютъ Каппадокіянъ Сирійцами. Эти Сирійцы, еще до владычества Персовъ, были подданными Мидянъ, а въ то время— подданными Кира. Границею Мидійскаго государства и Лидійскаго была рѣка Галисъ *), которая течетъ изъ Армянскаго горнаго хребта чрезъ Киликію; потомъ, протекая далѣе, она имѣетъ на правой сторонѣ Матіоновъ, а съ другой стороны Фригійцевъ; миновавъ ихъ, она течетъ вверхъ по направленію къ сѣверу и отдѣляетъ на той сторонѣ Сирійцевъ, съ лѣвой же стороны Паолагонянъ. Такимъ образомъ рѣка Галисъ разсѣкаетъ почти всю переднюю Азію отъ моря противъ Кипра до Понта Эвксинскаго. Это мѣсто есть какъ бы шея всей этой страны; ширина его равняется пяти днямъ пути для крѣпкаго человѣка.

73) Крезъ предпринялъ походъ въ Каппадокію по той причинѣ, что не только, изъ страсти къ владѣніямъ, желалъ присоединить ее къ себѣ, какъ свою область, но болѣе потому, что довѣрялъ оракулу и хотѣлъ отомстить Киру за Астіага; ибо Астіага, сына Кіаксара, бывшаго зятемъ Креза, царя Мидійскаго, покорилъ Киръ, сынъ Камбиза. Зятемъ же Креза Астіагъ сдѣлался такимъ образомъ. Орда кочевыхъ Скивовъ, вслѣдствіе ссоры, перешла въ Мидійскую землю. Въ это время Мидянами правилъ Кіаксаръ, сынъ Фраорга, внукъ Дейока, который сначала обошелся съ этими Скивами хорошо, какъ съ людьми, прибѣгшими подъ его покровительство, и такъ высоко цѣнилъ ихъ, что отдалъ имъ мальчиковъ для наученія ихъ языку и искусству стрѣлять изъ лука. По истеченіи нѣкотораго времени, въ продолженіе котораго Скивы постоянно ходили на охоту и всегда что-нибудь при-

*) Теперь Кизиль-Ирмакъ.

носили, разъ случилось, что они ничего не добыли. Когда они вернулись съ пустыми руками, Кіаксарь—онъ, какъ извѣстно, былъ вспыльчивъ—обошелся съ ними весьма грубо и недостойно. Тѣ, потерпѣвъ это отъ Кіаксара, вознамѣрились за такое недостойное обхождение убить одного изъ воспитывавшихся у нихъ мальчиковъ и, изготовивъ изъ него кушанье такъ, какъ они обыкновенно готовятъ дичину, поднести Кіаксару подъ видомъ добытаго охотой, а послѣ этого поскорѣе отправиться къ Алиатту, сыну Садіатта, въ Сарды. Такъ и случилось. Дѣйствительно, Кіаксарь и бывшіе у него гости наѣлись этого мяса, а Скионы послѣ такого поступка обратились къ покровительству Алиатта. 74) Послѣ этого,—такъ какъ Алиаттъ не выдалъ Скионовъ по требованію Кіаксара,—произошла между Мидянами и Лидійцами пятнадцатая война, въ теченіе которой то Мидяне побѣждали Лидійцевъ, то Лидійцы Мидянъ. И однажды произошло между ними ночное сраженіе. Послѣ того какъ они съ равнымъ успѣхомъ вели войну, на шестой годъ случилось, при одномъ сраженіи, что, во время самаго боя, вдругъ день обратился въ ночь. Эту перемену дня предсказалъ Іонянамъ Фалесъ милетскій, назначивъ срокомъ именно тотъ самый годъ, *) въ который случилось превращеніе. Лидійцы и Мидяне, увидавъ, что вмѣсто дня явилась ночь, не только прекратили сраженіе, но и поспѣшили съ той и другой стороны заключить миръ между собою. Посредниками ихъ были Киликійскій Свеннезисъ **) и Лабинетъ Вавилонскій. Такъ они заключили миръ и укрѣпили его брачнымъ союзомъ; извѣстно, что Алиаттъ отдалъ дочь свою Аріану за Астиага, сына Кіаксара. Безъ близкаго родства не можетъ быть твердаго союза. Эти народы заключаютъ договоръ такъ же, какъ Эллины; и кромѣ того, они дѣлаютъ разрѣвъ кожи на рукѣ и слизаваютъ кровь другъ у друга.

75) Киръ покорилъ этого Астиага, своего дѣда по матери, по причинѣ, о которой я скажу впоследствии. За это-то Крезъ негодоваль на Кира; онъ посылалъ къ оракуду спросить о томъ, воевать-ли ему съ Персами, и когда былъ полученъ двусмысленный отвѣтъ, онъ, думая, что этотъ отвѣтъ въ его пользу, предпринялъ походъ въ Персидскую провинцію. Подойдя къ рѣкѣ Галису, Крезъ переправилъ свое войско, какъ говорю я, по находившимся тамъ мостамъ; по рассказамъ-же Эллиновъ, его перевелъ Фалесъ Милетскій. Ибо, когда

*) 585-й до Р. Хр., 28-го Марта.

**) По всей вѣроятности это не собственное имя, а царскій титулъ, какъ Фараонъ.

Крезъ находился въ затрудненіи, не зная, какъ его войско перейдетъ рѣку (такъ какъ мостовъ тамъ въ то время не было); то, говорятъ, бывшій въ лагерь Фалесъ Милетскій сдѣлалъ такъ, что рѣка, которая текла съ лѣвой стороны войска, потекла съ правой; а устроилъ это онъ слѣдующимъ образомъ: онъ приказалъ выше лагеря вырыть каналъ, вести его полукругомъ такъ, чтобы онъ шелъ сзади лагеря; такимъ образомъ рѣка, своротивъ въ этотъ каналъ изъ прежняго русла и минуя лагерь, впадала опять въ старое русло, такъ что, какъ скоро рѣка была раздѣлена, открылся переходъ на обѣ стороны. Нѣкоторые рассказываютъ, что прежнее русло совершенно высохло. Но мнѣ кажется, что все это неправда; ибо какъ же они перешли рѣку на возвратномъ пути?

(Сраженіе Кира съ Крезомъ. 546 г.)

76). Перейдя съ войскомъ черезъ рѣку, Крезъ затѣмъ подошелъ къ такъ называемой Птеріи въ Каппадокіи. Птерія есть самое укрѣпленное мѣсто этой страны послѣ города Синопа, лежащаго у Понта Эвксинскаго. Тамъ онъ расположился лагеремъ и сталъ опустошать поля Сирійцевъ. Онъ взялъ городъ Птеріанъ и обратилъ ихъ въ рабство, взялъ также и всѣ соседніе города, а Сирійцевъ, ни въ чемъ виновныхъ, выгналъ изъ ихъ страны. Киръ, собравъ свое войско и присоединивъ всѣхъ, которые жили въ срединѣ *), пошелъ навстрѣчу Крезу. Прежде чѣмъ напасть на него, онъ отправилъ къ Іонянамъ пословъ склонить ихъ къ отпаденію отъ Креза. Іоняне не послушались. Когда Киръ пришелъ и расположился лагеремъ противъ Креза, они стали мѣряться силами въ Птерійской области. Когда въ происшедшемъ затѣмъ сильномъ сраженіи съ той и съ другой стороны многіе пали, обѣ стороны разошлись при наступленіи ночи, не побѣдивши ни та, ни другая. Такъ произошло сраженіе обоихъ войскъ. 77) Крезъ былъ недоволенъ числомъ своего войска (его войска было гораздо меньше войска Кира); будучи недоволенъ этимъ, и такъ какъ Киръ не пытался наступить на слѣдующій день, онъ пошелъ къ Сардамъ, имѣя намѣреніе призвать Египтянъ, согласно договору (ибо онъ съ Амазисомъ, царемъ египетскимъ, заключилъ договоръ еще прежде, чѣмъ съ Лакедемонянами), намѣревался также послать къ Вавилонянамъ (и съ ними онъ заключилъ договоръ о помощи; надъ Вавилоня-

*) То есть между Персией и Лидіей.

нами царствовалъ въ то время Лабинеть) и кромѣ того извѣстить Лакедемонянъ, чтобы они пришли къ назначенному времени; и когда соберетъ ихъ и присоединить свое собственное войско, онъ намѣревался, переждавъ зиму, съ наступленіемъ весны воевать съ Персами. Съ этой цѣлью онъ, по прибытіи въ Сарды, отправилъ вѣстниковъ къ своимъ союзникамъ извѣстить ихъ, чтобы они на пятый мѣсяць собрались въ Сардахъ. Изъ теперешняго же своего войска, которое сражалось съ Персами, онъ распустилъ всѣ иностранные вспомогательные отряды, вовсе не ожидая, чтобы Киръ, послѣ столь нерѣшительнаго сраженія, напалъ на Сарды. 78) Пока Крезъ задумывалъ это, все предмѣстье наполнилось змѣями, и лишь только они появились, лошади перестали ходить на пастбище, а побѣжали туда и начали цожирать змѣй. Узнавъ объ этомъ, Крезъ принялъ это за чудо, какъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Тотчасъ же онъ отправилъ пословъ къ Телмессейскимъ истолкователямъ, чтобы спросить ихъ объ этомъ. Послы, прибывъ туда и узнавъ отъ Телмессеевъ, что предзнаменуетъ это чудо, уже не могли извѣстить Креза; ибо, прежде чѣмъ они вернулись въ Сарды, Крезъ былъ взятъ въ плѣнъ. Телмессеи же дали такой отвѣтъ, что слѣдуетъ ожидать въ страну Креза чужестранное войско, которое, по своемъ прибытіи, покорить жителей, объясняя, что змѣи суть сыны страны, лошади же — непріатели и чужеземцы. Такъ Телмессеи отвѣтили Крезу въ то время, когда онъ былъ уже взятъ въ плѣнъ, хотя не знали ничего о томъ, что случилось съ Сардами и самимъ Крезомъ.

79) Киръ, тотчасъ по уходѣ Креза послѣ сраженія при Птеріи, узнавъ, что тотъ, удалившись, намѣренъ распустить свое войско, сталъ обдумывать и рѣшилъ, что ему какъ можно скорѣе слѣдуетъ идти къ Сардамъ, прежде чѣмъ во второй разъ будетъ собрано Лидійское войско. Такъ онъ быстро рѣшилъ и исполнилъ это съ такою же быстротою; двинувшись съ войскомъ въ Лидію, онъ напередъ отправилъ къ Крезу посла. Тогда Крезъ, приведенный въ затрудненіе тѣмъ, что обстоятельство сверхъ ожиданія сложились иначе, чѣмъ какъ онъ самъ думалъ, все-таки вывелъ Лидійцевъ въ сраженіе. Въ это время въ Азіи не было народа болѣе храбраго и болѣе сильнаго, чѣмъ Лидійскій. Они сражались на ковахъ, употребляли длинныя копья и были хорошиями наѣздниками. 80) Когда они сошлись на обширной и гладкой равнинѣ, лежащей предъ Сардійскимъ городомъ (по ней протекаетъ много рѣкъ и между ними Гиллъ, которыя всѣ впадаютъ въ большую, называемую Гермомъ; а эта, вытекающая изъ священной горы

матери Диндимены *), впадаетъ въ море у города Фокеи); тамъ, когда Киръ увидалъ, что Лидійцы выстроились къ бою, то, испугавшись конницы, онъ сдѣлалъ, по предложенію Гарпага, Мидянина, слѣдующее: всѣхъ верблюдовъ, которые слѣдовали за его войскомъ съ вьюками съѣстныхъ припасовъ и багажа, онъ собралъ вмѣстѣ, и снявъ съ нихъ вьюки, посадилъ на нихъ людей, вооруженныхъ какъ всадники; вооруживъ, онъ поставилъ ихъ такъ, чтобы они впереди остальнаго войска шли противъ Крезовой конницы, за верблюдами же велѣлъ идти пѣшему войску, а сзади пѣхоты помѣстилъ всю конницу. Когда всѣ были размѣщены, онъ приказалъ убивать безъ пощады изъ другихъ Лидійцевъ всякаго, кто попадется, самого же Креза не убивать, даже если онъ, когда его будутъ брать, станетъ защищаться. Вотъ что онъ приказалъ. Верблюдовъ же Киръ поставилъ противъ конницы по слѣдующей причинѣ: лошадь боится верблюда и не выносить ни его вида, ни его запаха. Вслѣдствіе этого-то онъ такъ и придумалъ, чтобы сдѣлать бесполезной для Креза его конницу, при помощи которой лидійскій царь надѣялся восторжествовать. Когда они сошлись на бой, то, лишь только лошади почували верблюдовъ и увидали ихъ, тотчасъ бросились назадъ, и такимъ образомъ надежда (на побѣду) была потеряна для Креза. Но Лидійцы все-таки не струсилъ, а увидавъ, что случилось, они прыгнули съ лошадей и пѣшіе ударили на Персовъ. Черезъ нѣсколько времени, когда съ обѣихъ сторонъ пало много народа, Лидійцы были обращены въ бѣгство, втѣснены въ городъ и тамъ осаждены Персами.

81) Итакъ, они были теперь въ осадѣ. Крезъ, полагая, что осада будетъ продолжительна, отправилъ изъ города другихъ пословъ къ союзникамъ. Посланные въ первый разъ должны были пригласить ихъ собраться въ Сардахъ на пятый мѣсяць, а этихъ Крезъ отправилъ просить какъ можно скорѣе идти на помощь, потому что онъ находится въ осадѣ. 82) Между этими союзниками, къ которымъ онъ послалъ, были и Лакедемоняне. У Спартанцевъ въ это самое время произошла распря съ Аргивянами за одну мѣстность, по имени Тирея. Лакедемоняне отняли эту Тирею, которая была Арголидской областью: Аргивянская страна на западъ шла до (мыса) Малей; она занимала не только материкъ, но и островъ Кизеру и другіе. Когда Аргивяне пошли противъ нихъ на защиту отнятой собственности, они вступили

*) Кибела, мать боговъ у Фригійцевъ, имѣла знаменитый храмъ на горѣ Диндимѣ во Фригійи, близъ города Пессина. Отсюда прозваніе — Диндимена.

тогда въ переговоры и согласились, чтобы съ каждой стороны сражались по триста бойцевъ, и кто изъ нихъ возьметъ верхъ, тѣхъ и земля; остальное же войско должно удалиться каждое къ себѣ домой по той причинѣ, чтобы другіе, если бы оставались въ лагерѣ, увидя своихъ стѣсненными, не стали имъ помогать. Послѣ такого соглашенія они удалились; а избранные, которые остались съ каждой стороны, вступили въ бой. Когда они сразились и успѣхъ обѣихъ сторонъ былъ одинаковъ, изъ шестисотъ людей осталось трое; изъ Аргивянъ: Алкноръ и Хромій, изъ Лакедемонянъ — Отриадъ. При наступленіи ночи, они еще оставались въ живыхъ. Двое Аргивянъ, какъ будто побѣдивши, побѣжали въ Аргосъ, а Отриадъ Лакедемонянинъ снялъ съ убитыхъ Аргивянъ доспѣхи и, перенеся ихъ въ лагерь, остался на своемъ мѣстѣ. На другой день пришли обѣ стороны, чтобы узнать (исходъ дѣла). Тѣ и другіе утверждали, что они побѣдили, — одни, говоря, что ихъ осталось больше, — другіе, указывая на то, что тѣ убѣжали, а ихъ боецъ остался и обнажилъ трупы Аргивянъ. Наконецъ, разсорившись, они вступили въ сраженіе; когда съ обѣихъ сторонъ пало много народа, Лакедемоняне одержали верхъ. Аргивяне съ этого времени остригли волосы, тогда какъ прежде они носили ихъ длинными, и наложили на себя обѣтъ съ клятвою, чтобы никто изъ Аргивянъ не отпускалъ волосъ и женщины не носили золотыхъ вещей, пока не отнимутъ Тирею. Лакедемоняне, напротивъ, дали обѣтъ, противоположный этому; ибо они, не носивъ до этого длинныхъ волосъ, съ этихъ поръ стали отпускать ихъ. Рассказываютъ, что Отриадъ, оставшійся одинъ только изъ трехсотъ, стыдяся воротиться въ Спарту, когда товарищи его погибли, самъ убилъ себя въ Тиреѣ. 83) Вотъ каково было положеніе дѣлъ у Спартанцевъ, когда прибылъ Сардійскій вѣстникъ съ просьбою идти на помощь къ осажденному Крезу. Тѣмъ не менѣе они, узнавъ объ этомъ отъ вѣстника, стали собираться на помощь. Когда они уже снарядились и корабли были готовы, пришла другая вѣсть о томъ, что Лидійскій городъ взятъ и Крезъ захваченъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ они къ большому огорченію должны были оставить сборы.

(Взятіе Сардъ, 546 г.)

84) Сарды были взяты такъ: Когда наступилъ четырнадцатый день, какъ Крезъ былъ осажденъ, Киръ послалъ по своему войску всадниковъ объявлять, что первому, кто взойдетъ на стѣну, онъ дастъ на-

граду. Тогда войско стало пытаться. Такъ какъ это никому не удалось, и когда другіе отказались, то одинъ Мардіецъ, по имени Гирсадь, возобновилъ попытку взобраться на стѣну, именно въ томъ мѣстѣ крѣпости, гдѣ не было поставлено никакой стражи; нельзя было опасаться, что городъ будетъ взятъ съ этого мѣста, потому-что крѣпость тутъ была крута и неприступна. Только здѣсь Мелесъ, древній Лидійскій царь, не обнесъ льва, котораго родила его наложница, такъ какъ Телмесееи предсказали, что, когда левъ будетъ обнесенъ кругомъ стѣны, Сарды сдѣлаются неприступными. Мелесъ же, обнеся его кругомъ остальной стѣны, гдѣ крѣпость была доступна, совершенно пре-небрегъ этимъ мѣстомъ, какъ неприступнымъ и крутымъ; эта часть города обращена къ Тмолу. Этотъ-то Гирсадь, Мардіецъ, видѣлъ накануне, какъ одинъ Лидіецъ спустился въ этомъ мѣстѣ крѣпости и былъ поднять въ племъ, который ему спустили внизъ и подняли опять. Онъ сталъ обдумывать замѣченное и возмимѣлъ желаніе (сдѣлать тоже). Тогда онъ взошелъ самъ, а за нимъ и другіе Персы; когда ихъ набралось много, Сарды были взяты, и весь городъ опустошенъ. 85) Съ самимъ Крезомъ вотъ что случилось. У него былъ сынъ, о которомъ уже прежде упомянуто, во всемъ хорошій, но только нѣмой. Въ прежнее, счастливое время Крезъ дѣлалъ для него все, и, заботясь обо всемъ другомъ, онъ послалъ также въ Дельфы спросить оракула и объ немъ. Пифія отвѣчала ему:

Крезъ, повелитель Лидійцевъ и многихъ народовъ, безумецъ,
Бойся услышать ты то, чего ты такъ сильно желаешь;
Бойся услышать ты голосъ сыновній. Грозить то несчастьемъ.
Первое слово промолвить онъ въ горькую бѣдствій минулу *).

По взятіи города, одинъ изъ Персовъ, ненавшій Креза, бросился на него съ намѣреніемъ убить, а Крезъ, хотя и видѣлъ нападавшаго, остался равнодушенъ въ теперешнемъ несчастіи; ибо для него было все равно быть пораженнымъ на смерть. Но его нѣмой сынъ, увидѣвъ нападавшаго Перса, отъ страха и горя получилъ способность говорить и сказалъ: „человѣкъ, не убивай Креза.“ Это было въ первый разъ, что онъ произнесъ слово, и послѣ этого онъ говорилъ уже всю остальную жизнь.

*) Боже точный переводъ: Лидіецъ, царь многихъ народовъ, величайшій безумецъ Крезъ. Не желай услышать въ своемъ домѣ многожеланный голосъ сына. Для тебя лучше быть далеко отъ этого, ибо онъ заговоритъ въ первый разъ въ день несчастья.

86) Персы овладѣли Сардами и взяли въ плѣнъ Креза, послѣ того какъ онъ процарствовалъ четырнадцать лѣтъ и былъ въ осадѣ четырнадцать дней, и, согласно оракулу, его собственная великая держава была разрушена. Захвативъ Креза, Персы привели его предъ Кира. Этотъ послѣдній, приказавъ сложить большой костеръ, велѣлъ возвести на него Креза въ оковахъ и съ нимъ четырнадцать Лидійскихъ юношей, быть можетъ, имѣя намѣреніе посвятить эту лучшую часть добычи какому-нибудь богу, или желая исполнить обѣтъ; или онъ зналъ о томъ, что Крезъ благочестивъ, вслѣдствіе чего и возвелъ его на костеръ, желая увидать, не избавитъ ли его какое-нибудь божество отъ сожженія живымъ. Такъ онъ поступилъ. Крезу же, когда онъ стоялъ на кострѣ, вспомнились, хотя онъ и находился въ такомъ несчастіи, слова Солона, какъ будто сказанныя по внушенію бога: никто изъ живущихъ не можетъ быть названъ счастливымъ. Когда это пришло ему на память, онъ, глубоко вздохнувъ и застенавъ, послѣ долгаго молчанія, трижды назвалъ по имени Солона. Киръ, услышавъ это, приказавъ переводчикамъ спросить Креза, кого онъ зоветъ; тѣ, подойдя, спросили его. На этотъ вопросъ Крезъ хранилъ молчаніе, но потомъ, когда его принуждали, онъ сказалъ: „того, бесѣду съ которымъ я считаю для всѣхъ властителей драгоцѣннѣе величайшихъ сокровищъ.“ Такъ какъ сказанное имъ было для нихъ непонятно, они опять начали спрашивать его объ этихъ словахъ. Когда они приставали къ нему и причиняли безпокойство, онъ разсказалъ, что къ нему приходилъ однажды Солонъ Аѳинянинъ, который увидалъ все его счастье, но нисколько не оцѣнилъ его, — прибавивъ къ этому, что съ нимъ все случилось такъ, какъ тотъ сказалъ: его слова относятся какъ къ нему самому и всему человѣчеству, такъ особенно къ тѣмъ, кто считаетъ себя счастливымъ. Пока Крезъ говорилъ это, костеръ былъ зажженъ и загорѣлся съ краевъ. Киръ, услышавъ отъ переводчиковъ то, что сказалъ Крезъ, измѣнилъ свое рѣшеніе, подумавъ, что и самъ онъ человѣкъ, а между тѣмъ предаетъ сожженію другаго человека, который былъ когда-то не менѣе его счастливъ; кромѣ того онъ испугался отмщенія, и вспомнилъ, что въ человѣческой жизни нѣтъ ничего твердаго; онъ приказалъ, какъ можно скорѣе, погасить огонь и свести Креза и бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ (съ костра). Пытались, но не могли унять огонь. 87) Тогда, разсказываютъ Лидійцы, Крезъ, узнавши, что Киръ измѣнилъ рѣшеніе, и видя, что каждый старается загасить огонь, но что его не могутъ болѣе удержать, громкимъ голосомъ воззвалъ къ Аполлону: если онъ былъ пріятель ему

своими дарами, то пусть Аполлонъ явится и избавитъ его отъ настоящаго несчастія. Такъ онъ съ плачемъ взывалъ къ богу; и вдругъ, при ясномъ небѣ и безвѣтріи, наплы тучи, поднялась буря, пошелъ сильный дождь и костеръ былъ погашенъ. Такимъ образомъ Киръ увидалъ, что Крезъ былъ любимъ богами и былъ хорошимъ человекомъ; приказавъ свести его съ костра, онъ спросилъ его: „Крезъ, кто изъ людей склонилъ тебя идти войною въ мою землю и сдѣлаться мнѣ врагомъ вмѣсто друга?“ Тотъ отвѣчалъ: „царь, я сдѣлалъ это къ твоему счастью и къ своему несчастію. Вина въ этомъ богъ Эллиновъ, побудившій меня воевать. Никто такъ не безразсуденъ, чтобы предпочелъ войну миру; ибо во время мира дѣти хоронятъ отцевъ, во время войны отцы—дѣтей. Но должно быть божествамъ очень пріятно, что такъ случается.“ 88) Такъ онъ сказалъ, а Киръ, освободивъ его отъ оковъ, посадилъ рядомъ съ собою и оказывалъ ему большое уваженіе; и самъ онъ и всѣ окружающіе смотрѣли на Креза съ удивленіемъ; а тотъ, погруженный въ размышленія, оставался спокойнымъ. Потомъ, обернувшись и увидавъ, что Персы разграбляютъ городъ Лидійцевъ, онъ сказалъ: „царь, слѣдуетъ-ли мнѣ въ настоящемъ случаѣ говорить все, что я думаю, или молчать?“ Киръ приказалъ ему смѣло говорить, что онъ хочетъ. Тогда онъ спросилъ: „надѣчьмъ трудится съ такимъ рвеніемъ эта большая толпа?“ Тотъ отвѣчалъ: „она разграбляетъ твой городъ и расхищаетъ твои сокровища.“ Крезъ продолжалъ: „ни мой городъ, ни мои сокровища она не разграбляетъ, потому что у меня теперь нѣтъ ничего; но они уносятъ и уводятъ твою собственность.“ 89) Киръ обратилъ вниманіе на слова Креза, и, удаливъ другихъ, спросилъ Креза, что онъ разумѣетъ подъ этимъ. Тотъ сказалъ: „такъ какъ боги сдѣлали меня твоимъ слугою, то я считаю обязанностью, если увижу что-нибудь больше, чѣмъ ты, передать тебѣ это. Персы, по природѣ своей, горды и безкорыстны. Если ты допустишь ихъ грабить и овладѣть большими сокровищами, то изъ этого воспослѣдуетъ вотъ что: чѣмъ кто больше будетъ имѣть, тѣмъ скорѣе тебѣ предстоитъ съ его стороны возмущеніе. Теперь сдѣлай вотъ какъ, если тебѣ нравится то, что я говорю: поставь у всѣхъ ворота стражей изъ конноосцевъ, которые, отбирая у выносящихъ сокровища, говорили бы, что сокровища необходимо должны быть посвящены Зевсу, какъ десятая часть добычи. Такимъ образомъ тебѣ не придется силою отнимать у нихъ сокровища, и они, согласившись, что ты поступаешь справедливо, охотно сдѣлаютъ это.“ Киръ понравился эти слова, такъ какъ ему казалось, что этотъ совѣтъ хорошъ, онъ много хва-

лил его и, приказав копьеносцам сдѣлать то, что совѣтовалъ Крезъ, онъ сказалъ этому послѣднему: „Крезъ, такъ какъ ты готовъ, какъ царственный мужъ, сдѣлать полезную услугу и дать хорошей совѣтъ, то проси у меня дара, какого хочешь; ты тотчасъ же его получишь.“ Тотъ отвѣчалъ: „государь, ты сдѣлаешь мнѣ большое удовольствіе, если позволишь спросить бога Эллиновъ, котораго я чтилъ болѣе другихъ боговъ, пославши вотъ эти оковы, спросить: въ обычай-ли у него обманывать жертвователей?“ Киръ спросилъ, въ чемъ онъ упрекаетъ бога, что просить этого. Тогда Крезъ разсказалъ ему сначала обо всѣхъ своихъ вопросахъ оракуду и объ его отвѣтѣ, въ особенности же о своихъ припопснiяхъ, и какъ, по этому отвѣту, онъ сталъ воевать противъ Персовъ. Сказавъ это, онъ сошелъ и снова сталъ просить Кира позволить ему упрекнуть этимъ бога. Тотъ, засмѣявшись, сказалъ: „и это ты получишь отъ меня, Крезъ, и все другое, въ чемъ только будешь нуждаться.“ Услыхавъ это, Крезъ послалъ Лидійцевъ въ Дельфы, поручивъ имъ положить оковы на порогъ храма и спросить, не стыдно-ли оракуду своего предсказанія, побудившаго Креза воевать противъ Персовъ съ тѣмъ, чтобы разрушить царство Кира, отъ которой войны ему досталась вотъ эта лучшая часть добычи,—при-этомъ они должны показать оковы; спросить также и о томъ, въ обычай-ли у Эллинскихъ боговъ быть неблагодарными.

91) Когда Лидійцы прибыли туда и сказали, что имъ было поручено, Писия, говорятъ, отвѣчала: „опредѣленной участи невозможно избѣжать и богу. Крезъ заплатилъ за преступленіе своего пятаго предка, который, будучи копьеносцемъ Гераклидовъ, побуждаемый коварствомъ женщины, убилъ своего государя и завладѣлъ неприличествовавшимъ ему саномъ. И хотя Локсій *) сильно желалъ, чтобы на потомство Креза пало несчастье Сарды, а не на самого Креза, но невозможно было отклонить судьбы. На сколько она уступила, онъ сдѣлалъ и оказалъ ему расположеніе, ибо взятіе Сарды онъ отерочилъ на три года, и пусть Крезъ знаетъ, что былъ взятъ на эти три года повднѣ, чѣмъ какъ было назначено; потомъ онъ помогъ ему, долженствовавшему погибнуть въ огнь. И на сдѣланное предсказаніе Крезъ несправедливо сердится; ибо Локсій предсказалъ, что, если онъ станетъ воевать съ Персами, разрушить великое царство. Поэтому ему нужно было, если бы онъ хотѣлъ хорошенько посовѣтоваться, опять послать спросить, о какомъ царствѣ идетъ рѣчь, объ его или о цар-

*) Прозваніе Аполлона — двусмысленный въ отвѣтахъ.

ствѣ Кира. А онъ не понялъ сказаннаго и не спросилъ опять, по-этому пусть признаетъ самого себя и виновнымъ. И когда онъ спрашивалъ въ послѣдній разъ, онъ не понялъ того, что сказалъ ему Локсій о мулъ; ибо Киръ былъ этотъ мулъ, такъ какъ онъ произошелъ отъ двухъ неравныхъ родовъ: отъ матери высокаго рода и отъ отца болѣе низкаго. Мать была Мидіанка и дочь Астіага, Мидійскаго царя, а отецъ—Персъ и подданный Мидянъ; хотя во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ менѣе знатенъ, нежели его повелительница, однако онъ имѣлъ ее своей женой.“ Такъ отвѣчала Писия Лидійцамъ. Они вернулись въ Сарды и извѣстили Креза. Услыхавъ это, онъ понялъ, что это была его вина, а не бога.

92) Такъ произошло покореніе царства Креза и вмѣстѣ съ тѣмъ первое покореніе Іоніи. Отъ Креза есть въ Элладѣ много другихъ приношеній, кромѣ тѣхъ, о которыхъ упомянуто: въ Беотійскихъ Фивахъ золотой треножникъ, который посвященъ Аполлону Исменскому; въ Эфесѣ золотыя коровы и много колоннъ; въ храмѣ Аѳины Пронеа въ Дельфахъ большой золотой щитъ. Одни изъ этихъ пожертвованій существовали еще въ мое время, другія были утрачены. Приношенія отъ Креза и въ Бранхидахъ Милетскихъ, какъ зналъ, равныя по вѣсу и подобныя тѣмъ, которыя находятся въ Дельфахъ. Въ Дельфы и въ храмъ Амоіарая онъ пожертвовалъ священныя вещи и часть наследственныхъ сокровищъ, остальные приношенія были изъ имущества его врага, который, до его вступленія на престолъ явился ему противникомъ, помогая Панталеону овладѣть Лидійскимъ царствомъ. Этотъ Панталеонъ былъ сынъ Алиатта, брата Креза, но не отъ одной матери; Крезъ былъ отъ Каиры, жены Алиатта, а Панталеона отъ Іады. Получивъ отъ отца власть, Крезъ умертвилъ своего противника, подвергнувъ его пыткамъ, а его имущество, которое еще заранѣе посвятилъ богамъ, пожертвовалъ сказаннымъ образомъ въ вышеозначенные храмы. О приношеніяхъ пусть будетъ сказано только это.

93) Лидійская страна не заключаетъ ничего особеннаго для описанія, какъ и всякая другая страна, кромѣ того развѣ, что изъ Тмола добывается золотой песокъ. Тамъ находится одно изъ величайшихъ сооружений послѣ египетскихъ и вавилонскихъ. Это гробница Алиатта, отца Креза, основаніе которой сдѣлано изъ большихъ камней, а остальная часть—земляная насыпь. Ее выстроили торговцы, ремесленники и дѣвцы вольнаго поведенія. Еще въ мое время стояли на гробницѣ колонны, числомъ пять, на которыхъ были вырѣзаны надписи

о томъ, что каждая партія сработала: при измѣреніи оказалось, что сооруженіе дѣвиць было самое большое. Въ Лидійскомъ народѣ всѣ дѣвицы ведутъ вольную жизнь, собирая себѣ приданое, и поступаютъ такъ, пока не выйдутъ замужъ; такимъ образомъ они выдаютъ сами себя. Окружность гробницы составляетъ 6 стадій и 2 плеера, а ширина 13 плееровъ *). За гробницей слѣдуетъ большое озеро, о которомъ Лидійцы говорятъ, что оно неизсякаемо; оно называется Гигейскимъ. Такъ было это устроено. 94) У Лидійцевъ обычаи такіе же, какъ и у Эллиновъ, кромѣ того, что ихъ дочери ведутъ вольную жизнь. Они первые изъ людей, о которыхъ мы знаемъ, стали чеканить золотую и серебряную монету и первые завели мелочную торговлю. Еще сами Лидійцы говорятъ, что игры, которыя существуютъ у нихъ и у Эллиновъ, ихъ изобрѣтенія. Въ одно время, говорятъ они, были сдѣланы ими эти изобрѣтенія и населена Тирренія; рассказываютъ они объ этомъ такъ. Въ царствованіе Атиса, сына Манеса, по всей Лидіи былъ большой голодъ. Сначала Лидійцы терпѣливо переносили его; а потомъ, такъ какъ голодъ все еще не прекращался, они стали искать исхода изъ этого положенія и каждый изъ нихъ придумывалъ что-нибудь свое. Тогда-то были изобрѣтены игры въ кубы, въ кости, въ мячъ и всѣ другія, кромѣ игры въ шахматы, ибо ея изобрѣтенія Лидійцы себѣ не приписываютъ. Противъ голода они придумали поступать такъ: въ одинъ день они все время играли, чтобы не требовать пищи, а на другой день ѣли, прекративъ игры. Такимъ-то образомъ они жили 18 лѣтъ. Но такъ какъ бѣдствіе не уменьшалось, а все усиливалось, то ихъ царь раздѣлилъ всѣхъ Лидійцевъ на двѣ части и кинулъ жребій: одной остаться, а другой удалиться изъ страны, и надъ той частью, которой выпадетъ жребій остаться, онъ самъ будетъ царемъ, а надъ той, которая должна будетъ удалиться, — его сынъ, по имени Тирсенъ. Тѣ изъ нихъ, которымъ выпало оставить страну, прибыли въ Смирну, гдѣ построили суда, на которыя положили все свое движимое имущество и отплыли съ тѣмъ, чтобы искать себѣ средствъ и новое отечество, пока, наконецъ, миновавъ много народовъ, не прибыли въ страну Омбриковъ (Умбровъ); тамъ они выстроили городъ и живутъ до сихъ поръ. Но вмѣсто Лидійцевъ они стали называться по имени царскаго сына, который ихъ вывелъ. Они приняли его имя и стали называться Тирсенами. Лидійцы же были покорены Персами.

*) Стадія заключаетъ 600 суговъ, плеера — 100.

(Ассирійцы, властители Азіи, отъ 1231 — 711 до Р. Хр.)

95) Отсюда нашъ рассказъ будетъ изслѣдовать, кто таковъ былъ Киръ, который ниспровергъ могущество Креза, и какимъ образомъ Персы сдѣлались владыками Азіи. Я буду писать сообразно съ тѣмъ, какъ говорятъ нѣкоторые Персы, нежелающіе украшать исторію Кира, но говорить правду, хотя и могу представить о Кирѣ три различные рассказа. Когда Ассирійцы впродолженіе 520 лѣтъ господствовали въ верхней Азіи; то первые отложились отъ нихъ Мидяне. Сразившись съ Ассирійцами за свою свободу, они выказали себя храбрыми людьми, свергли рабство и сдѣлались свободными. Послѣ нихъ и другіе народы сдѣлали тоже съ Мидянами. 96) Когда всѣ они сдѣлались независимыми на материкѣ, то снова подпали царской власти слѣдующимъ образомъ. Между Мидянами былъ одинъ мудрый человекъ, по имени Дейокъ, сынъ Фраорта. Этотъ Дейокъ, стремился къ царской власти, поступалъ слѣдующимъ образомъ. Когда Мидяне еще жили по деревнямъ, онъ въ своей деревнѣ пользовался большимъ уваженіемъ и гораздо болѣе другихъ и ревностнѣе заботился о соблюденіи справедливости. Такъ онъ поступалъ въ то время, какъ по всей Мидіи господствовало безначаліе, хотя и зналъ, что несправедливость враждебна справедливости. Мидяне одной съ нимъ деревни, вида его образъ дѣйствій, выбирали его своимъ судьей. Стремился къ власти, онъ былъ прямъ и справедливъ. Этимъ онъ приобрѣлъ не малую славу между своими соотечественниками, такъ что жители другихъ деревень, узнавъ, что Дейокъ одинъ только судить справедливо, послѣ того какъ прослышали это, охотно ходили судиться къ Дейоку, а наконецъ уже ни къ кому другому и не обращались. 97) Когда приходившихъ къ нему дѣлалось все больше и больше, такъ какъ стало извѣстно, что тяжбы рѣшаются согласно съ истиной; то Дейокъ, понявъ, что теперь отъ него все зависитъ, не захотѣлъ больше садиться на томъ мѣстѣ, сидя на которомъ онъ судилъ, и сказалъ, что больше судить не будетъ, ибо ему нѣтъ выгоды пренебрегать своими дѣлами, чтобы по цѣлымъ днямъ судить сосѣдей. Итакъ, когда безпорядки и несправедливости по деревнямъ сдѣлались еще больше, чѣмъ прежде, Мидяне собрались вмѣстѣ и стали обсуждать настоящее положеніе дѣлъ. Какъ я думаю, друзья Дейока говорили преимущественно предъ другими: „при настоящемъ положеніи дѣлъ мы не можемъ жить въ странѣ; такъ поставимъ же изъ своей среды царя. Такимъ образомъ

трана будетъ пользоваться хорошимъ управленіемъ, мы обратимся къ своимъ занятіямъ и не будемъ тревожимы беспорядками.“ Такими рѣчами Мидяне были убѣждены выбрать царя.

(Дейокъ. Мидійскій царь. 700 г.)

98) Лишь только было предложено, кого выбрать царемъ, всѣмъ называлъ и восхвалялъ Дейока, пока, дѣйствительно, его не провозгласили царемъ. Дейокъ приказалъ выстроить для себя жилище, приличное царю, и дать себѣ стражу изъ коньеносцевъ. Мидяне исполнили это; они выстроили для него большой и крѣпкій дворецъ въ томъ мѣстѣ страны, гдѣ онъ указалъ, и позволили ему выбрать изъ всѣхъ Мидянъ коньеносцевъ. Получивъ власть, онъ заставилъ Мидянъ воодвигнуть городъ, который они должны были устроить съ большимъ тщаніемъ, чѣмъ всѣ другіе. Мидяне повиновались и этому, они выстроили большія и крѣпкія стѣны (это то самое, что теперь называется Агбатаной), которыя возвышались одна надъ другой. Эти стѣны были такъ возведены, что одинъ кругъ былъ выше другого только укрѣпленіями. Съ одной стороны этому помогала холмистая мѣстность, съ другой—еще болѣе—искусная работа. Всѣхъ круговъ было семь; въ послѣднемъ находится царскій дворецъ и казначеище. Наибольшая изъ стѣнъ по величинѣ почти равна афинской. Укрѣпленія перваго круга — бѣлыя, втораго — черныя, третьяго — пурпуровыя, четвертаго — синія, пятаго — свѣтлокрасныя; такимъ образомъ укрѣпленія всѣхъ рядовъ окрашены красками, два же послѣднія ряда имѣютъ укрѣпленія — одно, украшенное серебромъ, другое — золотомъ.

99) Дейокъ устроилъ это для себя и вокругъ своего дворца, остальному же народу приказалъ жить кругомъ стѣны. Когда все было устроено, Дейокъ первый учредилъ слѣдующій порядокъ: чтобы никто не смѣлъ входить къ царю, но по всякому дѣлу посылалъ вѣстниковъ, и такимъ образомъ царя никто не видалъ: кромѣ того никому не дозволялось смѣяться или плевать въ его присутствіи. Онъ окружилъ себя этимъ вѣдичіемъ для того, чтобы сверстники и совоспитанники его, не низшаго происхожденія и не менѣе его доблестные, видя это не огорчались и не злоумышляли противъ него, чтобы онъ казался имъ другимъ, такъ какъ они его не видятъ.

100) Устроивъ это и укрѣпивъ свою власть, онъ строго соблюдалъ справедливость. Приносящіе жалобы посылали ихъ къ нему во дворецъ, а онъ, разсудивъ приносимыя ему жалобы, отсылалъ ихъ назадъ. Такъ онъ поступалъ относительно

тяжебъ; кромѣ того онъ устроилъ слѣдующій порядокъ: если узнавали, что кто-либо совершилъ преступленіе, то, призвавъ виновнаго, давалъ рѣшеніе, сообразное каждому проступку; при этомъ по всей странѣ, которой онъ управлялъ, были лазутчики и шпионы. 101) Дейокъ соединилъ теперь Мидянъ въ одинъ народъ и царствовалъ надъ ними. У Мидянъ существуютъ слѣдующіе роды: Бузы, Паретакены, Струхаты, Аризанты, Будійцы и Маги.

(Фраортъ. отъ 647 г.)

102) Таковы роды Мидянъ. У Дейока былъ сынъ Фраортъ, который по смерти Дейока, царствовавшего 53 года, наследовалъ власть. Наследовавъ ее, онъ не удовольствовался властью надъ одними Мидянами, но отправившись въ походъ противъ Персовъ, напалъ на нихъ первыхъ и сдѣлалъ подданными Мидянъ. За тѣмъ съ этими двумя сильными народами онъ покорялъ Азію, подчиняя одинъ народъ за другимъ, пока наконецъ, отправясь противъ Ассирійцевъ и именно тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ былъ Нинъ (Ниневія) и которые господствовали прежде надъ всѣми, а въ то время были оставлены своими союзниками, впрочемъ въ другихъ отношеніяхъ благоденствовали, — отправясь противъ нихъ, Фраортъ погибъ самъ, послѣ двадцатидвухлѣтняго царствованія, и большая часть его войска.

(Кіаксаръ. отъ 625 г. Осада Ниневіи, 624 г.)

103) По смерти Фраорта наследовалъ власть Кіаксаръ, сынъ Фраорта, внукъ Дейока. Этотъ, говорятъ, былъ еще сильнѣе своихъ предшественниковъ; первый распредѣлил по отрядамъ азіатскихъ жителей, первый назначилъ кому быть коньеносцами, луконосцами и всадниками, между тѣмъ какъ до него все это было перемѣшано. Онъ сражался съ Лидійцами, когда день во время битвы обратился въ ночь, и подчинилъ себѣ всю Азію по ту сторону рѣки Галиса. Собравъ всѣхъ своихъ подданныхъ, онъ отправился въ походъ на Нинъ, чтобы отомстить за отца и взять этотъ городъ. Когда онъ въ сраженіи побѣдилъ Ассирійцевъ, на него, во время осады Ниневіи, напало большое войско Скивовъ, которыхъ велъ Скиевскій царь Мадій, сынъ Прототія. Они вторглись въ Азію, выгнавъ Киммеріянъ изъ Евроны, и слѣдуя въ Бѣлгцеями, пришли такимъ образомъ въ Мидійскую страну. 104) Отъ Мео-

тійскаго озера *) до рѣки Фазиса и Колхиды путь въ тридцать дней для хорошаго пѣшехода; а изъ Колхиды не далеко перейти въ Мидію; между ними находится народъ Саспирь; миновавъ ихъ, будешь въ Мидію. Скиѣ вторглись не этой дорогой, но своротили на вышележащую, болѣе длинную дорогу, имѣя съ правой стороны Кавкаскій хребетъ. Тамъ Мидяне сразились съ Скиѣми, и, проигравъ сраженіе, потеряли власть, а Скиѣмъ овладѣли всей Азіей. Затѣмъ они пошли въ Египетъ. 105) Когда они были въ Палестинѣ Сирійской, египетскій царь Псамметихъ, выйдя къ нимъ навстрѣчу, дарами и просьбами отклонилъ отъ дальнѣйшаго похода. На возвратномъ пути, когда Скиѣмъ были въ Сирійскомъ городѣ Аскалонѣ и большая часть проходила мимо, ничего не трогая, немногіе, отставши, разграбили храмъ Афродиты Ураніа. Этотъ храмъ, какъ я, освѣдомясь, узналъ, есть самый древній изъ всѣхъ храмовъ этой богини; ибо храмъ на островѣ Кипрѣ получилъ основаніе отсюда, какъ говорятъ сами Кипряне, а строители храма въ Киоерѣ были Финикійцы, происходящіе изъ этой же части Сири. Скиѣмъ, разграбившихъ храмъ въ Аскалонѣ, и ихъ потомковъ богиня навсегда поразила женской болѣзью, такъ что и сами Скиѣмъ говорятъ, что они страдаютъ болѣзью именно черезъ это, и приходящіе къ нимъ въ Скиѣскую землю видятъ, въ какомъ они находятся положеніи, и называютъ этихъ Скиѣмъ энареями. 106) Около 28 лѣтъ владычествовали надъ Азіей Скиѣмъ, и все было приведено въ разстройство отъ ихъ своевольства и наглости. Ибо они собирали съ каждаго подать, которую налагали, да сверхъ этой подати они, развѣвая по странѣ, грабили все, что кто-либо имѣлъ. Большую часть изъ нихъ Кіаксаръ и Мидяне, пригласивъ на пиръ и напоивъ пьяными, перебили, и такимъ образомъ Мидяне опять возвратили себѣ господство и стали владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣли прежде, взяли Ниневію (а какъ ввяди, я расскажу въ другомъ мѣстѣ) и покорили Ассирію, кромѣ Вавилонской области. Послѣ того Кіаксаръ умеръ, процарствовалъ 40 лѣтъ, считая съ тѣми, въ продолженіе которыхъ властвовали Скиѣмъ.

(Астіагъ, отъ 585 года до Р. Хр.)

107) Астіагъ, сынъ Кіаксара, наследовалъ царскую власть. У него была дочь, по имени Мандана, которая, какъ Астіагъ видѣлъ во снѣ, испускала столько мочи, что наполнила ею городъ и затопила даже

*) Азовское море. Фазисъ — теперешній Ріонъ.

всю Азію. Рассказавъ это сновидѣніе сногадателямъ изъ маговъ, онъ испугался, когда получилъ отъ нихъ объясненіе. Поэтому онъ не захотѣлъ выдать эту Мандану, бывшую уже невѣстой, замужъ ни за кого изъ Мидянь, равныхъ съ нимъ по происхожденію, боясь предвѣщанія сна, а выдалъ за Перса, по имени Камбиза, котораго онъ зналъ за человека хорошаго рода, кроткаго характера, хотя и ставилъ его гораздо ниже Мидянина невысокаго происхожденія.

108) Въ первый годъ сожителства Манданы съ Камбизомъ Астіагъ видѣлъ другой сонъ. Казалось ему, что изъ чрева этой дочери выросла виноградная лоза, которая покрыла всю Азію. Увидавъ этотъ сонъ и сообщивъ о немъ сногадателямъ, онъ призвалъ изъ Персидской страны близкую къ родамъ дочь, и когда она прибыла, онъ стерегъ ее, рѣшившись умертвить ее ребенка; ибо сногадатели изъ маговъ объявили ему этотъ сонъ такъ, что ребенокъ его дочери будетъ царствовать вмѣсто него. Итакъ, боясь этого, Астіагъ, по рожденіи Кира, призвалъ Гарпага, своего родственника, вѣрнѣйшаго изъ Мидянь и управителя всѣми его имуществами, и сказалъ ему: „Гарпагъ, дѣломъ, которое я тебѣ препоручу, никакъ не пренебрегай и не обманывай меня; предпочти другихъ, ты потомъ самъ будешь причиной своего собственнаго несчастія. Возьми младенца, котораго родила Мандана, и, отнеся къ себѣ, убей его; потомъ похорони, какъ самъ хочешь.“ Тотъ отвѣчалъ: „царь, ты никогда не видалъ отъ Гарпага ничего неприятнаго; я буду стараться ни въ чемъ не погрѣшить противъ тебя и на будущее время. Если тебѣ пріятно, чтобы это такъ случилось, то мнѣ слѣдуетъ ревностно исполнить свою обязанность.“ 109) Такъ сказавъ, Гарпагъ, когда ему былъ переданъ младенецъ, одѣтый въ саванъ, пошелъ со слезами въ свой домъ. Придя домой, онъ рассказалъ своей женѣ о порученіи Астіага. Та спросила у него: „итакъ, что же теперь ты намѣренъ дѣлать?“ Онъ отвѣчалъ: „не то, что приказалъ Астіагъ, даже если онъ будетъ сумашествовать и бѣситься хуже, чѣмъ теперь бѣсится, я не соглашусь съ его мнѣніемъ и не буду помогать ему въ этомъ убійствѣ. По многимъ причинамъ я не убью младенца, во-первыхъ потому, что этотъ мальчикъ мнѣ самому родственникъ, во-вторыхъ потому, что Астіагъ старъ и не имѣетъ наследниковъ мужскаго пола; а если онъ пожелаетъ, чтобы по смерти его власть перешла къ дочери, сына которой онъ хочетъ убить теперь чрезъ меня, то что другое, какъ не величайшая опасность остается тогда на мою долю? Впрочемъ, такъ какъ это безопасно, мнѣ слѣдуетъ убить младенца, слѣдуетъ, однако, чтобы убійцею его

быль кто-нибудь изъ слугъ Астіага, а не изъ моихъ.“ Такъ сказавъ, онъ тотчасъ послалъ вѣстника къ одному изъ пастуховъ царя Астіага, который, какъ онъ зналъ, завѣдывалъ пастбищами въ мѣстахъ, самыхъ удобныхъ (для совершенія этого убійства), а именно: въ горахъ, изобиловавшихъ дикими звѣрями; имя ему было Митрадатъ. Онъ былъ женатъ на такой же рабѣ, какъ онъ самъ, и имя жены, съ которой онъ жилъ, было Кино на эллинскомъ языкѣ, на мидійскомъ же Спако; ибо собаку Мидяне называютъ спака. Склоны горъ, гдѣ этотъ пастухъ завѣдывалъ пастбищами быковъ, простираются къ северу отъ Агбатаны (Эгбатаны) и въ направленіи къ Понту Эвксинскому. Ибо Мидійская страна въ направленіи къ Саспирамъ очень гориста, возвышенна и богата лѣсами, а остальная часть ея—равнина. Итакъ, когда пришелъ пастухъ, призванный съ большою поспѣшностью, Гарпагъ сказалъ ему: „Астіагъ приказываетъ тебѣ взять этого младенца и положить его на самую пустынную гору, чтобы онъ какъ можно скорѣе погибъ. И еще онъ велѣлъ тебѣ сказать, что, если ты не убьешь его, но какимъ нибудь образомъ оставишь въ живыхъ, то подвергнешься самой ужасной смерти. Мнѣ поручено наблюдать, будетъ ли онъ выброшенъ.“

111) Пастухъ, услыжавъ это и взявъ младенца, отправился тою же дорогою назадъ и прибылъ въ свой домъ. Его жена, весь день бывшая близкою къ родамъ, по волю божіей родила, когда пастухъ ходилъ въ городъ. Оба они беззаботились другъ о другѣ; онъ, боясь за роды жены, а жена, потому что Гарпагъ неожиданно позвалъ ее мужа. Когда онъ, вернувшись, явился передъ ней, жена, увидавъ его внезапно, прежде всего спросила, за чѣмъ такъ поспѣшно позвалъ его Гарпагъ. Онъ сказалъ: „жена, придя въ городъ, я увидѣлъ и услыхалъ, чего не желалъ бы видѣть и хотѣлъ бы, чтобы этого никогда не случалось съ нашими господами. Весь домъ Гарпага былъ погруженъ въ плачь; испуганный, я вошелъ; лишь только вошелъ, вижу, лежитъ младенецъ, барахтаясь и крича, одѣтый въ золото и разноцвѣтное платье. Гарпагъ, увидавъ меня, приказалъ мнѣ какъ можно скорѣе взять младенца, унести и положить на самой пустынной горѣ, говоря, что Астіагъ поручаетъ мнѣ это, и сильно угрожая мнѣ, если я этого не сдѣлаю. Я взялъ младенца и понесъ, думая, что онъ отъ кого нибудь изъ рабовъ; ибо я еще не подозрѣвалъ, чей онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Я удивлялся, видя его одѣтымъ въ золото и драгоценную одежду, и кромѣ того замѣтивъ скорбь, въ которую былъ явно погруженъ домъ Гарпага. Но тотчасъ на дорогѣ я узнаю всю истину отъ слуги,

который, провожая меня за городъ, передалъ мнѣ, что этотъ младенецъ сынъ Манданы, дочери Астіага, и Камбиса, Кирова сына, и что Астіагъ приказываетъ его убить. Вотъ онъ“ 112) При этихъ словахъ пастухъ, открывши, показалъ женѣ младенца. Та, увидавъ, что младенецъ довольно великъ и красивъ, заплакала, и, обнявъ колѣна мужа, умоляла его никакъ не выбрасывать младенца. Онъ же сказалъ, что не можетъ иначе поступить въ этомъ дѣлѣ, ибо думаетъ, что придуть отъ Гарпага шпионы подматривать, и что онъ погибнетъ самымъ ужаснымъ образомъ, если этого не сдѣлаетъ. Такъ какъ она не убѣдила мужа, то снова сказала ему: „такъ какъ я немогу тебя уговорить не выбрасывать младенца, то ты поступи такъ, если необходимо нужно видѣть его выброшеннымъ: и я родила, но родила мертвого; отнеси его и представь Гарпагу, а сына дочери Астіага мы воспитаемъ, какъ будто бы онъ нашъ; такимъ образомъ и ты не будешь схваченъ, обманувъ своихъ господъ, и мы не сдѣлаемъ злаго дѣла; умершій получить царское погребеніе, а живой не погибнетъ.“ 113) Пастуху показалось, что жена очень разумно говоритъ объ этомъ дѣлѣ; онъ тотчасъ же такъ и поступилъ. Мальчика, котораго онъ несъ съ тѣмъ, чтобы умертвить, онъ передалъ женѣ, а трупъ своего, взявши, положилъ въ корзину, въ которой несъ другаго. Одѣвъ его во все украшенія другаго мальчика, онъ отнесъ его на самую пустынную гору и тамъ положилъ. На третій день, послѣ того какъ выброшенъ былъ младенецъ, пастухъ пошелъ въ городъ, оставивъ при немъ сторожемъ одного изъ поднасковъ. Придя въ домъ Гарпага, онъ сказалъ, что готовъ показать трупъ младенца. Гарпагъ, пославъ вѣрившихъ изъ своихъ копьевосцевъ, увѣрился чрезъ нихъ (въ смерти младенца) и похоронилъ пастухова сына. Этотъ послѣдній былъ схороненъ, а того, который былъ впоследствии названъ Киромъ, взяла жена пастуха и воспитывала, назвавъ его другимъ именемъ, а не Киромъ.

114) Когда ему исполнилось десять лѣтъ, слѣдующее обстоятельство, съ нимъ приключившееся, открыло его. Онъ игралъ въ той деревнѣ, въ которой находились стада, съ своими сверстниками на улицѣ. Дѣти, въ игрѣ, выбрали его, по прованію пастухова сына, своимъ царемъ. Онъ назначилъ имъ—однимъ строить дворецъ, другимъ быть копьевосцами, одному быть царскимъ окомъ, другому дать почетную должность — носить извѣстія, — каждому такимъ образомъ опредѣливъ занятіе. Одинъ изъ этихъ мальчиковъ, игравшій вмѣстѣ съ нимъ, именно сынъ Артембара, Мидійскаго вельможи, не исполнилъ приказанія Кира, и за то этотъ послѣдній велѣлъ другимъ маль-

чикамъ схватить его, и когда тѣ повиновались, Кирь обошелся съ мальчикомъ очень строго, наказавъ его плетью. Какъ скоро тотъ былъ отпущенъ, то, претерпѣвъ недостойное его, онъ очень разсердился, и, придя въ городъ, жаловался на то, что перенесъ отъ Кира, называя его не Киромъ (ибо онъ еще не носилъ этого имени), а сыномъ Астіагова пастуха. Разгнѣванный Артембаръ тотчасъ же пошелъ къ Астіагу, взявъ съ собою сына, и рассказалъ тому, что онъ потерпѣлъ обиду, прибавивъ: „царь, вотъ какому безчестію мы подвергаемся отъ твоего раба, сына пастуха.“ при этомъ онъ показалъ плечи мальчика. 115) Астіагъ, услыхавъ это и увидѣвъ, пожелалъ дать удовлетвореніе мальчику изъ уваженія къ сану Артембара и послалъ за пастухомъ и его сыномъ. Когда оба они явились, Астіагъ, взглянувъ на Кира, сказалъ: „какъ ты осмѣлился, будучи сыномъ такого чело-вѣка, обойтись столь поворно съ сыномъ того, который одинъ изъ первыхъ у меня?“ Тотъ отвѣчалъ: „государь, я поступилъ по праву; мальчики изъ деревни, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, выбрали меня своимъ царемъ въ игрѣ, такъ какъ они думали, что я наиболее достоинъ этого. Другіе мальчики исполняли приказанія, а этотъ не слушался и не обращалъ вниманія, пока не былъ наказанъ. И такъ, если за это я достоинъ какого нибудь наказанія, то вотъ и передъ тобою.“ 116) Когда мальчикъ говорилъ это, Астіагъ сталъ признавать его: ему показалось, что черты его лица сходны съ чертами лица его самаго, отвѣты его были очень свободны, и время, когда младенецъ былъ выброшенъ, казалось, совпадало съ возрастомъ мальчика. Пораженный этимъ, онъ нѣкоторое время оставался безмолвнымъ. Съ трудомъ придя въ себя, онъ сказалъ, желая отослать Артембара, чтобы допросить пастуха наединѣ: „Артембаръ, я сдѣлаю такъ, что ты и твой сынъ останетесь довольны.“ Артембара Астіагъ отослалъ, а Кира слуги по его приказанію отвели во внутренніе покои. Когда остался одинъ пастухъ, Астіагъ наединѣ спросилъ его, откуда онъ взялъ мальчика и кто ему передалъ его. Тотъ отвѣчалъ, что мальчикъ его собственный сынъ и что мать его еще находится при немъ, Астіагъ сказалъ, что онъ дѣлаетъ дурной выборъ, если хочетъ подвергнуться жестокой пыткѣ, и съ этими словами далъ знакъ копьеносцамъ схватить пастуха. Подвергнутый пыткѣ, тотъ рассказалъ все, какъ было. Онъ сталъ рассказывать съ самаго начала съ совершенною истиною и подъ конецъ сталъ умолять, чтобы Астіагъ даровалъ ему прощеніе. 117) Узнавъ отъ пастуха истину, Астіагъ его болѣе не спрашивалъ, и сильно разсердившись на Гарпага, приказалъ копьеносцамъ позвать его. Ко-

гда Гарпагъ пришелъ, Астіагъ спросилъ его: „Гарпагъ, какой смерти предашь ты ребенка, родившагося отъ моей дочери, котораго я тебѣ поручилъ?“ Гарпагъ, видя тутъ пастуха, не сталъ обманывать, чтобы не быть изобличеннымъ, но отвѣчалъ: „царь, получивъ ребенка, я сталъ думать, какъ мнѣ поступить согласно твоему желанію, но такъ, чтобы не быть виноватымъ ни предъ тобою, ни предъ твоею дочерью и не быть убійцею въ своихъ собственныхъ глазахъ. Я поступилъ такъ: призвалъ вотъ этого пастуха и передалъ ему ребенка; я сказалъ, что это ты именно приказалъ его умертвить; такъ говоря, я не лгалъ, ибо ты точно далъ такое приказаніе. И такъ я передалъ ребенка пастуху, поручивъ ему положить его на пустынной горѣ и стеречь, пока онъ не умретъ тамъ, всячески угрожая ему, если онъ не приведетъ этого въ исполненіе. Когда онъ исполнилъ приказаніе и ребенокъ умеръ, я послалъ довѣренныхъ евнуховъ, чтобы убѣдиться въ этомъ черезъ нихъ и похоронить его. Такъ, царь, поступалъ я въ этомъ дѣлѣ и вотъ какой смерти предаю мальчика.“ 118) Такъ откровенно рассказавъ Гарпагъ; Астіагъ же, скрывая гнѣвъ, который онъ возимѣлъ на него за случившееся, прежде всего рассказавъ Гарпагу объ этомъ проишествіи такъ, какъ самъ слышалъ отъ пастуха, а потомъ, когда рассказавъ, прибавилъ, что мальчикъ живъ и что все случившееся хорошо. „Ибо“, сказалъ онъ, „я сильно страдалъ за свой поступокъ съ этимъ мальчикомъ и нелегко мнѣ было, что я поссорился съ дочерью. Теперь, когда дѣло такъ хорошо уладилось, пришли своего сына къ новопривышему мальчику, а потомъ (такъ какъ я намѣренъ принести за спасеніе мальчика благодарственную жертву тѣмъ изъ боговъ, которымъ принадлежитъ эта честь) приходи ко мнѣ на пиръ.“ 119) Гарпагъ, услыхавъ это, поклонился до земли и очень обрадовался, что его проступокъ имѣлъ хорошія послѣдствія и что, благодаря счастливому обороту дѣла, онъ позванъ на пиръ, и отправился домой. Быстропрядятуда, онъ послалъ своего сына, единственнаго, котораго имѣлъ, около тринадцати лѣтъ отъ роду, приказавъ ему идти къ Астіагу и дѣлать все, что тотъ велитъ. Самъ же, исполненный радости, рассказавъ женѣ о случившемся. Астіагъ, когда пришелъ сынъ Гарпага, убилъ его и разрѣзалъ по членамъ; одну часть мяса изжарилъ, другую сварилъ; изготавивъ это хорошо, онъ держалъ наготовѣ. Когда, при наступленіи времени пира, явился Гарпагъ и прочіе гости, предъ этими послѣдними и самимъ Астіагомъ поставили столы съ блюдами изъ бараньяго мяса, а предъ Гарпагомъ—мясо его собственнаго сына—все кромѣ головы и оконечностей рукъ и ногъ; эти части были положены отдѣльно въ

закрытомъ сосудѣ. Когда Гарпагу показалось, что онъ навѣлся до-
сыта, Астіагъ спросилъ, понравилось-ли ему кушанье. Гарпагъ ска-
залъ, что оно ему очень понравилось; тогда тѣ, кому было прика-
зано, принесли спрятанную голову мальчика, руки и ноги, поставили
предъ Гарпагомъ и велѣли ему открыть и взять оттуда, что онъ
хочетъ. Гарпагъ сдѣлалъ такъ, и, открывъ, увидалъ останки сына.
Видя это, онъ не выразилъ отчаянія, но сохранилъ присутствіе духа.
Астіагъ спросилъ его, знаетъ-ли онъ теперь, какого звѣря мясо онъ
съѣлъ. Тотъ отвѣчалъ, что знаетъ и что все хорошо, что дѣлаетъ царь.
Съ этими словами онъ взялъ остатки мяса и пошелъ домой. Тогда,
какъ я думаю, онъ собралъ и похоронилъ останки сына.

120) Вотъ какому наказанію подвергъ Астіагъ Гарпага. Относительно-же
Кира онъ призывалъ на совѣтъ тѣхъ маговъ, которые истолковали ему
сонъ. Когда они явились, Астіагъ спросилъ ихъ, какъ они истолко-
вали ему сонъ. Тѣ отвѣчали ему на это, какъ и прежде, сказавъ,
что мальчику суждено царствовать, если онъ останется въ живыхъ
и не умретъ раньше. Астіагъ сказалъ имъ на это: „мальчикъ живъ
и находится на лицѣ. Когда онъ жилъ въ деревнѣ, мальчики одной
съ нимъ деревни поставили его царемъ. Онъ все устроилъ такъ, какъ
бываетъ на самомъ дѣлѣ у царей: онъ назначилъ коньеносцевъ, при-
дверниковъ, вѣстниковъ и все прочее. Какъ вы думаете теперь, что
изъ этого выйдетъ?“ Маги отвѣчали: „если мальчикъ живъ и былъ
царемъ (не по обдуманному плану), то ты не бойся и будь спокоенъ,
ибо во второй разъ онъ уже не будетъ царствовать. У насъ некото-
рыя предсказанія сбываются на пустякахъ и то, что имѣетъ связь
со снами, влечетъ маловажныя послѣдствія.“ Астіагъ сказалъ на это:
„я и самъ, маги, совершенно того же мнѣнія, что такъ какъ мальчикъ
уже назывался царемъ, то сонъ исполнился и ребенокъ для меня бо-
лѣе не опасенъ. Но все таки посоветуйте мнѣ, хорошенько подумавъ,
какія распоряженія принесутъ наибольшую безопасность моему дому
и вамъ самимъ.“ Маги отвѣтили на это: „царь, и для насъ самихъ важно
поддерживать твою власть. Ибо въ противномъ случаѣ она сдѣлается
чуждою, если перейдетъ къ этому мальчику, Персу, и мы, какъ
Мидяне, станемъ рабами и ничего не будемъ значить въ сравненіи
съ Персами, какъ иностранцы. Но когда царемъ ты, нашъ соплемен-
никъ, то и мы въ свою очередь пользуемся властью и находимся
у тебя въ большой почести. Такимъ образомъ намъ слѣдуетъ забо-
диться о тебѣ и о твоей власти; и если бы мы замѣчали что-нибудь
опасное, мы все открыли бы тебѣ. Теперь же, такъ какъ сонъ имѣлъ

маловажныя послѣдствія, мы сами не боимся и тебѣ совѣтуемъ то же.
А мальчика ты отошли съ своихъ глазъ въ Персію къ его родителямъ.“
121) Услыхавъ это, Астіагъ очень обрадовался, и, призвавъ мальчика
сказалъ ему: „дитя мое, я поступилъ дурно съ тобою вслѣдствіе одного
неисполниваго сна, но къ твоему счастью ты остался живъ.
Будь же веселъ и отправляйся въ Персію, для чего я дамъ тебѣ про-
водниковъ. Приди туда, ты найдешь тамъ отца и мать не такихъ,
какъ пастухъ Митрадатъ и его жена.“

122) Такъ сказалъ Астіагъ и отправилъ Кира. Когда тотъ прибылъ
въ домъ Камбиза, и его встрѣтили родители, то узнавъ, кого они
приняли, они очень обрадовались, потому что полагали, что онъ тогда-же
умеръ, и стали спрашивать, какимъ образомъ онъ остался въ живыхъ.
Онъ разсказалъ имъ, что раньше ничего не зналъ, но былъ въ совер-
шенномъ заблужденіи, а узналъ обо всей своей судьбѣ въ дорогѣ. Онъ
полагалъ, что онъ сынъ Астіагова пастуха, но въ дорогѣ оттуда *)
узналъ обо всемъ отъ провожатыхъ. Онъ разсказалъ, что былъ воспитанъ
женою пастуха; и тутъ онъ сталъ всячески хвалить ее; во время
разказа онъ постоянно называлъ ее Кино. Родители воспользовались
этимъ именемъ, и чтобы Персамъ показалось, что ихъ сынъ спасся
чудеснымъ образомъ, они распространили слухъ, что Кира, когда онъ
былъ выброшенъ, векормила собака. Вотъ откуда вышелъ этотъ слухъ.
123) Когда Киръ возмужалъ и между всѣми сверстниками былъ са-
мымъ храбрымъ и всѣми любимымъ, Гарпагъ предался ему и прислалъ
подарки, возымѣвъ намѣреніе отомстить Астіагу; онъ видѣлъ, что
самъ онъ, какъ частный человекъ, не въ состояніи отомстить Астіагу.
Видя, что Киръ выросъ, онъ сдѣлалъ его своимъ союзникомъ, такъ
какъ судьба Кира походила на его собственную. Еще раньше этого онъ
сдѣлалъ слѣдующее. Такъ какъ Астіагъ былъ строгъ къ Мидянамъ,
то Гарпагъ, вступая въ сношенія съ каждымъ отдѣльно изъ знатныхъ
Мидянъ, убѣждалъ ихъ, что имъ слѣдуетъ пристать къ Киру и ли-
пить Астіага царской власти. Когда все было устроено Гарпагомъ и
готово, онъ пожелалъ открыть свою мысль Киру, жившему въ Пер-
сіи, но никакъ не могъ этого сдѣлать, потому что на дорогахъ была
стража. Онъ придумалъ вотъ что. Приготовивъ зайца, онъ разрѣзалъ
у него животъ, но не выпотрошилъ, а оставилъ какъ есть; туда онъ
вложилъ письмо, въ которомъ написалъ, что задумалъ. Зашивъ животъ
зайцу, онъ отдалъ его вмѣстѣ съ сѣтью вѣрнѣйшему изъ своихъ слугъ,

*) То есть изъ Мидіи.

какъ будто тотъ былъ охотникомъ, и послалъ этого послѣдняго въ Персею, поручивъ ему на словахъ передать зайца Киру и сказать, чтобы тотъ собственноручно разрѣзалъ зайца, но такъ, чтобы при этомъ никого не было. 124) Все это было исполнено. Киръ, получивъ зайца, вврѣзалъ его, и, найдя вложенное туда письмо, онъ прочелъ его. Письмо гласило слѣдующее: „сынъ Камбиза, боги покровительствуютъ тебѣ; иначе ты не достигъ бы такого счастья. Отомсти Астиагу, своему убійцѣ; по его желанію ты долженъ былъ умереть, но остался живъ, благодаря богамъ и мнѣ. Я думаю, ты давно уже узналъ все, что случилось съ тобою и что я претерпѣлъ отъ Астиага за то, что не умертвилъ тебя, но отдалъ пастуху. Теперь, если послушаешься меня, ты получишь власть надъ своей страной, надъ которой царствуетъ Астиагъ. Склони Персовъ отложиться и иди войной на Мидянь. Я ли буду назначенъ Астиагомъ военачальникомъ противъ тебя другой ли кто изъ знатныхъ Мидянь, все будетъ по твоему желанію. Они первые отпадутъ отъ него, и, перейдя къ тебѣ, будутъ стараться свергнуть Астиага. Такъ какъ здѣсь все уже готово, то ты дѣлай это какъ можно скорѣе.“

125) Услыхавъ это, Киръ сталъ обдумывать, какъ ему благоумнѣе склонить Персовъ къ отпаденію. По размысленіи, онъ нашелъ слѣдующій способъ самымъ удобнымъ. Онъ поступилъ такъ. Написавъ въ письмѣ, что ему хотѣлось, онъ собралъ Персовъ и тогда, вскрывъ письмо, прочелъ его и объявилъ, что Астиагъ назначилъ его начальникомъ надъ Персами. „Теперь, продолжалъ онъ, я приказываю вамъ, Персы, явиться каждому съ косою.“ Вотъ что приказалъ имъ Киръ. Персы составляютъ много племенъ и тѣ изъ нихъ, которыхъ собралъ Киръ и склонилъ къ отпаденію отъ Мидянь, суть слѣдующія, которымъ подчинены всѣ другія: Пасаргады, Марафи и Маспи; изъ нихъ главное—Пасаргады, между которыми есть родъ Ахеменидовъ, откуда произошли Персидскіе цари. Остальныя племена Персовъ суть слѣдующія: Пантіалеи, Дерузіи и Германійцы,—эти всѣ земледѣльцы, а прочія—кочевники: Дай, Марды, Дропки и Сагарты. 126) Въ Персидской странѣ была мѣстность, совершенно заросшая терновникомъ и имѣвшая около 18 или 20 стадій во всѣ стороны. Когда всѣ Персы явились съ сказаннымъ орудіемъ, Киръ приказалъ имъ очистить это мѣсто въ одинъ день. По исполненіи Персами заданной работы, Киръ велѣлъ имъ, вымывшись, явиться во второй разъ на слѣдующій день. А въ это время онъ собралъ всѣ стада козъ, барановъ и быковъ, бывшія у его отца, въ одно мѣсто, закололъ ихъ и приготовилъ, чтобы

угостить Персидскій народъ, прибавивъ къ этому вина и наилучшихъ кушаньевъ. Когда, на слѣдующій день, пришли Персы, онъ разсадилъ ихъ на дугу и сталъ угощать. По окончаніи пира, Киръ спросилъ ихъ, что имъ кажется лучше, то-ли, что было у нихъ вчера, или то, что теперь. Они отвѣчали, что это большая разница: вчерашній день у нихъ были всевозможныя работы, а теперь у нихъ всякія удовольствія. Схватившись за эти слова, Киръ объяснилъ имъ все, сказавъ: „Персы, вотъ что вамъ предстоитъ: если вы пожелаете послушаться меня, то будете имѣть эти и всѣ другія удовольствія и не будете нести никакого унижительнаго труда; если же не захотите послушаться меня, то вамъ придется нести много трудовъ, подобныхъ вчерашнему. Итакъ, послушайте меня теперь и освободитесь. Мнѣ самому кажется, что я по божественному опредѣленію рожденъ на то, чтобы принять это въ свои руки, и я считаю васъ не хуже Мидянь ни въ войнѣ, ни въ чемъ-либо другомъ. Если такъ, то отложите же, какъ можно скорѣе, отъ Астиага.“

127) Персы выбрали его теперь своимъ начальникомъ и охотно освободились, такъ какъ давно уже были недовольны своимъ подчиненіемъ Мидянамъ. Когда Астиагъ узналъ, что Киръ затѣваетъ это, онъ послалъ къ нему вѣстника, чтобы призвать его къ себѣ. Киръ приказалъ вѣстнику объявить Астиагу, что онъ придетъ къ нему прежде, чѣмъ самъ Астиагъ того пожелаетъ. Услыхавъ это, Астиагъ призвалъ къ оружію всѣхъ Мидянь, и какъ бы пораженный отъ бога безуміемъ, назначилъ военачальникомъ надъ ними Гарпага, забывъ о томъ, что сдѣлалъ ему. Когда Мидяне вступили въ сраженіе съ Персами, то сражались только нѣкоторые изъ нихъ, не участвовавшіе въ заговорѣ, другіе же передались Персамъ, а большая часть ихъ съ намѣреніемъ не исполняла своей обязанности и побѣжала.

(Киръ, царь персидскій, отъ 550 г. до Р. Хр.)

128) Послѣ того, какъ мидійское войско было такъ постыдно разбито и Астиагъ узналъ объ этомъ, онъ сказалъ съ угрозою о Кирѣ: „Киру еще рано радоваться.“ Сказавъ только это, онъ прежде всего велѣлъ посадить на колъ тѣхъ сногдателей изъ маговъ, которые посоветовали ему отослать Кира, а потомъ призвалъ къ оружію Мидянь, оставшихся въ городѣ, молодыхъ и стариковъ. Онъ повелъ ихъ, и, сразившись съ Персами, былъ побѣжденъ; самъ Астиагъ былъ взятъ въ плѣнъ и лишился тѣхъ Мидянь, которыхъ онъ вывелъ. 129) Къ взятому

въ пѣнѣ Астіагу пришелъ Гарпагъ, радовался его несчастію и насмѣхался надъ нимъ, обращаясь къ нему съ оскорбительными словами, и между прочимъ спросилъ: „не имѣеть-ли его теперешнее рабство вмѣсто царской власти какого-либо отношенія къ тому пиру, на которомъ Астіагъ угостилъ его мясомъ его сына.“ Тотъ, взглянувъ на него, спросилъ въ свою очередь: „поступокъ Кира не его-ли дѣло.“ Гарпагъ отвѣчалъ, что онъ самъ написалъ и по истинѣ все это его дѣло. Астіагъ назвалъ его глупымъ и несправедливымъ, — глупымъ потому, что онъ, имѣя возможность самъ сдѣлаться царемъ, такъ какъ все, случившееся теперь, случилось чрезъ него, предоставилъ власть другому, — несправедливымъ же потому, что онъ изъ-за того пира поработилъ Мидянъ; если нужно было непременно предоставить царскую власть кому-нибудь другому, а не самому пользоваться ею, то справедливѣе было бы предоставить это счастье кому-нибудь изъ Мидянъ, чѣмъ изъ Персовъ. А теперь Мидяне, невиновные въ этомъ дѣлѣ, сдѣлались изъ господъ рабами. 130) Такимъ образомъ Астіагъ былъ лишень царской власти, послѣ того какъ онъ около 35 лѣтъ былъ царемъ, и Мидяне изъ-за его жестокости были порабощены Персами, послѣ того какъ они властвовали въ Азіи по ту сторону рѣки Галиса въ продолженіе 128 лѣтъ, кромѣ того времени, когда господствовали Скиѣы. Впослѣдствіи они раскаялись въ томъ, что сдѣлали это и отложились отъ Дарія; отложившись, они были побѣждены въ сраженіи и снова покорены. А въ то время, при Астіагѣ, Персы съ Киромъ въ главѣ возстали на Мидянъ и съ этого времени начали господствовать въ Азіи. Астіага Киръ держалъ при себѣ, не дѣлая ему никакого зла, до его кончины. Такъ былъ рожденъ и воспитанъ Киръ, такъ онъ сдѣлался царемъ и послѣ этого покорилъ Креза, который несправедливо началъ войну, какъ мною сказано выше. А покоривъ его, онъ такимъ образомъ сталъ владычествовать надъ всей Азіей.

131) Мнѣ извѣстно, что Персы имѣютъ слѣдующіе обычаи. У нихъ нѣтъ обыкновенія сооружать статуи, храмы или алтари, такъ что они даже упрекаютъ въ глупости тѣхъ, которые это дѣлаютъ, какъ мнѣ кажется потому, что они не думаютъ, какъ думаютъ Элліны, что боги имѣютъ человѣческую природу. Они имѣютъ обыкновеніе приносить жертвы Зевсу на самыхъ высокихъ вершинахъ горъ, называя все небо Зевсомъ. Они приносятъ жертвы солнцу, лунѣ, землѣ, огню, водѣ и вѣтрамъ. Однимъ этимъ божествамъ они уже издревле приносятъ жертвы; кромѣ того они стали приносить жертвы Ураніи, перенявъ это отъ Ассирійцевъ и Арабовъ. Ассирійцы называютъ Афро-

диту Милиттой, Арабы-Алилатъ, а Персы-Митрой. 132) Жертвоприношенія же сказаннымъ богамъ совершаются у Персовъ слѣдующимъ образомъ. Желая принести жертву, они не дѣлаютъ алтарей, не возжигаютъ огня, не употребляютъ ни возлѣній, ни флейтъ, ни жертвенныхъ пироговъ, ни ячменя. Когда кто захочетъ принести жертву какому либо изъ боговъ, онъ приводитъ жертвенное животное на открытое мѣсто и тутъ взываетъ къ богу, надѣвъ на себя миртовый вѣнокъ вокругъ головной повязки. Обыкновенно приносящій жертву просить благъ не только для себя одного, но молить боговъ и о томъ, чтобы и всѣмъ Персамъ и царю было хорошо, ибо онъ самъ находится въ числѣ всѣхъ Персовъ. Потомъ, разрѣзавъ по членамъ жертвенное животное, онъ варитъ мясо; подстлавъ самой мягкой травы, чаще всего трилистника, онъ кладетъ на нее все мясо. Когда онъ расположитъ это въ такомъ порядкѣ, приходитъ магъ и поетъ пѣснь о происхожденіи боговъ, которая, по ихъ словамъ, есть ихъ священная пѣснь; безъ мага же у нихъ не въ обычаѣ приносить жертвы. Помедливъ нѣсколько, приносящій жертву уноситъ съ собою мясо и употребляетъ его, какъ ему заблагоравсудится. 133) Изъ всѣхъ дней они обыкновенно болѣе всего почитаютъ тотъ, въ который каждый изъ нихъ родился. Въ этотъ день они считаютъ необходимымъ приготовить болѣе обильный столъ, чѣмъ въ остальные; въ этотъ день богатые выставляютъ быка, лошадей, верблюда и осла, изжаренныхъ въ печи цѣликомъ; бѣдные же изъ нихъ выставляютъ мелкихъ животныхъ. Они готовятъ мало блюдъ, но много закусокъ, которыя обносятся не за одинъ разъ. Поэтому-то Персы говорятъ, что Элліны, пообѣдавъ, остаются голодными, потому что у нихъ послѣ обѣда не подается ничего, достойнаго вниманія; а если бы что-нибудь подавалось, то они не переставали бы ѣсть. Они сильно преданы вину, но у нихъ не позволено ни плевать, ни мочиться передъ другимъ. Такъ это у нихъ наблюдается. Они имѣютъ обыкновеніе, напившись до пьяна, совѣщаться о важнѣйшихъ дѣлахъ; что они рѣшатъ на этомъ совѣщаніи, то на слѣдующій день снова предлагаетъ имъ, уже трезвымъ, хозяинъ дома, въ которомъ они имѣли совѣщаніе. И если они и трезвые такъ же рѣшатъ, то приводятъ въ исполненіе, а если рѣшеніе имъ не понравится, то не исполняютъ его. О чемъ они предварительно совѣтовались, когда были трезвы, то еще разъ обсуждаютъ, когда напьются.

134) Когда они встрѣчаются другъ съ другомъ на дорогѣ, то каждый можетъ узнать, равные ли они между собою. Они привѣтствуютъ

другъ друга, цѣлуя въ уста; если же одинъ изъ нихъ вѣсколько низшаго происхожденія, они цѣлуютъ въ щеку; тотъ, кто вовсе не знаешь, кланяется другому, повергаясь предъ нимъ. Изъ всѣхъ людей послѣ самихъ себя они уважаютъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, потомъ слѣдующихъ, затѣмъ болѣе отдаленныхъ, идя въ такомъ порядкѣ далье, такъ что они наименѣ уважаютъ тѣхъ, которые живутъ дальше всего отъ нихъ, полагая, что сами они во всемъ гораздо лучше другихъ людей, а другіе стремятся къ добродѣтели въ сказанной послѣдовательности и что тѣ, которые живутъ очень далеко отъ нихъ, самыя дурныя люди. Во время владычества Мидянъ народы властвовали другъ надъ другомъ, а надъ всѣми вмѣстѣ Мидяне и болѣе всего надъ своими сосѣдями, эти надъ своими, а тѣ надъ своими. Въ такой же послѣдовательности почитаютъ и Персы (другихъ народовъ); ибо народы господствуютъ и имѣютъ власть другъ надъ другомъ, идя послѣдовательно впередъ. 135) Изъ всѣхъ народовъ Персы наиболѣе склонны къ чужестраннымъ обычаямъ. Они носятъ мидійскую одежду, считая ее болѣе красивой, а на войнѣ — египетскіе панцири. Они предаются всевозможнымъ страстямъ, которыя только дѣлаются имъ извѣстны. Каждый изъ нихъ имѣетъ многихъ законныхъ женъ и еще больше наложницъ. 136) Достоинствомъ мужчины послѣ военной доблести считается то, чтобы народить много дѣтей. Тому, у кого родится ихъ много, царь каждый годъ посылаетъ подарки. Ибо большое количество, думаютъ они, есть сила. Сыновей, начиная отъ пяти до двадцатилѣтняго возраста, они учатъ тремъ вещамъ: вѣдѣть верхомъ, стрѣлять изъ лука и говорить правду. До пятилѣтняго возраста мальчикъ не является предъ лицо отца, но живетъ среди женщинъ. Вслѣдствіе этого происходитъ то, что, если онъ умретъ въ малолѣтствѣ, это не причинитъ никакого огорченія отцу. 137) Я хвалю этотъ обычай, хвалю и тотъ, что за одну вину царь никогда никого не лишаетъ жизни и никто изъ другихъ Персовъ не смѣетъ предать смерти за одну вину кого либо изъ своихъ рабовъ. Но если бы по разсмотрѣніи онъ нашель, что преступленія многочисленнѣе и важнѣе, чѣмъ оказанныя услуги, тогда онъ можетъ дать волю своему гнѣву. Никто никогда, по ихъ словамъ, не убиваетъ своего отца или мать. Но если подобныя вещи случаются, то непременно, утверждаютъ они, по изслѣдованіи оказывается, что убійцы были подкидыши или незаконно-рожденные; ибо по истинѣ неестественно, говорятъ они, чтобы отецъ былъ убитъ сыномъ. 138) Все, что запрещается имъ дѣлать, запрещается и говорить. Самымъ постыднымъ считается у нихъ лгать, а

послѣ этого — дѣлать долги, и это по многимъ и различнымъ причинамъ, въ особенности же потому, что должнику, по ихъ мнѣнію, необходимо приходится лгать. Кто изъ гражданъ получить прощаву или бѣлую сыпь, тотъ не входитъ въ городъ и не вступаетъ въ сношенія съ другими Персами. Они говорятъ, что онъ получаетъ эту болѣзнь съ другими Персами. Они говорятъ, что онъ получаетъ эту болѣзнь потому, что согрѣшилъ въ чемъ-нибудь противъ (бога) солнца. Они изгоняютъ изъ страны каждаго иностранца, зараженнаго этими болѣзнями, а также и бѣлыхъ голубей, приписывая имъ такое же дѣйствіе. Въ рѣку они не мочатся и не плюютъ, не умываютъ въ ней рукъ и не позволяютъ этого дѣлать никому другому: они очень почитаютъ рѣки. 139) Вотъ что еще находится у нихъ, что укрылось отъ самихъ Персовъ, а отъ насъ не укрылось. У нихъ названія, соотвѣтствующія каждому лицу и сану, всѣ оканчиваются на одну и ту же букву, которую Доряне называютъ занъ, а Іоняне — сигма. Если кто станетъ изслѣдовать это, онъ найдетъ, что персидскія имена не оканчиваются одни на одну букву, другія на другую, но всѣ на одну и ту же.

140) Это я знаю и могу объ этомъ сказать навѣрно. Относительно ихъ покойниковъ говорятъ втихомолку и не утвердительно, что трупъ Перса хоронятъ не прежде, какъ онъ будетъ растерзанъ птицей или собакой. Относительно маговъ я навѣрно знаю, что они дѣлаютъ такъ, потому что они дѣлаютъ открыто. Персы покрываютъ трупъ воскомъ и хоронятъ въ землѣ. Маги отличаются во многомъ отъ другихъ людей и отъ египетскихъ жрецовъ. Эти послѣдніе свято соблюдаютъ правило не убивать никого, кромѣ того, что они приносятъ въ жертву; маги же собственноручно убиваютъ все, исключая собаки и чловѣка, и считаютъ своею обязанностью убивать муравьевъ, змѣй и другихъ пресмыкающихся и птицъ. На этотъ обычай должно смотрѣть такъ, какъ онъ издревле установленъ.

Возвращаюсь къ прежнему разсказу.

141) Какъ скоро Лидійцы были покорены Персами, Іоняне и Эоляне прислали въ Сарды къ Киру пословъ, желая подчиниться ему на тѣхъ же условіяхъ, какъ и Крезу. Услыхавъ отъ нихъ то, что они предлагали, онъ разсказалъ имъ басню: одинъ флейтистъ, увидавъ въ морѣ рыбъ, сталъ играть, думая, что тѣ выйдутъ на землю. Когда же обманулся въ своей надеждѣ, то взялъ сътъ, захватилъ множество рыбъ и вытащилъ ихъ. Видя, что рыбы бѣются, онъ сказалъ имъ: „перестаньте плясать; вы не захотѣли выйти поплясать, когда я игралъ.“ Киръ разсказалъ эту басню Іонянамъ и Эолянамъ потому, что Іоняне не послушались его, когда онъ раньше предлагалъ имъ чрезъ пословъ

отложиться отъ Креза, а теперь, когда дѣло было сдѣлано, они были готовы повиноваться Киру. Такъ онъ отвѣчалъ имъ въ гнѣвъ на нихъ; а Ионяне, когда это сдѣлалось извѣстно по городамъ, стали строить стѣны и собрались въ Паніоніонъ всѣ, кромѣ Милевійцевъ; только съ этими одними Киръ заключилъ договоръ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и лидійскій царь. Остальными Ионянами на общемъ совѣтѣ было рѣшено отправить пословъ въ Спарту просить о помощи Ионянамъ. 142) Эти Ионяне, въ области которыхъ находится Паніоніонъ, изъ всѣхъ народовъ, которыхъ мы знаемъ, выстроили свои города въ прекраснѣйшей странѣ по климату и временамъ года; въ этомъ отношеніи на Іонію не походятъ ни страны, лежащія выше или ниже ея, ни страны на востокъ или на западъ; одни изъ нихъ терпятъ отъ холода и дождей, другія—отъ зноя и засухъ. Они говорятъ не на одномъ языкѣ, но на четырехъ различныхъ нарѣчіяхъ. Милеть, первый изъ этихъ городовъ, лежитъ на сѣверѣ, затѣмъ Міусъ и Прізна; эти города находятся въ Каріи и въ нихъ говорятъ однимъ нарѣчіемъ. Въ Лидіи лежатъ слѣдующіе: Эеесъ, Колофонъ, Лебедъ, Теосъ, Клазомены и Фокея. Въ этихъ городахъ не говорятъ на томъ же нарѣчьи, какъ въ вышеазванныхъ, но между собою говорятъ на одномъ нарѣчьи. Кромѣ этихъ есть еще три іонійскіе города, изъ которыхъ два находятся на островахъ Самосъ и Хиосъ, а одинъ выстроенъ на материкѣ—Эритры. Хиосцы и Эритряне говорятъ одинаковымъ языкомъ; одни Самосцы имѣютъ свое особенное нарѣчіе. Это и есть четыре нарѣчья. 143) Итакъ, изъ этихъ Ионянъ Милевійцы были въ безопасности, потому что заключили клятвенный договоръ; также и островитянамъ нечего было бояться, ибо Финикійцы не были подданными Персовъ, а сами Персы не были мореплавателями. Отъ другихъ Ионянъ эти ничѣмъ не отличались; въ то же время, когда весь Эллинскій народъ былъ слабъ, самымъ слабымъ изъ племенъ было іонійское и имѣло наименьшее значеніе; кромѣ Аонянъ не было другаго значительнаго города. Прочіе Ионяне и Аоняне избѣгали этого имени, не желая называться Ионянами; даже и теперь, какъ мнѣ кажется, многіе изъ нихъ стыдятся этого имени. Эти же двѣнадцать городовъ гордились своимъ именемъ и выстроили для себя святилище, которому дали названіе Паніоніонъ; они рѣшили не допускать туда другихъ Ионянъ (но никто, кромѣ Смирнцевъ, и не просилъ участія въ этомъ святилищѣ), 144) также какъ Доряне изъ теперешняго патиградія, которое прежде называлось шестиградіемъ, не допускаютъ никого изъ сосѣднихъ Дорянъ въ Трионійское святилище; они даже изъ своей среды устранили отъ участія

тѣхъ, которые преступили законы святилища. Во время состязанія въ честь Трионійскаго Аполлона они издревле еще назначали въ награду побѣдителямъ мѣдные треножники; получившіе ихъ не должны были уносить ихъ изъ храма, но оставлять здѣсь, какъ приношеніе богу. Одинъ Галикарнасецъ, по имени Агазиклъ, побѣдивши, преступилъ законъ: увезъ треножникъ домой и повѣсилъ его на гвоздь. За эту-то вину пять городовъ: Линдъ, Галисъ, Камиръ, Косъ и Книдъ устранили отъ участія шестой городъ Галикарнасъ. Такое наказаніе они наложили на него. 145) Мнѣ кажется, что Ионяне основали двѣнадцать городовъ и не пожелали принимать въ свою среду болѣе по той причинѣ, что въ то время, когда они жили въ Пелопонесѣ, ихъ было двѣнадцать областей, какъ теперь существуетъ двѣнадцать областей Ахейцевъ, которые изгнали Ионянъ. Именно: Пеллена, первый городъ къ Сикіону, затѣмъ Эгира и Эги, гдѣ находится неизсякаемая рѣка Кратисъ, отъ которой получила названіе рѣка въ Италіи, Бура и Гелика, въ которую убѣжали Ионяне, когда были разбиты Ахейцами, далѣе Эгіонъ, Рины, Патры, Фары и Олень, гдѣ находится большая рѣка Пиръ, наконецъ Дима и Тритей, которые одни лежатъ внутри материка. 146) Это теперь двѣнадцать областей ахейскихъ, а въ то время они были іонійскія. Вслѣдствіе этого-то Ионяне основали двѣнадцать городовъ. Говорить же, что эти Ионяне болѣе настоящіе Ионяне, чѣмъ другіе, или болѣе благороднаго происхожденія, было бы величайшимъ неразуміемъ; не малую часть ихъ составляютъ Абанты изъ Эвбеи, которые даже въ своемъ названіи не имѣютъ ничего іонійскаго; съ ними смѣшались Миніи изъ Орхомена, Кадмеи, Дріоны, Фокейцы, отдѣлившіеся отъ своихъ соотечественниковъ, Молоссы, Аргадскіе Пелазги и Дорійскіе Эвидавы и многія другія племена; даже тѣ изъ нихъ, которые вышли изъ Пританеи аонискаго и считаютъ себя Ионянами самаго чистаго происхожденія, не привели съ собою женъ въ колонію, но брали себѣ Карінокъ, убивъ ихъ родителей. По причинѣ этого убійства женщины эти положили себѣ закономъ, давши другъ другу клятвы, и передали это своимъ дочерямъ, никогда не ѣсть вмѣстѣ съ мужьями, не называть мужей по имени за то, что тѣ умертвили ихъ отцовъ, мужей и сыновей и потому, сдѣлавъ это, взяли ихъ себѣ въ жены. Это было въ Милеть. 147) Одни изъ нихъ выбирали себѣ царями Ликійцевъ, происходившихъ отъ Главка, сына Гипполоха, другіе выбирали ихъ изъ Пилійскихъ Кавконовъ, происходившихъ отъ Кодра, сына Меланта, третьи — изъ тѣхъ и другихъ. Но они болѣе привязаны къ своему имени, чѣмъ другіе Ионяне. Есть

также и чистое ионійское племя, это суть всѣ Ионяне, которые вышли изъ Аеинъ и которые празднуютъ Апатуріа; этотъ же праздникъ празднуютъ всѣ, за исключеніемъ Эфесцевъ и Колофонянъ; только эти одни изъ Ионянъ не празднуютъ Апатуріа вслѣдствіе обвиненія въ какомъ-то убійствѣ. 148) Паніоніонъ есть священное мѣсто въ Микале, обращенное къ сѣверу, которое посвящено сообща Ионянами Посейдону Геликонскому; Микале же есть мысъ, простирающійся къ западу въ направленіи къ Самосу. Сюда собираются Ионяне изъ всѣхъ городовъ, чтобы праздновать праздникъ, которому они дали названіе Паніоніа. Не одни только праздники Ионянъ, но и всѣхъ Эллиновъ имѣютъ ту особенность, что всѣ оканчиваются одинаково на одну и ту же букву, какъ персидскія имена.

149) Это Ионійскіе города. Эолійскіе же: Кима, называемая Фриконись, Леризы, Неонтихось, Темнъ, Килла, Нотіонъ, Эгировасса, Питана, Эгеи, Мирина и Гриней. Это одиннадцать древнѣйшихъ городовъ Эолянъ; одинъ же, Смирна, былъ отнятъ у нихъ Ионянами, ибо ихъ было на материкѣ двѣнадцать. Эти Эоляне заняли страну лучшую, чѣмъ Ионяне, но не съ одинаковымъ климатомъ. 150) Эоляне потеряли Смирну такимъ образомъ. Они приняли къ себѣ Колофонянъ, побѣжденныхъ во время возстанія и изгнанныхъ изъ отечества. Потомъ Колофонскіе изгнанники улучили время, когда Смирнцы внѣ города праздновали праздникъ Діонису, заперли ворота и завладѣли городомъ. Когда же всѣ Эоляне выступили противъ нихъ, они пришли къ соглашенію, что Эоляне, получивъ отъ Ионянъ движимое имущество, должны оставить Смирну. Когда это было исполнено Смирнцами, одиннадцать городовъ подѣлили ихъ между собою и приняли въ число своихъ гражданъ. 151) Это нынѣшніе Эолійскіе города на материкѣ, кромѣ тѣхъ, которые находятся на Идѣ; эти послѣдніе составляютъ отдѣльное цѣлое; изъ находящихся на островахъ пять лежатъ на островѣ Лесбосѣ (шестой, находящійся на Лесбосѣ, Арисбу, покорили Метимнейцы, которые имъ были родственные), одинъ городъ лежитъ на Тенедосѣ и еще одинъ на такъ называемыхъ Ста островахъ. Для Лесбосцевъ и Тенедосцевъ, какъ и для Ионянъ, жившихъ на островахъ не было никакой опасности, остальные же города рѣшили сообща слѣдовать за Ионянами, куда бы тѣ ни повели.

152) Когда послы Ионянъ и Эолянъ прибыли въ Спарту (это сдѣлалось очень скоро), они назначили говорить за всѣхъ одному Фокейцу, по имени Питерму. Онъ надѣлъ пурпуровую одежду, чтобы Спартанцевъ, когда они узнаютъ объ этомъ, сошло какъ можно

больше, и вставъ предъ ними, произнесъ пространную рѣчь, прося оказать помощь Ионянамъ. Лакедемоняне, безъ сомнѣнія, не слушали его и рѣшили не помогать Ионянамъ. Тѣ уѣхали. Лакедемоняне же, отказавъ Ионійскимъ посламъ, все-таки отправили на пятидесятивесельномъ кораблѣ мужей, какъ мнѣ кажется, въ качествѣ развѣдчиковъ о дѣлахъ Кира и Ионіи. По прибытіи въ Фокею, эти послѣдніе послали въ Сарды самаго знатнаго изъ своей среды, по имени Лакрина, чтобы запретить Киру отъ имени Лакедемонянъ вредить какому-либо городу Эллады, такъ какъ они этого не позволяютъ. 153) Когда вѣстникъ объявилъ это, Киръ, говорить, спросилъ бывшихъ тутъ Эллиновъ, что за народъ Лакедемоняне и много ли ихъ, что они даютъ ему такое приказаніе. Получивъ отвѣтъ, онъ сказалъ Спартанскому вѣстнику: „я не боюсь такихъ людей, у которыхъ есть среди города определенное мѣсто, куда они собираются и съ клятвами обманываютъ другъ друга. Имъ придется, если я останусь живъ и здоровъ, болтать не о судьбѣ Ионянъ, а о своей собственной.“ Съ такимъ презрѣніемъ Киръ отозвался обо всѣхъ Эллинахъ потому, что у нихъ существуютъ рынки, гдѣ они производятъ кушлю и продажу. Сами же Персы обыкновенно не устраиваютъ площадей и у нихъ вовсе нѣтъ рынковъ. Послѣ этого Киръ ввѣрилъ Сарды Персу Табалу, а золото, принадлежавшее Крезу и другимъ Лидійцамъ, поручилъ для доставленія Пактіасу Лидійцу, самъ же отправился въ Эгбатану, взявъ съ собою Креза и на первыхъ порахъ не обративъ никакого вниманія на Ионянъ. У него на пути были Вавилонъ, Бактрійскій народъ, Саки, и Египтяне; противъ нихъ онъ намѣренъ былъ самъ воевать, а противъ Ионянъ послалъ полководца. 154) Какъ только Киръ ушелъ изъ Сарды, Пактіасъ склонилъ Лидійцевъ отложиться отъ Табала и Кира; онъ прибылъ къ берегу моря, и такъ какъ захватилъ съ собою все золото изъ Сарды, нанялъ вспомогательныя войска и уговорилъ приморскихъ жителей отправиться съ нимъ въ походъ. Онъ пошелъ на Сарды и осадилъ Табала, который заперся въ крѣпости. 155) Получивъ объ этомъ извѣстіе на дорогѣ, Киръ сказалъ Крезу: „Крезъ, какъ мнѣ положить конецъ этому дѣлу? Лидійцы, какъ мнѣ кажется, не перестанутъ вводить въ хлопоты меня и самихъ себя. Я думаю, не будетъ ли лучше обратить ихъ въ рабство; мнѣ кажется, я поступилъ въ этомъ случаѣ такъ же, какъ если ктонибудь, убивъ отца, пощадитъ дѣтей. И я увелъ у Лидійцевъ тебя, который для нихъ болѣе, чѣмъ отецъ, ввѣрилъ городъ самимъ же Лидійцамъ, и послѣ этого удивляюсь, если они отпали отъ меня.“ Киръ сказалъ, что онъ думалъ, а Крезъ,

боясь, чтобы онъ не разрушилъ Сардъ, отвѣчалъ ему на это: „царь, все справедливо, что ты сказалъ; но не предавайся гнѣву и не разрушай древняго города, который не виновенъ ни въ прежнихъ, ни въ теперешнихъ происшествіяхъ; причиною прежнихъ былъ я, а потому и долженъ отвѣчать за это своей головой; въ теперешнихъ же виновенъ Пактіасъ, которому ты ввѣрилъ Сарды; пусть же онъ и будетъ тобой наказанъ. Прости Лидійцевъ и сдѣлай съ ними слѣдующее, чтобы они не отпадали отъ тебя и не были для тебя опасны: запрети имъ имѣть у себя какое-либо оружіе, прикажи имъ надѣвать хитоны подъ одежду и подвязывать себѣ котурны; вели, наконецъ, имъ учить своихъ дѣтей играть на кифарѣ или на арфѣ и торговать; и ты, царь, скоро увидишь, что они изъ мужчинъ станутъ женщинами, такъ что не будутъ для тебя опасны и не отпадутъ отъ тебя.“ 156) Такъ со- вѣтовалъ ему Крезъ, находя это лучше для Лидійцевъ, чѣмъ быть обращенными въ рабство и проданными, зная, что, если онъ не пред- ставитъ уважительнаго основанія, то не убѣдитъ Кира измѣнить рѣ- шеніе, и боясь, чтобы Лидійцы, если они пропустили теперешній случай, впоследствии не возстали противъ Персовъ и не подверглись гибели. Киру понравился этотъ совѣтъ, онъ успокоился и сказалъ, что послушается его. Призвавъ Мазара, Мидянина, онъ поручилъ ему прика- зать Лидійцамъ сдѣлать все то, что совѣтовалъ Крезъ, и велѣлъ, сверхъ того, обратить въ рабство всѣхъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ Лидійцами воевали противъ Сардъ, самаго же Пактіаса привести къ нему живымъ. 157) Давъ эти порученія съ дороги, онъ отправился въ Персидскую страну. Пактіасъ, узнавъ, что войско, идущее на него, близко, испугался и убѣжалъ въ Киму. Мазаръ, Мидянинъ, прибывъ въ Сарды съ нѣкото- рою частью Кирова войска и не найдя тамъ уже Пактіаса и его приверженцевъ, прежде всего принудилъ Лидійцевъ исполнить при- казанія Кира; влѣдствіе этого приказанія Лидійцы совершенно измѣ- нили образъ жизни. Послѣ этого Мазаръ отправилъ въ Киму пословъ требовать выдачи Пактіаса. Кимейцы признали за лучшее обратиться къ богу въ Бранхидахъ, тамъ съ древнихъ временъ былъ основанъ оракулъ, къ которому обыкновенно обращаются всѣ Іоняне и Эоляне. Это мѣсто находится въ милетскомъ округѣ выше гавани Панорма. 158) Итакъ Кимейцы отправились въ Бранхиды спросить, какъ имъ поступить съ Пактіасомъ согласно съ волею боговъ. На этотъ во- просъ былъ данъ имъ отвѣтъ: выдать Пактіаса Персамъ. Получивъ этотъ отвѣтъ, Кимейцы рѣшили выдать Пактіаса. Когда народъ уже былъ готовъ къ этому, Аристокликъ, сынъ Гераклида, человекъ, ува-

жаемый согражданами, не вѣря отвѣту оракула и думая, что послы не сказали правды, сталъ удерживать Кимейцевъ, чтобы они этого не дѣлали, пока не были отправлены другіе послы, въ числѣ которыхъ былъ и Аристокликъ, спросить во второй разъ о Пактіасѣ. 159) По прибытіи въ Бранхиды, Аристокликъ отъ лица всѣхъ спросилъ ора- кула, сказавъ: „владыка, къ намъ пришелъ съ мольбою объ убѣжищѣ Пактіасъ, Лидіецъ, избѣгая насильственной смерти отъ Персовъ. Эти послѣдніе требуютъ у Кимейцевъ его выдачи. Мы же, хотя и боимся могущества Персовъ, не осмѣливаемся выдать прибѣгшаго подъ нашу защиту, пока намъ не будетъ извѣстно твое мнѣніе о томъ, какъ намъ поступить.“ Такъ спросилъ Аристокликъ и опять былъ данъ имъ тотъ- же отвѣтъ съ приказаніемъ выдать Пактіаса Персамъ. Послѣ этого Аристокликъ съ намѣреніемъ сдѣлать слѣдующее: обойдя кругомъ храмъ, онъ вынулъ воробьевъ и всѣхъ другихъ птицъ, которыя свили себѣ гнѣзда въ храмъ. Когда онъ это сдѣлалъ, то, говорятъ, слышался изъ святилища голосъ, обращенный къ Аристоклику и говорившій слѣдующее: „нечестивецъ, какъ смѣешь ты это дѣлать? ты покидаешь изъ храма покровительствуемыхъ мною?“ Аристокликъ, ни мало не смутившись, отвѣчалъ на это: „владыка, ты самъ такъ помогаешь покровительствуемымъ тобою, а Кимейцамъ приказываешь выдать при- бѣгшаго подъ ихъ защиту.“ На это тотъ отвѣчалъ ему: „да, я прика- зываю это съ тѣмъ, чтобы вы, поступивъ безбожно, скорѣе погибли, чтобы на будущее время не приходиши къ оракулу вопрошать о вы- дачѣ прибѣгшихъ подъ вашу защиту.“ 160) Когда Кимейцы услышали этотъ отвѣтъ, то, не желая погибнуть, выдавъ Пактіаса, и быть осаж- денными, оставляя его у себя, отослали его въ Митилену. Митиленцы же, когда Мазаръ прислалъ къ нимъ посольство съ требованіемъ вы- дать Пактіаса, были готовы сдѣлать это за нѣкоторое вознагражденіе;— я не могу объ этомъ опредѣленно сказать, ибо это не было приведено въ исполненіе. Кимейцы, узнавъ о томъ, что хотятъ сдѣлать Мити- ленцы, прислали судно въ Лесбосъ и перевезли Пактіаса въ Хіосъ. Здѣсь онъ былъ силою взятъ изъ храма Аины Полиухосъ Хіосцами и выданъ (Персамъ). Хіосцы выдали его за Атарней; этотъ Атарней есть мѣстность въ Мизіи напротивъ Лесбоса. Получивъ Пактіаса, Персы держали его подъ стражей, желая его представить Киру. Въ теченіе немалаго времени ни одинъ Хіосецъ изъ этого Атарнея не посыпалъ ячменя никакому богу, не пекъ жертвенныхъ пироговъ изъ тамошнихъ плодовъ и вообще не приносилъ ни въ одномъ храмѣ въ жертву произведеній этой страны. 161) Итакъ Хіосцы выдали Пактіаса.

Маварь послѣ этого пошелъ войною на тѣхъ, которые осаждали Табала; сначала онъ обратилъ въ рабство Пріанцевъ, затѣмъ отдалъ на разграбленіе своему войску Меандрскую равнину, а также и Магнезію. Послѣ этого онъ умеръ отъ внезапной болѣзни. 162) По смерти его, ему наслѣдовалъ въ санѣ полководца Гарпагъ, также родомъ Мидянинъ, котораго мидійскій царь Астиагъ угостилъ необычайнымъ обѣдомъ и который помогъ Киру захватить царскую власть. Этотъ человекъ, въ то время назначенный Киromъ въ полководцы, прибывъ въ Іонію, бралъ города при помощи насыпей: всякій разъ, когда онъ осаждалъ (городъ), онъ тогда проводилъ къ стѣнамъ насыпи и такимъ образомъ овладѣвалъ имъ. Прежде всего онъ напалъ на Фокею въ Іоніи. 163) Эти Фокейцы, первые изъ Эллиновъ, стали употреблять длинные корабли и открыли Адрію, Тирсенію, Иберію и Тартессъ; плавали они не на круглыхъ купеческихъ корабляхъ, но на пятидесятивесельныхъ. Прибывъ въ Тартессъ, они подружились съ царемъ Тартессійцевъ, которому имя было Аргантоній; царствовалъ онъ въ Тартессѣ восемьдесятъ лѣтъ, а прожилъ всего сто двадцать. Этому человеку Фокейцы такъ понравились, что сначала онъ уговаривалъ ихъ оставить Іонію и поселиться въ его странѣ, гдѣ они пожелаютъ, а потомъ, когда онъ не могъ склонить къ этому Фокейцевъ, онъ, узнавъ, какую силу имѣетъ у нихъ Мидянинъ, далъ имъ денегъ, чтобы они выстроили стѣну вокругъ своего города; далъ онъ имъ много, ибо стѣна имѣетъ въ окружности не мало стадій и вся сдѣлана изъ большихъ хорошо связанныхъ камней. 164) Такъ Фокейцами была выстроена стѣна. Гарпагъ пошелъ противъ нихъ и осадилъ ихъ; онъ объявилъ имъ, что для него довольно, если Фокейцы разрушатъ только одно укрѣпленіе стѣны и посвятятъ одинъ домъ *). Фокейцы, не терпѣвшіе рабства, сказали на это, что они хотятъ подумать одинъ день и потомъ отвѣчать; а на то время, когда они будутъ совѣтоваться, просили его отвести войско отъ стѣны. Гарпагъ сказалъ, что онъ хорошо понимаетъ, что они намѣрены сдѣлать, и все таки позволяеть имъ подумать. Итакъ, когда Гарпагъ отвелъ войско отъ стѣны, Фокейцы, спустивъ въ это время на море свои пятидесятивесельныя суда, помѣстили на нихъ дѣтей, женъ и все движимое имущество, сверхъ того статуи изъ храмовъ и всѣ приношенія богамъ; кромѣ мѣди, камней и картинъ—все остальное они положили на суда,—сами вошли на нихъ и отплыли въ Хіосъ; Фокею же, оставленную жителями, заняли Персы.

*) Вероятно, Персидскому царю.

165) Фокейцы, послѣ того какъ Хіосцы, у которыхъ они хотѣли купить такъ-называемые Энусскіе острова, не пожелали продать ихъ изъ боязни, что эти острова сдѣлаются торговой пристанью, а ихъ островъ лишится вслѣдствіе этого торговаго значенія,—послѣ этого Фокейцы отправились въ Кирнъ *); двадцать лѣтъ тому назадъ они основали на Кирнѣ, по совѣту оракула, городъ, по имени Алаію. Аргантонія въ это время уже не было въ живыхъ. Отправляясь въ Кирнъ, они сначала вернулись въ Фокею, гдѣ избили персидскую стражу, которая была оставлена Гарпагомъ охранять городъ, а потомъ, сдѣлавъ это, они произнесли ужасныя проклятія на того, кто откажется отъ ихъ путешествія; сверхъ того они погрузили въ море кусокъ желѣза и поклялись, что не прежде вернуться въ Фокею, какъ всплыветъ этотъ кусокъ. Когда они плыли въ Кирнъ, половиною гражданъ овладѣла тоска и сожалѣніе по городъ и по родинѣ; они измѣнили клятвы и вернулись въ Фокею; тѣже изъ нихъ, которые держались клятвы, отъ Энусскихъ острововъ поплыли далѣе. 166) По прибытіи въ Кирнъ, они поселились вмѣстѣ съ тѣми, которые пріѣхали туда пять лѣтъ тому назадъ, и выстроили тамъ храмъ. Они стали нападать на всѣхъ своихъ сосѣдей, и противъ нихъ выступили въ походъ вмѣстѣ Тирсенны (Этруски) и Кархедоняне (Картагеняне), каждае съ 60 кораблями. Фокейцы и сами увеличили число своихъ кораблей до шестидесяти и поплыли имъ на встрѣчу въ такъ-называемое Сардонійское (Сардинское) море. Вступивъ съ ними въ морское сраженіе, Фокейцы одержали нѣкотораго рода Кадмейскую побѣду **); ибо у нихъ погибло сорокъ кораблей, а остальные были бесполезны, такъ какъ они лишились мѣдныхъ носовъ. Вернувшись въ Алаію, Фокейцы взяли дѣтей, женъ и изъ своего имущества столько, сколько могли поднять ихъ суда, и затѣмъ, оставивъ Кирнъ, поплыли въ Регионъ. 167) Изъ людей же погибшихъ кораблей большая часть попала въ руки Тирсенновъ и Кархедонянъ, которые высадили ихъ (у Агиллы) и побили камнями. Послѣ этого у Агиллейцевъ все, что проходило мимо того мѣста, гдѣ лежали побитые камнями Фокейцы, все было побито, истреблено, какъ мелкій и вьючный скотъ, такъ и люди. Агиллейцы отправили въ Дельфы пословъ, желая загладить преступ-

*) Корсику.

***) Этимъ выраженіемъ означается побѣда, одержанная съ большимъ урономъ; оно относится къ единоборству сыновей Эдипа, Этеокла и Полиника, которые убили другъ друга, такъ что побѣдитель былъ въ тоже время и побѣжденнымъ. Они были потомками Кадма, основателя Фивъ.

леніе. Писеія приказала имъ дѣлать то, что Агиллейцы и теперь еще дѣлаютъ: они приносятъ великія жертвы по убитымъ и учреждаютъ состязанія въ борьбѣ и наѣздничествѣ. Такой смерти была подвергнута эта часть Фокейцевъ; а тѣ изъ нихъ, которые отплыли въ Регіонъ, по прибытіи туда, заселили тотъ городъ въ Эвотрійской странѣ, который называется теперь Гіэлой. Они заселили его, узнавъ отъ одного челоѣвка изъ Посидоніи, что Писеія, въ пророчествѣ о поселеніи, назвала имъ Кирна героя, а не островъ. 168) Вотъ что случилось съ Фокеей въ Іоніи. Подобное этому случилось и съ Теосцами. Послѣ того, какъ Гарпагъ взялъ ихъ стѣну при помощи насыпи, всѣ они, взоидя на корабли, отплыли во Фракію и тамъ заселили городъ Абдеру, которую еще раньше основалъ Тимевій изъ Клазомень, но не извлекъ изъ этого выгоды, потому что его прогнали Фракійцы; теперь же между Теосцами въ Абдерѣ пользовался почетомъ, какъ герой.

169) Это были единственные Іоняне, которые, не терпя рабства, оставили свои родные города, прочіе же Іоняне, кромѣ Милезійцевъ, вступили съ Гарпагомъ въ сраженіе, такъ же какъ и выселившіеся, и выказали себя храбрыми людьми, сражаясь каждый за свое отечество; но будучи побѣждены и захвачены, они остались каждый въ своей странѣ и исполняли приказанія (побѣдителей). Милезійцы же, какъ мною уже упомянуто, заключили съ Киромъ договоръ и были въ безопасности. Такъ во второй разъ была покорена Іонія. Послѣ того, какъ Гарпагъ покорилъ Іонянъ, жившихъ на материкѣ, Іоняне, обитавшіе на островахъ, испугавшись этого, сами передались Киру. 170) Когда Іоняне потерпѣли несчастіе и тѣмъ не менѣе собрались въ Паніоніонъ, то Біасъ Пріанскій, какъ я слышалъ, далъ Іонянамъ драгоценный совѣтъ, который, послѣдуй они ему, сдѣлалъ бы ихъ счастливейшими изъ Эллиновъ. Онъ совѣтовалъ всѣмъ Іонянамъ смѣстѣ отправиться въ Сардо (Сардинію) и тамъ основать городъ для всѣхъ Іонянъ и такимъ образомъ, избавясь отъ рабства, жить счастливо на величайшемъ изъ всѣхъ острововъ и господствовать надъ другими. Когда же они остались въ Іоніи, онъ сказалъ, что не видитъ для нихъ въ будущемъ свободы. Этотъ совѣтъ былъ данъ Біасомъ Пріанскимъ Іонянамъ, когда они уже были разворены. Другой полезный совѣтъ, еще прежде чѣмъ Іонія была разворена, былъ данъ Фалесомъ Милетскимъ, который, по предкамъ своимъ, былъ Финикіецъ. Именно, онъ совѣтовалъ Іонянамъ устраивать только одно народное собраніе въ Теосѣ (Теосъ есть центръ Іоніи), и чтобы остальные города тѣмъ

не менѣе удерживали свои учрежденія, какъ если бы они были отдѣльными государствами.

171) Вотъ какіе совѣты дали эти мужи. Гарпагъ, покоривъ Іонію, отправился войною на Карійцевъ, Кавніевъ и Ликійцевъ, взявъ съ собою Іонянъ и Эолянъ. Изъ нихъ Карійцы прибыли на материкъ съ острововъ; ибо прежде, когда они были подданными Миноса и назывались Делегами, они обитали на островахъ, не платя никакихъ податей, насколько это я могъ узнать, а только, когда Миносу нужно было, они доставляли ему корабли. И какъ Миносъ покорилъ много странъ и счастливо велъ войны, то Карійскій народъ въ его время былъ самымъ знаменитымъ между всѣми народами. Они сдѣлали три нововведенія, которыми воспользовались Эллины. Карійцы ввели въ обычай дѣлать на шлемахъ гребень и на щитахъ изображенія и первые стали употреблять ручки у щитовъ; до того же времени всѣ, употреблявшіе щиты, носили ихъ безъ ручекъ, прикрѣпляя кожаными ремнями, перекинутыми на шею и лѣвое плечо. Послѣ этого Карійцы въ болѣе позднее время были выгнаны съ острововъ Дорянами и Іонянами и такимъ образомъ прибыли на материкъ. Вотъ что было съ Карійцами, по разсказамъ Критянъ. Сами Карійцы, впрочемъ, не согласны съ ними, но думаютъ, что они туземные жители материка и всегда носили то же имя, какое и теперь. Они показываютъ въ Милазахъ древній карійскій храмъ Зевса, въ которомъ имѣютъ участіе Мизійцы и Лидійцы; ибо Лидъ и Мизъ, говорятъ они, братья Кара. Эти (народы) имѣютъ участіе (въ этомъ храмѣ), всѣ же, которые, будучи другаго племени, говорятъ однимъ языкомъ съ Карійцами, его не имѣютъ. 172) Кавніи, по моему мнѣнію, туземные жители, сами же они говорятъ, что они изъ Крита. По языку они походятъ на Карійскій народъ или Карійцы на Кавнійскій (я не могу этого опредѣлительно рѣшить), но по обычаямъ они много разнятся отъ Карійцевъ и отъ другихъ народовъ. Такъ у нихъ есть прекрасный обычай собираться толпами по возрастамъ и дружбѣ, мужчины, женщины и дѣти, на попойку. Когда у нихъ были выстроены чужеземные храмы, то впоследствии, такъ какъ имъ это не правилось (они рѣшили почитать только отечественныхъ боговъ), всѣ взрослые Кавніи, надѣвъ вооруженіе и ударяя копьями по воздуху, слѣдовали до Калиндійскихъ горъ и утверждали, что они изгоняютъ чужеземныхъ боговъ. Таковы ихъ обычаи. 173) Ликійцы первоначально прибыли изъ Крита (всѣмъ Критомъ въ древнее время владѣли варвары). Когда сыновья Европы, Сарпедонъ и Миносъ, спорили въ Критѣ за царскую власть, и Миносъ

во время возстанія одержалъ верхъ, онъ изгналъ Сарпедона и его сторонниковъ. Изгнанники прибыли въ Азію въ Миліадскую страну; страна, въ которой теперь обитаютъ Ликійцы, въ древности была Миліадской, а Миліады въ то время назывались Салимами. Пока надъ ними властвовала Сарпедонъ, они назывались тѣмъ именемъ, какое принесли съ собою и какимъ еще и теперь называютъ Ликійцевъ ихъ сосѣди — Термилами. Когда же Ликъ, сынъ Пандіона, изъ Аѳинъ, также изгнанный своимъ братомъ, прибылъ въ страну Термиловъ къ Сарпедону, они такимъ образомъ стали называться современемъ по имени Лика — Ликійцами. Обычай ихъ частью критскіе, частью карійскіе. Но у нихъ есть одинъ особенный обычай, въ чемъ они не имѣютъ общаго ни съ какими другими народами, именно: они называютъ себя по матери, а не по отцу. Если кто спроситъ сосѣда, кто онъ, тогда тотъ объяснить свое происхожденіе съ матерней стороны и отъ своей матери будетъ считать далѣе матерей. Если гражданка жила съ рабомъ, дѣти признаются свободными; но если гражданинъ, и даже знатнѣйшій, возьметъ въ жены иностранку или рабу, то дѣти не имѣютъ правъ гражданства.

174) Карійцы, не отличившись никакимъ блестящимъ дѣломъ, были покорены Гарпагомъ; и не только Карійцы не отличились ничѣмъ, но и всѣ Элліны, которые живутъ въ странѣ. Живутъ здѣсь между прочимъ и поселенцы изъ Лакедемонянъ — Книдяне, которыхъ страна прилегаетъ къ морю именно тамъ, гдѣ оно называется Трионійскимъ; такъ какъ Книдская область, начинающаяся отъ Бубассійскаго Херсонеса (полуострова), вся окружена водой, за исключеніемъ незначительной части (съ сѣвера къ ней примыкаетъ Керамискій заливъ, съ юга море со стороны Симы и Родоса); то Книдяне стали перекапывать эту небольшую часть земли въ то время, когда Гарпагъ покорялъ Іонію, съ цѣлью сдѣлать свою страну островомъ. Вся Книдская страна лежитъ по сю сторону (перешейка), ибо она переходитъ въ материкъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится перешеекъ, который они перекапывали. И когда Книдяне трудились изо всѣхъ силъ, у работниковъ были изранены осколками каменной всѣ части тѣла, особенно глаза, такъ сильно и на столько необыкновенно, что они отправили въ Дельфы пословъ спросить о средствѣхъ противъ этого. Піоія, по словамъ самихъ Книдянь, отвѣчала имъ слѣдующее:

Стѣнъ вы не строите на Истмѣ, его не срывайте;
 Былъ бы здѣсь островъ, когда бъ на то воля Зевеса.

Согласно этому отвѣту Піоіи, Книдяне оставили прорытіе рва, и когда Гарпагъ подошелъ съ войскомъ, они передались ему безъ боя. 175) Далѣе жили внутри страны выше Галикарнаса Педавійцы, у которыхъ, а также и у ихъ сосѣдей, должно было случиться какое-то несчастье: у жрицы Аѳины выросла большая борода. Это повторялось три раза. Они одни изъ жителей Каріи сопротивлялись нѣкоторое время Гарпагу и причинили ему весьма много затрудненій, укрѣпивъ гору, по имени Лида. 176) Педавійцы были чрезъ нѣсколько времени покорены, а Ликійцы вышли на встрѣчу Гарпагу, когда онъ велъ войско въ долину Ксанта, и, сразившись съ нимъ въ небольшомъ числѣ противъ многихъ, были побѣждены; вѣнценные въ городъ, они собрали въ крѣпость женщинъ, дѣтей, имущество и рабовъ и предали всю крѣпость огню. Сдѣлавъ это и давъ другъ другу страшныя клятвы, Ксантійцы вышли (на непріятеля) и всѣ погибли въ бою. Теперешніе же Ликійцы, которые называютъ себя семействъ. Эти восемьдесятъ семействъ были въ то время случайно внѣ отечества и такимъ образомъ остались цѣлы. Такъ Гарпагъ овладѣлъ Ксантомъ; подобнымъ же образомъ онъ овладѣлъ и Кавномъ, ибо Кавніи по большей части подражали Ликійцамъ.

177) Нижнюю Азію покорялъ Гарпагъ, верхнюю же самъ Киръ, который нападалъ на каждый народъ, не минуя ни одного. О большей части ихъ мы умолчимъ; я буду говорить о тѣхъ, которые представили ему наиболѣе затрудненій и о которыхъ болѣе всего стоить упомянуть. 178) Послѣ того какъ Киръ покорилъ все на материкѣ, онъ напалъ на Ассирійцевъ. Въ Сиріи есть много и другихъ большихъ городовъ; между ними самымъ знаменитымъ и крѣпкимъ, въ которомъ, со времени взятія Ниневіи, находилось мѣстопробываніе царя, былъ Вавилонъ, устроенный такимъ образомъ: онъ лежитъ на большой равнинѣ и представляеть четырехъугольникъ длиною во 120 стадій съ каждой стороны; всѣхъ стадій въ окружности города четыреста восемьдесятъ. Такова величина Вавилона. Онъ устроенъ, какъ ни одинъ изъ другихъ городовъ, которые мы знаемъ. Сначала его окружаетъ широкой, глубокой и полный воды ровъ, затѣмъ стѣна въ 50 царскихъ *) локтей толщины и въ 200 локтей вышины. Царскій локоть болѣе обыкновеннаго на три пальца. 179) Мнѣ слѣдуетъ сверхъ того еще сказать, на что была употреблена земля изъ рва и какимъ образомъ была возведена

*) Персидсвихтъ.

стѣна. Коная ровъ, въ тоже время дѣлали кирпичи изъ земли, вынимаемой изъ рва, и, надѣлавъ достаточное число кирпичей, ихъ обожгли въ печахъ. Затѣмъ вмѣсто глины употребляли горячій асфальтъ и помѣщали между каждыми тридцатью рядами кирпичей плетенки изъ тростника. Сначала утвердили края рва, а потомъ такимъ же образомъ и самую стѣну. На стѣнѣ выстроены были по обѣимъ краямъ башни, одна противъ другой; между ними оставлено мѣсто, достаточное для прохода четверни. Воротъ во всей окружности стѣны сто, всѣ они изъ мѣди, такъ же какъ косяки и перекладыны. На восьмидней пути отъ Вавилона лежитъ другой городъ, по имени Исъ; тамъ небольшая рѣка, которой имя также Исъ и которая впадаетъ въ рѣку Евфратъ. Эта-то рѣка Исъ доставляетъ вмѣстѣ съ водою множество кусковъ асфальта; отсюда асфальтъ и былъ употребленъ для вавилонской стѣны. 180) Такимъ образомъ былъ обнесенъ стѣнами Вавилонъ. Этотъ городъ состоитъ изъ двухъ частей, ибо по срединѣ его разсѣкается рѣка, по имени Евфратъ. Эта большая, глубокая и быстрая рѣка течетъ изъ Арменіи, а впадаетъ она въ Эритрейское море. Итакъ стѣна съ обѣихъ сторонъ выведена изгибами къ рѣкѣ; отсюда эти изгибы тянутся по обѣимъ берегамъ рѣки, представляя собою укрѣпленіе изъ обожженныхъ кирпичей. Самый городъ со множествомъ трехъ—и четырехъ этажныхъ строеній разсѣкается прямыми улицами въ разныхъ направленіяхъ и между прочимъ въ поперечномъ, по которому они подходятъ къ рѣкѣ. На каждой улицѣ въ стѣнѣ, идущей вдоль рѣки, сдѣланы ворота; число ихъ такое же, какъ и число улицъ. Они всѣ также мѣдныя и ведутъ къ самой рѣкѣ. 181) Эта стѣна представляетъ собою панцырь; еще выведена другая внутренняя стѣна, нѣсколько не слабѣе первой, а только уже. Въ каждой части города выстроено въ срединѣ по зданію, въ одной—царскій дворецъ съ большою и крѣпкою стѣною, въ другой—храмъ Зевса Бела съ мѣдными воротами, который существовалъ въ мое время; это четырехъугольникъ, имѣющій съ каждой стороны по двѣ стадіи. Въ срединѣ храма выстроена башня изъ крѣпкихъ камней въ одну стадію вышины и ширины; на этой башнѣ возведена другая, а на этой третья и такъ до восьми башенъ. Выходъ на нихъ сдѣланъ снаружи вокругъ всѣхъ башенъ; въ срединѣ выхода есть мѣсто для отдыха съ скамьями, на которыхъ садятся отдыхать всходящіе. Въ послѣдней башнѣ устроено обширное святилище; въ святилищѣ стоитъ большая, богатоукрашенная постель, а передъ ней золотой столъ. Но тамъ нѣтъ никакой статуи и никто изъ людей не проводитъ тамъ ночь, кромѣ одной жен-

щины изъ туземныхъ жительницъ, которую будто бы богъ избралъ изъ всѣхъ, какъ говорятъ Халдеи, жрецы этого бога. 182) Говорятъ они также, и по моему мнѣнію несправедливо, что самъ богъ посѣщаетъ храмъ и отдыхаетъ на постель, подобно какъ и въ Оивахъ египетскихъ, по рассказамъ Египтянъ (и тамъ въ храмѣ оиванскаго Зевса спитъ женщина; объ онѣ, какъ рассказываютъ, не имѣютъ сношеній ни съ однимъ мужчиной); такъ же точно и въ Патарахъ ликійскихъ жрица бога, скоро онъ является (ибо оракулъ тамъ не всегда бываетъ), запирается съ нимъ по ночамъ въ храмѣ. Есть также въ вавилонскомъ храмѣ и другое святилище внизу, гдѣ поставлено большое золотое изображеніе Зевса, а передъ нимъ большой золотой столъ. Его скамейка и кресло также изъ золота. По словамъ Халдеевъ все это сдѣлано изъ восьмисотъ талантовъ золота. Въ святилищахъ находится золотой алтарь; есть еще другой большой алтарь, на которомъ приносятся въ жертву множество мелкаго скота, такъ какъ на золотомъ алтарѣ не позволено приносить въ жертву ничего, кромѣ сосуновъ. На большомъ алтарѣ Халдеи сожигаютъ ладана ежегодно на тысячу талантовъ въ то время, когда они празднуютъ праздникъ этому богу. Въ этомъ священномъ мѣстѣ въ то время еще стояла массивная золотая статуя въ 12 локтей. Я ее уже не видалъ, а говорю только, что рассказываютъ Халдеи. Дарій Гистаспъ, домогавшійся этой статуи, не осмѣлился овладѣть ею. Но Ксерксъ, сынъ Дарія, взялъ ее и убилъ жреца, который хотѣлъ запретить ему брать статую. Такъ устроенъ этотъ храмъ, въ которомъ есть много приношеній отъ частныхъ людей.

(Семирамида, 747—733).

184) Въ этомъ Вавилонѣ было много царей, о которыхъ я буду рассказывать въ ассирійской исторіи; они построили стѣны и храмы. Между ними были двѣ женщины; одна, царствовавшая прежде и жившая раньше другой за пять поколѣній, называлась Семирамидой. Она устроила на равнинѣ замѣчательныя насыпи; прежде же рѣка обыкновенно разливалась по всей равнинѣ.

(Нитокрисъ, 604—561.)

185) Другая царица, слѣдовавшая за этой, была по имени Нитокрисъ. Будучи умнѣе прежде царствовавшей, она оставила сооруженія, о которыхъ я стану рассказывать; съ другой стороны, такъ какъ она

видѣла, что государство Мидянъ обширно и не пользуется спокойствіемъ, она отняла у нихъ много городовъ и между прочимъ Ниневію; ихъ она обезопасила, какъ только могла болѣе. Сначала она сдѣлала извиистой рѣку Евфратъ, которая текла прежде прямо,—это та самая, которая течетъ посрединѣ города, — выкопавъ выше каналы, она сдѣлала ее извиистой, такъ что рѣка протекаетъ три раза въ одномъ изъ селеній въ Ассиріи; имя селенію, въ которомъ протекаетъ Евфратъ, Ардерикка. И потому, кто отправляется отъ нашего моря (Средиземнаго) въ Вавилонъ, плывя внизъ по рѣкѣ Евфрату, тому придется три раза быть въ одномъ и томъ же селеніи и это—въ продолженіе трехъ дней. Такъ она это сдѣлала. Она устроила на обѣихъ берегахъ рѣки насыпь, достойную удивленія по той величинѣ и высотѣ, какую она имѣетъ. Гораздо выше Вавилонна она выкопала бассейнъ для озера, проведя его немного въ сторону отъ рѣки, такой глубины, что во всѣхъ мѣстахъ выкопала до самой воды, и такой ширины, что поперечникъ его былъ въ 420 стадій; землю, выкашываемую отсюда, она насыпала по обѣимъ берегамъ рѣки. Послѣ того какъ вырытіе (бассейна) было окончено ею, она провела вокругъ него стѣну изъ камней. Устроила она то и другое—извилистую рѣку и бассейнъ для озера съ тою цѣлью, чтобы рѣка, прерываемая многими изгибами, текла медленно, чтобы путь въ Вавилонъ былъ кривой, и наконецъ, чтобы на пути присоединился еще большой объѣздъ озера. Это было сдѣлано въ той именно части страны, въ которую шли ближайшія дороги изъ Мидіи, для того, чтобы Мидяне не вступили въ сношенія и не узнали ея положенія. 186) Это было ея главное дѣло; сверхъ того она предприняла слѣдующее—второстепенное. Такъ какъ городъ раздѣляется на двѣ части, имѣя посрединѣ рѣку; то при прежнихъ царяхъ всякій, кто желалъ перейти изъ одной части города въ другую, долженъ былъ переправляться на лодкѣ; а это было, по моему мнѣнію, довольно неудобно. Царица озаботилась и объ этомъ; послѣ того, какъ она вырыла бассейнъ для озера, она ввдумала оставить по тому же дѣлу и слѣдующій другой памятникъ. Она приказала вытесать огромные камни; когда камни были у нея готовы и было выкопано водовмѣстителище, она отвела все русло рѣки въ вырытое водовмѣстителище, и въ то время, когда оно наполнилось и старое русло высохло, она, во-первыхъ, устроила изъ обожженныхъ кирпичей берега рѣки въ городѣ и сходы, которые вели отъ воротъ къ рѣкѣ, тѣмъ же способомъ, какъ была выстроена и стѣна, а съ другой стороны она выстроила изъ камней, которые были вытесаны, какъ разъ въ срединѣ города мостъ, связавъ

камни посредствомъ желѣза и свинца. На него она клала, при наступленіи дни, четырехъ-угольныя бревна, по которымъ и переходили Вавилоняне; по ночамъ же эти бревна снимали именно затѣмъ, чтобы Вавилоняне ночью не переходили и не воровали другъ у друга. Когда вырытое (водовмѣстителище было обращено рѣкою въ полное озеро и постройка моста окончена, она ввела рѣку Евфратъ назадъ въ прежнее русло. Такимъ образомъ вырытое водовмѣстителище, какъ и слѣдовало ожидать, обратилось въ болото, но за то для горожанъ былъ устроенъ мостъ. 187) Таже самая царица придумала слѣдующую хитрость. Надъ наиболѣе людными воротами города она соорудила для себя гробницу, которая высоко поднималась надъ этими воротами, и вырѣзала на гробницѣ надпись, гласившую слѣдующее: „кто изъ вавилонскихъ царей, слѣдующихъ за мною, будетъ имѣть недостатокъ въ деньгахъ, пусть откроетъ гробницу и возьметъ оттуда, сколько захочетъ. Но онъ не долженъ открывать ее ни въ какомъ случаѣ, если не имѣетъ дѣйствительной нужды. Это было бы не хорошо.“ Эта гробница оставалась нетронутою до тѣхъ поръ, пока царская власть не перешла къ Дарію. Дарію казалось очень неприятнымъ, что онъ не можетъ воспользоваться этими воротами, тогда какъ тамъ лежатъ деньги, которые онъ не долженъ брать, хотя они сами предлагаютъ себя. Онъ не извлекъ изъ этихъ воротъ пользы по той причинѣ, что, когда онъ проходилъ, надъ его головой былъ трупъ. Открывъ гробницу, онъ не нашелъ денегъ, но одинъ трупъ и надпись, гласившую слѣдующее: „если бы ты не былъ жаденъ къ деньгамъ и корыстолюбивъ, ты не открывалъ бы могилъ мертвецовъ.“ Вотъ что рассказываютъ объ этой царицѣ.

188) Противъ сына этой женщины, который отъ своего отца получилъ имя Лабинета и власть надъ Ассирійцами, Киръ отправился войною. Великій (персидскій) царь отправляется въ походъ, хорошо запасшись провіантомъ изъ дому и мелкимъ скотомъ, и между прочимъ онъ везетъ съ собою воду изъ рѣки Хоаспа, которая течетъ около Сузы, единственной рѣки, воду которой пьетъ царь. Воду изъ этого Хоаспа, отваренную, возятъ за нимъ въ серебряныхъ сосудахъ на нѣсколькихъ четырехъ-колесныхъ колесницахъ, запряженныхъ мулами, всюду, куда бы онъ ни отправлялся. 189) Когда Киръ, слѣдуя въ Вавилонъ, подошелъ къ рѣкѣ Гинду, истоки которой находятся въ Матіанскихъ горахъ, а течетъ она чрезъ страну Дардановъ и впадаетъ въ другую рѣку Тигръ, которая, протекая мимо города Описа, впадаетъ въ Эритрейское море, — когда Киръ пытался переправиться

чрезъ эту судоходную рѣку Гиндъ; въ это время одна изъ его священныхъ бѣлыхъ лошадей по своей рьяности бросилась въ рѣку; но рѣка быстро снесла ее и скрыла подъ водой. Кирь сильно рассердился на рѣку за этотъ дерзкій поступокъ и грозилъ сдѣлать ее такою мелкой, что на будущее время ее легко будутъ переходить и женщины, не замочивъ колынь. Послѣ этой угрозы онъ прервалъ походъ на Вавилонъ, раздѣлилъ свое войско на двѣ половины, и, намѣтивъ протянутыми веревками 180 каналовъ на томъ и другомъ берегу Гинда въ различныхъ направленіяхъ, онъ разставилъ войско и приказалъ копать. Такъ какъ работы производились огромнымъ количествомъ людей, то дѣло было окончено, но все таки они провели тамъ за этой работой цѣлое лѣто. 190) Послѣ того, какъ Кирь наказалъ рѣку Гиндъ, раздѣливъ ее на 360 каналовъ, и уже наступала вторая весна, онъ пошелъ на Вавилонъ. Вавилоняне выступили ему на встрѣчу и ждали его. Когда онъ былъ уже недалеко отъ города, Вавилоняне вступили съ нимъ въ бой, были побѣждены и втѣснены въ городъ. Такъ какъ они знали еще раньше, что Кирь не останется въ покоѣ; ибо видѣли, что онъ нападаетъ безъ различія на каждый народъ; то они заранее заготовили себѣ запасовъ на много лѣтъ; поэтому они не обращали вниманія на осаду. Кирь же былъ въ большомъ затрудненіи, потому что прошло не мало времени, а предпріятіе его не имѣло успѣха. 191) Другой-ли кто-нибудь далъ ему совѣтъ въ этомъ затрудненіи, или онъ самъ придумалъ, какъ ему слѣдуетъ поступить, онъ сдѣлалъ слѣдующее. Размѣстивъ все войско при впаденіи рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ она втекаетъ въ городъ, а другихъ поставивъ по другую сторону города тамъ, гдѣ рѣка выходитъ изъ города, онъ приказалъ войску, лишь только увидать, что русло рѣки сдѣлалось удобнымъ для перехода, войти этимъ путемъ въ городъ. Размѣстивъ такимъ образомъ (войско) и давши это приказаніе, самъ онъ ушелъ съ болѣе слабою частью войска. Придя къ озеру, Кирь сдѣлалъ въ другой разъ тоже, что уже сдѣлала съ рѣкою и озеромъ вавилонская царица. Онъ ввелъ рѣку посредствомъ канала въ озеро, обратившееся въ болото, и сдѣлалъ старое русло удобнымъ для перехода, такъ какъ рѣка спала. Когда это случилось, Персы, которые именно для этого были поставлены вдоль русла Евфрата, какъ скоро рѣка спала настолько, что едва доходила мужчинамъ до половины бедра, вошли такимъ образомъ въ Вавилонъ. Если бы Вавилоняне заранее знали это или замѣтили, что дѣлаетъ Кирь, они бы допустили Персовъ войти въ городъ и погубили бы ихъ самымъ жестокимъ образомъ; заперевъ всѣ ворота, веду-

щія къ рѣкѣ, а сами взоидя на укрѣпленія, выстроенныя по обѣимъ берегамъ рѣки, они бы поймали ихъ, какъ въ западню. Но теперь Персы явились предъ ними совершенно внезапно. Вслѣдствіе обширности города, по разсказамъ тамошнихъ жителей, въ то время, когда были взяты его окраины, Вавилоняне, жившіе въ центрѣ города, не знали, что они уже взяты, но какъ у нихъ случился праздникъ, они въ это время занимались плясками и предавались удовольствіямъ, пока наконецъ не узнали (обо всемъ случившемся). Такъ Вавилонъ былъ въ то время взятъ въ первый разъ.

192) Какъ велико богатство Вавилона, я могу представить этому различныя доказательства и между прочимъ слѣдующее. У великаго царя для содержанія его и войска, кромѣ налога, вся страна, надъ которой онъ царствуетъ, раздѣлена на части. Итакъ, изъ двѣнадцати мѣсяцевъ года четыре мѣсяца его прокармливаютъ вавилонская область, а прочіе восемь мѣсяцевъ вся остальная Азія. Такимъ образомъ ассирійская область по богатству составляетъ треть всей Азіи. Намѣстничество въ этой области, что Персы называютъ сатрапіей, самое доходное изъ всѣхъ намѣстничествъ, потому что Трипангемесомъ, сыномъ Артабаза, который получилъ отъ царя эту провинцію, доставлялась ежедневно полная артаба серебра (артаба, персидская мѣра, вмѣщаетъ въ себѣ тремя аттическими хениксами болѣе, чѣмъ аттической медимнъ *); онъ имѣлъ также въ своей собственности, кромѣ военныхъ лошадей, 800 жеребцовъ и 16000 кобылъ; каждый изъ этихъ жеребцовъ оплодотворялъ двадцать матокъ. Индійскихъ же собакъ держалось такое множество, что четыре большія селенія изъ тѣхъ, что находятся на равнинѣ, освобожденныя отъ другихъ налоговъ, должны были доставлять съветные припасы для собакъ. Тоже было и у вавилонскаго намѣстника. 193) Въ ассирійской странѣ дождь падаетъ рѣдко; созрванію же хлѣбовъ способствуетъ слѣдующее. Вслѣдствіе орошенія изъ рѣки созрѣваетъ посѣвъ и вырастаютъ плоды; но не какъ въ Египтѣ, гдѣ протекаетъ по пашнямъ самая рѣка: здѣсь орошеніе производится руками и посредствомъ насосовъ. Вся вавилонская страна, какъ и египетская, прорѣзана каналами; самый большой изъ нихъ судоходенъ; онъ направляется въ ту сторону, гдѣ зимою восходитъ солнце и идетъ отъ Евфрата къ другой рѣкѣ, къ Тигру, на которой находится городъ Ниневія. Изъ всѣхъ странъ, которыя

* Медимнъ—мѣра сыпучихъ тѣлъ. Онъ составлялъ почти 2 четверика (1,982). Медимнъ дѣлился на 3 трита, 6 эктовъ, 12 полуэктовъ, 48 хениксовъ и 192 котили. Онъ содержалъ 3175 куб. дюймовъ.

мы знаемъ, это есть самая лучшая для произрастанія плодовъ Деметры *). Ибо другихъ деревьевъ она не производила издревле, ни смоковницы, ни виноградника, ни маслины. Но она такъ благоприятна для произрастанія плодовъ Деметры, что вообще приноситъ самъ двѣсти, а когда она приноситъ наилучшій урожай, какой можетъ дать, то и самъ-триста. Листья пшеницы и ячменя обыкновенно шириною въ четыре пальца, а о томъ, что просо и сезамъ бываютъ величиною съ дерево, я, хотя и хорошо знаю это, упоминать не буду, такъ какъ убѣжденъ, что для тѣхъ, которые не путешествовали въ Вавилонъ, и то, что сказано о плодахъ, покажется очень невѣроятнымъ. Масло у нихъ нѣтъ никакого, но они готовятъ его изъ сезама. По всей ихъ равнинѣ растутъ финиковыя пальмы, по большей части плодоносныя, изъ которыхъ они готовятъ хлѣбъ, вино и медъ. Они искусственно выращиваютъ различные роды смоковницъ и изъ финиковыхъ пальмъ тѣ, которыя Эллины называютъ мужскими; ихъ плодъ они связываютъ съ (женскими) пальмами, приносящими финики, для того, чтобы желчная оса, которая живетъ на финикѣ, помогала ихъ оплодотворенію и плодъ пальмы не пропалъ; ибо на плодахъ мужскихъ пальмъ живутъ желчныя осы, такъ же какъ и на дикихъ фигахъ. 194) Но что всего удивительнѣе для меня въ этой странѣ, я теперь объ этомъ расскажу. Ихъ суда, которыя ходятъ внизъ по рѣкѣ въ Вавилонъ, круглы и все изъ кожи. Въ странѣ Армянъ, которые жуютъ выше Ассирійцевъ, они нарѣзываютъ ивъ и дѣлаютъ остовъ судна, на него натягиваютъ снаружи покрывку изъ кожи въ родѣ пола, не сѣкая кормы и не заостряя носа, но сдѣлавъ ихъ круглыми, какъ щитъ; они наполняютъ все это судно соломой, и, наложивъ грузъ, пускаются внизъ по рѣкѣ; возятъ они на этихъ судахъ по большей части бочки съ пальмовымъ виномъ. Управляется это судно посредствомъ двухъ веселъ двумя людьми стоя; когда одинъ тянетъ весло впередъ, другой толкаетъ свое назадъ. Эти суда дѣлаются и очень большія и поменьше; самыя большія изъ нихъ поднимаютъ груза на 5000 талантовъ. На каждомъ суднѣ находится живой осель, на большихъ же по нѣскольку. Прибывъ послѣ своего плаванія въ Вавилонъ и выгрузивъ товары, они оставляютъ здѣсь и остовъ судна и всю солому; кожи же навьючиваютъ на ословъ и отвозятъ назадъ въ Арменію, ибо вверхъ по рѣкѣ невозможно плыть вслѣдствіе быстроты ея теченія; по той же причинѣ они дѣлаютъ суда не

*) Иначе Церера, богиня земледѣлія.

изъ дерева, а изъ кожи. Когда они приведутъ своихъ ословъ обратно въ Арменію, они такимъ же точно образомъ дѣлаютъ другія суда. 195) Такого рода у нихъ суда. Одежду они носятъ слѣдующую: полотняный хитонъ, доходящій до пятъ; на него надѣваютъ другой шерстяной и набрасываютъ поверхъ бѣлый плащъ. Обувь носятъ они по туземному образцу, похожую на обувь Беотійцевъ. Нося длинные волосы, они укрѣпляютъ ихъ повязками на головѣ; они умащаютъ все тѣло. Каждый носитъ перстень и искусно сдѣланный посохъ, на всякомъ посохѣ дѣлается яблоко или роза, лилія, орелъ или какаянибудь другая фигура; безъ фигуръ у нихъ не принято носить посоховъ. Это ихъ украшенія для наружности. 196) Далѣе у нихъ существуютъ слѣдующіе обычаи. Вотъ одинъ, по моему мнѣнію, самый мудрый, который, какъ я знаю, существуетъ и у иллирійскихъ Энеатовъ. Каждый годъ по всемъ селеніямъ происходило слѣдующее. Когда дѣвицы достигали совершеннолѣтія, ихъ всехъ собирали и приводили въ одно мѣсто; кругомъ становилась толпа мужчинъ. Глашатай приказывалъ имъ вставать одной за другой и предлагалъ ихъ на продажу, сначала самую красивую изъ нихъ, а потомъ, когда эта находила покупателя за дорогую цѣну, онъ вызывалъ другую, наиболѣе красивую послѣ первой. Ихъ продавали въ супружество. Все богатые Вавилоняне, достигшіе совершеннолѣтія, наперерывъ другъ передъ другомъ покупали дѣвицъ, отличавшихся красотою, а совершеннолѣтніе изъ простаго народа не требовали красивой наружности: они брали деньги и самыхъ некрасивыхъ дѣвицъ. Именно, когда глашатай кончалъ продажу красивѣйшихъ дѣвицъ, онъ приказывалъ встать самой некрасивой или той, которая изъ нихъ была увѣчной, и объявлялъ объ ней, кто желаетъ взять какъ можно меньше денегъ и жить съ нею; деньги же шли отъ красивыхъ дѣвицъ и такимъ образомъ красивые выдавали некрасивыхъ и увѣчныхъ. Выдавать свою дочь, за кого каждый пожелаетъ, не дозволялось, ни уводить купленную дѣвицу безъ поручительства, а слѣдовало представить поручительство въ томъ, что онъ дѣйствительно будетъ жить съ нею, и тогда уже уводить. Если же они не соглашались (жить другъ съ другомъ), то слѣдовало по закону возратить деньги. Довольно также желающему приходило изъ другаго селенія для покупки (дѣвицы). Вотъ какой у нихъ былъ прекрасный обычай, теперь онъ уже не существуетъ, и въ послѣднее время Вавилоняне поступаютъ иначе съ тѣмъ, чтобы не обижать дѣвицъ и чтобы ихъ не уводили въ чужой городъ. Именно, съ тѣхъ поръ какъ они, вслѣдствіе своего подчиненія, впали въ несчастія и

разворились, каждый человекъ изъ простаго народа, нуждаясь въ средствахъ къ жизни, развращалъ своихъ дочерей. 197) Второй по мудрости обычай у нихъ слѣдующій. Больныхъ выносятъ на площадь — у нихъ нѣтъ врачей; каждый подходитъ къ больному и даетъ ему совѣты относительно его болѣзни, если кто и самъ страдалъ такою же болѣзью, какою страдаетъ больной, или видѣлъ, что другой страдаетъ ею. Подходя, каждый даетъ совѣты и рекомендуетъ тѣ средства, какими онъ самъ излѣчился отъ подобной же болѣзни, или видѣлъ, что другой избавился отъ нея. Пройти мимо больного молча, не спросивъ, чѣмъ онъ боленъ, у нихъ не позволено. 198) Своихъ покойниковъ они предають погребенію въ меду; у нихъ такія же причитанья, какъ въ Египтѣ. Какъ скоро Вавилонянинъ имѣлъ сношеніе съ своей женой, онъ садится около жертвеннаго куренія, а съ другой стороны тоже самое дѣлаетъ его жена. При наступленіи утра оба они моются, потому что они не прикаснутся ни къ одному сосуду, прежде чѣмъ не вымоются. Такъ же поступаютъ и Арабы. 199) Самый дурной изъ обычаевъ Вавилонянъ слѣдующій. Всякая туземная женщина должна сѣсть въ храмъ Афродиты и разъ въ жизни имѣть сношеніе съ иностранцемъ. Многія, считая недостойнымъ для себя мѣшаться съ другими, такъ какъ они гордятся своимъ богатствомъ, прѣзжаютъ въ крытыхъ колесницахъ и становятся у храма въ сопровожденіи многочисленной прислуги. Большая же часть поступаетъ такъ. Женщины во множествѣ садятся въ священной рошѣ Афродиты съ нитяными вѣнками на головахъ; одни приходятъ, другія уходятъ. По прямому, какъ вытянутая веревка, проходятъ, которые въ разныхъ направленіяхъ идутъ между женщинами, проходятъ иностранцы и выбираютъ (женщинъ). Разъ съѣла тамъ женщина, она уходитъ домой не прежде, чѣмъ какой-нибудь иностранецъ броситъ ей на колѣна серебряную монету и не будетъ имѣть съ нею сношенія внѣ храма. Бросившій деньги долженъ сказать: „приглашаю тебя во имя богини Милитты.“ Милиттой называютъ Ассирійцы Афродиту. Какова бы ни была монета, она не смѣетъ отказать; ибо не имѣетъ на это права: эта монета священная. Женщина слѣдуетъ за первымъ, который броситъ, и не отвергаетъ никого. Имѣвъ сношеніе и исполнивъ долгъ въ отношеніи къ богинѣ, она уходитъ и съ этого времени нѣтъ такого подарка, при помощи котораго можно бы было овладѣть ею. Тѣ, которыя отличаются красотой и ростомъ, уходятъ скоро; а тѣ изъ нихъ, которыя некрасивы, остаются подолгу, не будучи въ состояніи исполнить закона; инны проводятъ тутъ по три

и по четыре года. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Кипрѣ существуетъ подобный же обычай.

200) Таковы обычаи, существующіе у Вавилонянъ. Между ними есть три племени, которыя ничѣмъ другимъ не питаются, кромѣ одной рыбы; когда они, наловивъ ее, высушатъ на солнцѣ, то дѣлаютъ слѣдующее: кладутъ ее въ ступку, толкутъ пестами и просѣиваютъ сквозь полотно. Кто пожелаетъ, замѣшиваетъ ее въ родѣ тѣста, иной печетъ ее, какъ хлѣбъ.

201) Когда Киръ покорилъ этотъ народъ, онъ задумалъ подчинить себя и Массагетовъ. Народъ этотъ, какъ рассказываютъ, великъ и силенъ; живетъ онъ на востокѣ и на восходѣ солнца по ту сторону рѣки Аракса, противъ Исседоновъ. Нѣкоторые говорятъ также, что это Скиское племя. 202) Араксъ, по рассказамъ, и больше и меньше Истра *). Говорятъ, что на немъ находятся многочисленные острова, по величинѣ равные Лесбосу, а на островахъ живутъ люди, которые питаются лѣтомъ, вырывая разные корни, а плоды, которые они собираютъ съ деревьевъ, когда тѣ созрѣютъ, они кладутъ про запасъ и питаются ими зимою. У нихъ растутъ деревья, которыя приносятъ такого рода плоды: жители собираются толпами въ одно мѣсто и разводять огонь; усѣвшись кругомъ, они бросаютъ въ него эти плоды, и когда, при горѣннн брошеннаго плода, они его нанюхаются, то приходятъ въ такое же опьяненіе отъ этого запаха, какъ Элліны отъ вина, и чѣмъ больше бросаютъ плодовъ, тѣмъ больше приходятъ въ опьяненіе, пока наконецъ не примутся за пляску и пѣніе. Говорятъ, что они въ этомъ проводятъ время. Рѣка Араксъ течетъ изъ страны Матіановъ, откуда и Гиндъ, который Киръ раздѣлилъ на 360 каналовъ; изливается же онъ сорока рукавами, которые всѣ, за исключеніемъ одного, исходятъ въ болото и стоячія воды; тутъ, говорятъ, живутъ люди, которые питаются сырой рыбой, а одежду носятъ изъ шкуры морскихъ собакъ; одинъ же изъ рукавовъ Аракса течетъ по равнинѣ въ Каспійское море. Каспійское море есть отдѣльное море и не общается съ другими; ибо море, по которому веадѣ плаваютъ Элліны, какъ по ту сторону (геркулесовыхъ) столбовъ, называемое Атлантическимъ, такъ и Эритрейское, есть на самомъ дѣлѣ одно и тоже. 203) Каспійское же море есть другое отдѣльное море; длина его для весельнаго корабля въ пятьдесятъ дней пути, а ширина въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно всего шире, въ восемь дней. Тамъ, гдѣ это море направ-

*) Дунай.

ляется къ западу, прилегаеть къ нему Кавказъ, величайшій горный хребетъ по объему и по высотѣ. Много разнообразныхъ человѣческихъ племенъ включаетъ въ себя Кавказъ, которыя все питаются дикими плодами. У нихъ, говорятъ, растутъ деревья, листья которыхъ такого свойства: жители толкутъ ихъ и, смѣшавъ съ водою, рисуютъ ими на своихъ одеждахъ разныя фигуры. Эти фигуры не смываются, а изнашиваются вмѣстѣ со всей матеріей, какъ будто они были ватканы сначала. Сношенія съ женщинами у этихъ людей совершаются открыто, какъ у животныхъ, живущихъ стадами.

204) Итакъ, съ запада къ этому морю, называемому Каспійскимъ, примыкаетъ Кавказъ, на востокъ же и на восходъ солнца тянется равнина на необозримомъ протяженіи. Не малую часть этой огромной равнины занимаютъ Массагеты, противъ которыхъ Киръ возымѣлъ намѣреніе отпратить войною. Много было такого, что подвигало и побуждало его къ этому; во первыхъ его происхожденіе, кававшееся ему выше человѣческаго, а затѣмъ счастье въ войнахъ; ибо, куда Киръ однажды направилъ походъ, невозможно было, чтобы этотъ народъ избѣжалъ его. 205) Царицею Массагетовъ была одна вдова, по имени Томириса. Пославъ къ ней, Киръ для вида сватался за нее; но Томириса, понявъ, что онъ желаетъ не ее, а Массагетское царство, отказала ему. Послѣ этого Киръ, когда ему не удалась хитрость, двинувшись къ Араксу, началъ открыто войну противъ Массагетовъ, наводя мосты на рѣкѣ для переправы войска и строя суда съ башнями также для перѣзда черезъ рѣку. 206) Когда онъ занимался этими работами, Томириса прислала къ нему вѣстника сказать: „царь Мидянь, перестань дѣлать то, что ты дѣлаешь; ты, вѣдь, не знаешь, будетъ ли твое предпріятіе имѣть успѣхъ. Оставь же его и царствуй надъ своими, допусти для себя возможность видѣть, что мы владѣемъ своею собственностью. Если же не пожелаешь воспользоваться этими совѣтами, то—буде у тебя такъ велико желаніе помѣряться съ Массагетами—оставь работу, которою ты занимаешься, устраивая мосты на рѣкѣ, и когда мы отойдемъ отъ рѣки на три дня пути, переходи въ нашу страну. А если ты лучше хочешь насъ встрѣтить въ своей странѣ, то самъ сдѣлай тоже.“ Киръ, услыхавъ это, совзвалъ знатнѣйшихъ Персовъ; собравъ ихъ, онъ представилъ имъ на обсужденіе это дѣло, спрашивая у нихъ совѣта о томъ, какъ поступить. Мнѣнія всѣхъ были одинаковы: все совѣтовали ожидать Томирису съ войсками на этомъ мѣстѣ. 207) Но Крезъ Лидійскій, который присутствовалъ тутъ и былъ недоволенъ этимъ мнѣніемъ, высказалъ мнѣніе, совер-

шенно противоположное; онъ сказалъ: „царь, я еще прежде говорилъ тебѣ, когда Зевесъ меня тебѣ предалъ, что всякое несчастіе, грозящее твоему дому, какое я только замѣчу, я буду отстранять по мѣрѣ возможности. Мои тяжелыя несчастія были мнѣ наукой. Если ты считаешь себя безсмертнымъ и думаешь, что ты начальствуешь надъ такимъ же войскомъ, то мнѣ нѣтъ и необходимости высказывать свое мнѣніе; если же ты знаешь, что ты человѣкъ и начальствуешь надъ подобными себѣ, то знай прежде всего, что круговращеніе человѣческихъ дѣлъ не позволяетъ, чтобы люди всегда имѣли удачу. Итакъ я имѣю мнѣніе о настоящемъ дѣлѣ иное, чѣмъ эти. Если мы захотимъ ждать непріятеля на мѣстѣ, то тутъ тебѣ предстоитъ слѣдующая опасность: побѣжденный, ты погубишь все государство; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Массагеты послѣ побѣды не уйдутъ назадъ, но двинутся въ твои владѣнія; въ случаѣ, если ты побѣдишь, твоя побѣда не будетъ такъ полна, какъ еслибы ты побѣдилъ Массагетовъ, перейдя въ ихъ страну, и могъ бы слѣдовать за ними, когда они побѣгутъ; ибо я предполагаю, что здѣсь будетъ тоже самое, что было бы и на другой сторонѣ, а именно, что ты послѣ побѣды надъ противниками быстро двинешься во владѣнія Томирисы. Кромѣ сказаннаго, постыдно и невыносимо, чтобы Киръ, сынъ Камбиза, уступилъ женщинѣ и ушелъ съ своего мѣста. Итакъ мнѣ кажется, что теперь слѣдуетъ переправиться и идти впередъ, на сколько Массагеты отступятъ, и тогда слѣдующимъ образомъ попытаться побѣдить ихъ. Какъ я знаю, Массагеты незнакомы со всеми благами, которыя имѣютъ Персы, и не испытали многихъ удовольствій. Итакъ, зарѣжь для этихъ людей множество мелкаго скота, и изготовивъ, предложи имъ въ нашемъ лагерѣ пиръ, кромѣ того выставь щедро чаши съ чистымъ виномъ и разныя яства. Сдѣлавъ это, мы оставимъ самую слабую часть войска, а остальныхъ отведемъ опять къ рѣкѣ; если я не погрѣшаю въ своемъ мнѣніи, то они, при видѣ такихъ благъ, набросятся на нихъ, а намъ тогда достанется отличиться великими дѣлами.“

208) Эти мнѣнія были противоположны. Киръ, оставивъ первое, принялъ мнѣніе Креза и объявилъ Томирисѣ, чтобы она отступила, между тѣмъ какъ онъ перейдетъ въ ея страну. Она отступила, какъ обѣщала сначала. Киръ же, передавъ Креза на руки своему сыну Камбизу, которому онъ оставлялъ царскую власть, поручилъ ему почитать его и благодѣтельствовать ему, въ случаѣ если походъ на Массагетовъ не будетъ имѣть успѣха; давъ эти порученія, онъ отослалъ его въ Персію, а самъ съ войскомъ перешелъ рѣку. 209) Пе-

реправясь чрез Араксъ, Киръ, при наступленіи ночи, видѣлъ слѣдующій сонъ, когда спалъ въ странѣ Массагетовъ. Ему казалось во снѣ, что онъ видитъ, будто старшій сынъ Гистаспа имѣть на плечахъ крылья и однимъ изъ нихъ онъ покрываетъ Азію, другимъ Европу. У Гистаспа, сына Арзама, Ахеменида, старшій изъ сыновей былъ Дарій, имѣвшій въ то время около 20 лѣтъ отъ роду; онъ остался въ Персіи, потому что не былъ еще въ такомъ возрастѣ, чтобы идти въ походъ. Проснувшись, Киръ сталъ размышлять о снѣ; такъ какъ ему показалось, что этотъ сонъ имѣлъ важное значеніе, онъ призвалъ Гистаспа и, оставивъ его при себѣ одного, сказалъ ему: „Гистаспъ, твой сынъ подозрѣвается въ злоумышленіи противъ меня и моей власти; я докажу, что знаю объ этомъ навѣрное. Боги заботятся обо мнѣ и возвѣстили мнѣ объ угрожающей опасности. Въ прошлую ночь, когда я спалъ, я видѣлъ, что твой старшій сынъ имѣть на плечахъ крылья, изъ которыхъ однимъ онъ покрываетъ Азію, другимъ Европу. По этому сну нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ злоумышляетъ противъ меня. Итакъ, отправляйся какъ можно скорѣе навадь въ Персію и позаботься, когда я послѣ покоренія этой страны вернусь туда, представить своего сына ко мнѣ на судъ.“ 210) Такъ говорилъ Киръ, думая, что Дарій злоумышляетъ противъ него. Божество же возвѣстило ему, что самъ онъ долженъ тутъ умереть, а его царская власть перейдетъ къ Дарію. Гистаспъ отвѣчалъ ему: „царь, не родился еще Персъ, который бы сталъ строить козни противъ тебя, а если такой есть, то да погибнетъ онъ тотчасъ-же. Ты сдѣлалъ Персовъ изъ рабовъ свободными, изъ подданныхъ властителями надъ всѣми. И если сонъ открылъ теперь тебѣ, что мой юный сынъ злоумышляетъ противъ тебя, я даю тебѣ власть дѣлать съ нимъ, что хочешь.“ Такъ сказалъ Гистаспъ; онъ переправился чрезъ Араксъ и поѣхалъ въ Персію охранять своего сына Дарія для Кира. 211) Киръ прошелъ отъ Аракса далѣе на одинъ день пути и исполнилъ совѣтъ Креза. Послѣ того, какъ онъ съ лучшимъ войскомъ отступилъ навадь къ Аракеу и оставилъ самое слабое; подошла третья часть массагетскаго войска и умертвила остававшихся изъ кирово войска, когда они защищались. Увидавъ приготовленный пиръ, Массагеты послѣ побѣды надъ противниками расположились лагеремъ и стали пировать; напившись и напившись, они заснули. Персы же напали на нихъ, многихъ убили, большую же часть взяли въ плѣнъ и между прочимъ сына царицы Томирисы, который начальствовалъ надъ Массагетами, по имени Спаргаписа. 212) Томириса, узнавъ, что случилось съ ея войскомъ и сы-

номъ, прислала къ Киру вѣстника сказать: „ненасытны кровью Киръ, не гордись той случайной удачей, что съ помощью вина изъ виноградныхъ плодовъ, напившись котораго, вы приходите въ такое безуміе, что, лишь только это вино проникнетъ въ ваше тѣло, оно вызываетъ у васъ неприличныя слова, не гордись, что ты овладѣлъ моимъ сыномъ съ помощью этого яда, а не силой въ бою. И такъ теперь прими мое предложеніе, потому что я даю тебѣ добрый совѣтъ. Отдай мнѣ моего сына и уходи безнаказанно въ свою страну послѣ своего вѣроломнаго поступка съ третьей частью массагетскаго войска. Если ты этого не сдѣлаешь, то я напоминаю тебѣ о Солницѣ, повелителѣ Массагетовъ; я на самомъ дѣлѣ хочу тебя, ненасытнаго, насытить кровью.“ 213) Киръ не обратилъ вниманія на эти переданныя ему слова. Сынъ царицы Томирисы, Спаргаписъ, какъ скоро отрезвился и узналъ, въ какомъ онъ былъ несчастіи, сталъ умолять Кира, чтобы его освободили отъ оковъ; лишь только онъ былъ освобожденъ и получилъ возможность дѣйствовать руками, онъ самъ убилъ себя. Такимъ образомъ онъ умеръ.

(Смерть Кира, 530 г.)

214) Томириса, такъ какъ Киръ не послушался ее, собрала все свое войско и напала на Кира. Это сраженіе изъ всѣхъ, которыя когда-либо происходили между варварами, по моему мнѣнію, было самымъ упорнымъ, и я знаю, что оно произошло такъ: сначала, говорятъ, они надали стрѣляли другъ въ друга, а потомъ, истощивъ всѣ стрѣлы, спшиблись на коняхъ и мечахъ; такъ шло долгое время; они сражались, не желая ни тѣ, ни другія бѣжать; наконецъ Массагеты одолѣли; большая часть персидскаго войска здѣсь пала, и самъ Киръ былъ убитъ, процарствовавъ всего 29 лѣтъ. Томириса наполнила мѣхъ человѣческой кровью и стала искать между убитыми Персами трупъ Кира; найдя его, она окунула его голову въ мѣхъ, и, ругаясь надъ трупомъ, сказала: „ты при моей жизни и моей побѣдѣ надъ тобою погибъ за то, что коварствомъ захватилъ моего сына, и я хочу, какъ угрожала, напоить тебя кровью.“ Я выбралъ этотъ разсказъ о кончинѣ Кира изъ многихъ другихъ, которые я слышалъ, потому что онъ казался мнѣ наиболѣе достовернымъ.

215) Массагеты носятъ одежду и ведутъ образъ жизни, подобно Скиамъ. Они сражаются на лошадяхъ и пѣшіе (ибо они способны и къ тому и къ другому); они умѣютъ владѣть руками, коньями и сѣки-

рами. У нихъ все изъ золота и мѣди, именно: конья, наконечники стрѣлъ и сѣкиры изъ мѣди, а головные уборы, пояса и удила они украшаютъ золотомъ. Они также надѣваютъ на грудь лошадямъ мѣдныя панцыри, а узды, удила и украшения на нихъ дѣлаютъ изъ золота. Они вовсе не употребляютъ ни желѣза, ни серебра; ибо у нихъ этого въ странѣ нѣтъ, но есть много золота и мѣди. 216) Обычай ихъ слѣдующіе. Каждый беретъ одну жену, но ими пользуются сообща; Эллины рассказываютъ, что это дѣлаютъ Скиѣы, но это дѣлаютъ не Скиѣы, а Массагеты. Если Массагетъ пожелаетъ женщину, онъ вѣшаетъ колчанъ предъ колесницей и имѣетъ сношеніе безъ всякаго стыда. Предѣлъ возраста у нихъ (у всѣхъ) одинаковъ. Когда кто сдѣлается очень старъ, родственники собираются вмѣстѣ и закалываютъ его вмѣстѣ съ мелкимъ скотомъ. Изжаривъ мясо, они принимаютъ пировать. Это у нихъ считается самымъ большимъ блаженствомъ. Умершаго отъ болѣзни они не сѣдаютъ, но погребаютъ въ землѣ, считая несчастіемъ, что ему не пришлось быть убитымъ. Они ничего не сѣютъ, а питаются домашними животными и рыбой. Последнюю они въ большомъ количествѣ ловятъ въ рѣкѣ Араксѣ. Ихъ питье — молоко. Изъ боговъ они почитаютъ одно Солнце, которому приносятъ въ жертву лошадей; при этомъ жертвоприношеніи у нихъ такой обычай: они посвящаютъ быстрѣйшему изъ боговъ быстрѣйшее изъ всѣхъ животныхъ.
